А. Струговщиковъ

ИЗЪ КНИГЪ
К. П. СОЛОВЬЕВА
№ 15473

Из библиотеки
Н. Я. Голубевского

801674

11

Р1
К17

КАМЧАДАЛКА

ИЗ БИБЛИОТЕКИ
Н. А. ГОЛЕНИЩЕВА

СОЧИНЕНІЕ

И. Калашникова.

ЧАСТЬ I.

28

Второе изданіе.

С. ПЕТЕРБУРГЪ.

1842.

обл
И1 801674

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ

съ тѣмъ, чтобы по напечатаніи, представлено было въ Цензурный Комитетъ узаконенное число экземпляровъ. С. Петербургъ, декабря 11 дня 1841 года.

Ценсоръ *П. Корсаковъ.*

ВЪ ТИПОГРАФІИ А. ІОГАНСОНА.

Из библиотеки
К. В. Голубевского

ОТЪ СОЧИНИТЕЛЯ.

Благосклонный пріемъ публикою перваго моего романа: Дочь Купца Жолобова, *и особенно лестные отзывы о немъ лучшихъ нашихъ и даже иностранныхъ литераторовъ, дали мнѣ смѣлость издать еще романъ, въ томъ же родѣ и духѣ написанный. Романъ сей не по происшествію, но по мѣстности своей, есть нѣкоторымъ образомъ продолженіе перваго: здѣсь и тамъ дѣйствіе происходитъ въ Сибири, и такимъ образомъ оба сіи ро-*

мана знакомятъ читателя съ сибирскою природою и туземными обитателями. Въ обоихъ я старался сохранить и оттѣнки сибирскаго нарѣчія; но какъ въ прежнемъ большая часть словъ сибирскихъ, употребленныхъ въ нынѣшнемъ, уже объяснена: то я и не считалъ нужнымъ дѣлать таковымъ словамъ вторичнаго объясненія. Слова же и изрѣченія, вновь употребленныя, напечатаны курсивомъ.

Описываемое мною въ настоящемъ романѣ происшествіе, имѣющее сценою своею Камчатку, я отнесъ къ концу прошедшаго столѣтія, когда управленіе Камчатки было еще устроено на общемъ Учрежденіи о Губерніяхъ, и когда большая часть Камчадаловъ еще сохраняла вполнѣ свою вѣру и обычаи. Послѣ же того положеніе ихъ весьма измѣнилось и въ худомъ и въ хорошемъ отношеніяхъ, какъ то: ПЕРВОЕ: *они претерпѣли ужасную повальную болѣзнь, истребившую, въ началѣ минувшаго цар-*

ствованія, большую часть народонаселенія Камчатки, такъ что въ острожкахъ, имѣвшихъ душъ сто и болѣе, осталось послѣ оной не болѣе пятнадцати, а иныя и менѣе; ВТОРОЕ: *приняли всѣ христіанскую вѣру, а съ нею вмѣстѣ и многіе русскіе обычаи, и* ТРЕТІЕ: *получили удобнѣйшее и сообразнѣйшее, какъ съ нравами ихъ, такъ и вообще съ мѣстнымъ положеніемъ Камчатки управленіе, и въ быту своемъ во многомъ улучшились, особенно со времени пребыванія въ Камчаткѣ Петра Ивановича Рикорда, оставившаго по себѣ память начальника умнаго, безкорыстнаго и проникнутаго живымъ рвеніемъ ко благу ввѣренной ему страны.*

Из библиотеки К. Я. Гедеоновского

I.

НОВЫЙ МЕТАФИЗИКЪ.

Камчатка! Вотъ слово, которое и въ самой Сибири, т. е., по мнѣнію многихъ, въ царствѣ вѣчной зимы, составляетъ предметъ страха и удивленія! Какова же должна быть сія страна? Но ничего не бывало! И Камчатка, какъ и всякая другая страна въ мірѣ, имѣетъ свои невыгоды, правда; но и свои выгоды, свои бури и свое ве́дро, свои снѣга и свои цвѣты. Преимущественно внутреннія земли пользуются климатомъ весьма умѣреннымъ и даже, можно сказать безъ увеличенія, благорастворенным; берега хотя менѣе плодородны, но также нельзя

назвать, особливо восточный, совершенно неудобными къ народонаселенію; только одна южная часть, называемая *Лопаткою*, отличается суровостію климата и безплодностію почвы: это есть обширная, съ юга на сѣверъ болѣе ста верстъ простирающаяся, безплодная пустыня, въ самой южной оконечности необитаемая и покрытая тундрою, далѣе же къ сѣверу загроможденная сопками (*), придающими ей видъ, особенно со стороны моря, самый дикій и печальный.

Посреди сего необъятнаго кладбища природы, въ окрестностяхъ рѣки Озерной, по юго-западному берегу моря, въ первыхъ числахъ ноября, тянулось нѣсколько санокъ, по-камчадальски: *шежхедовъ*, запряженныхъ собаками. Въ каждомъ *шежхедѣ* было по цѣлому цугу, или, по-тамошнему: по *нартѣ* (**) собакъ, т. е. по пяти, изъ коихъ четыре были заложены попарно, а пятая—впереди. Шежхедъ есть самыя легкія санки, состоящія почти изъ однихъ полозковъ и четырехъ довольно высокихъ копыль-

(*) Сопка, остроконечная гора.

(**) Въ Охотскѣ и въ другихъ сѣверныхъ мѣстахъ нартами называются самыя сани.

евъ съ укрѣпленною на нихъ ремнями тонкою рѣшеткою, на которой помѣщается сѣдокъ. Двумъ сѣдокамъ на одномъ шежхедѣ ѣхать нельзя, а потому и въ описываемомъ нами караванѣ путешественники сидѣли каждый на особомъ. Въ одномъ изъ нихъ сидѣлъ старикъ съ большею сѣдой бородою, но еще свѣжимъ лицемъ, въ чертахъ котораго была замѣтна особенная доброта и кроткая важность, спутница лѣтъ и опытности. Подлѣ него двигалась длинная, нескладная фигура, которой ноги едва умѣщались на полозкахъ (*), руки преважно были сложены на груди, а маленькая, со вздернутымъ носомъ, одноглазая головка значительно обозрѣвала вокругъ себя, показывая видъ глубокаго вниманія и размышленія. Впереди сихъ путешественниковъ ѣхала дѣвушка, повидимому, лѣтъ шестнадцати, собою прекрасная, смотрѣвшая съ величайшею беззаботливостію на окружавшіе ее предметы, и то приближавшаяся къ каравану, то вдругъ пускавшая собакъ рысью и далеко уѣзжавшая отъ своихъ сопутниковъ. Всѣ трое были одѣты по-камчадальски, съ тою только

(*) На шежхедахъ сидятъ обыкновенно, спустивъ ноги на правую сторону.

разницею, что старикъ и дѣвушка имѣли на себѣ платье наряднѣйшее, нежели ихъ товарищъ; различія же между мужскимъ и женскимъ платьемъ не было ни какого. На двухъ первыхъ были оленьи *парки*, т. е. похожія на рубашку, съ узкими рукавами и съ кулемъ назади, для покрытія головы вмѣсто шапки, вывороченныя вверхъ шерстью шубы, у которыхъ воротъ и подолъ были обшиты щеголеватымъ, по-камчадальской модѣ, подзоромъ, и опушены бобромъ; на длинномъ же товарищѣ ихъ была надѣта, подобная паркѣ, только меньшей длины, съ широкими рукавами, *куклянка*, сшитая частію изъ звѣриныхъ, а частію изъ птичьихъ кожъ, съ такимъ же кулемъ, какъ у парки, и, сверхъ того, съ длиннымъ хвостомъ. На ногахъ у старика и дѣвушки были *торбасы*, т. е. сапоги съ красными изъ тюленьей кожи головами и съ замшеными голенищами, также украшенными преузорочными подзорами, а на сопутникѣ ихъ *камасы*, или сапоги, изъ оленьей кожи вверхъ шерстью. Само собою разумѣется, что такой же нарядъ имѣли на себѣ человѣка четыре Камчадалъ, сидѣвшихъ въ остальныхъ шежхедахъ.

Караванъ тянулся по горѣ. День былъ довольно теплый, въ отношеніи ко времени, но

сумрачный. Сѣрыя облака висѣли грядами по небу, далеко, далеко простираясь на юго-западъ по безпредѣльному горизонту, и, наконецъ, сливаясь съ водами океана, посреди котораго, на самомъ краю небосклона, возвышался выходящій изъ безднъ уединенный *Алаидъ*, вѣчно курящійся, какъ неугасимый жертвенникъ Бога Вселенныя (*). На сѣверо-востокѣ, среди синѣвшихся хребтовъ, также курились многія горы, межъ которыхъ владычествовала сопка *Опальная*, неуступающая высотою *Тенерифскому Пику*. Вообще же горы были покрыты снѣгомъ, по которому, при подошвѣ ихъ разстилался въ падяхъ густой туманъ, какъ вѣчный трауръ сей печальной страны. Вокругъ, на великое пространство, не было видно ни одного деревца, на которомъ взоръ, утомленный скучнымъ единообразіемъ, могъ бы отдохнуть, какъ при встрѣчѣ со своимъ знакомцемъ; не было ни одного существа живаго, какъ въ области смерти. Кругомъ все молчало! И только глухой, протяжный, подобный самому отдаленному, но великому грому,

(*) Аландъ, огнедышущая сопка, стоящая посреди моря, въ разстояніи верстъ 50-ти отъ берега.

вѣчный стонъ *сулоевъ* (*), нарушалъ безмолвіе пустыни: да еще доносились изрѣдка по вѣтру дикой ревъ сивучей и пронзительные крики чаекъ, кружившихся вдалекѣ надъ моремъ.

— Смотри-ка *Камакъ!* — сказалъ одинъ изъ Камчадаловъ своему товарищу. — Вѣдь эти чайки ужъ вѣрно завидѣли кита дохлаго.... Да куда ты смотришь? Вонъ направо-то, къ Алаиду!

«Вижу, вижу теперь! — отвѣчалъ Камакъ. — Да что толку! — прибавилъ онъ съ непритворнымъ огорченіемъ. — Вѣдь намъ, братъ, и косточкой поживиться не удастся!»

— А можетъ статься, и никто не поживится кромѣ *Гамуловъ* (**)! Вѣдь они, братъ, не по нашему ловить-та умѣютъ!

«Неужто?»

— Знать, ты не говаривалъ со стариками?... Какъ же! Вѣдь, Гамулы только и дѣла дѣлаютъ въ *Опальной* сопкѣ, что китовъ варятъ да ѣдятъ, а ловятъ ихъ по ночамъ.

(*) *Сулои*—валы, ходящіе во время прилива и отлива. Между первымъ Курильскимъ островомъ и Лопаткою сулои бываютъ такъ велики, что въ самую тихую погоду имѣютъ отъ 20 до 30 саж. высоты.

(**) Гамулы - Духи.

«Вишь ты! А что, въ Алапдѣ есть они?»

— Въ Алапдѣ-та? Этого не знаю: вѣдь, эта гора не на своемъ мѣстѣ.

«Что ты говоришь?»

— Да точно такъ! Вишь, она прежде стояла на томъ мѣстѣ, гдѣ теперь озеро, изъ котораго течетъ *Игдыгъ* (*)...

«Врешь?»

— Да такъ! Вишь, она была всѣхъ тутъ выше: такъ прочія горы и стали на нее всѣ сердиться, да бранить ее.... Ну, слышь, житья ей не было! Вотъ она, терпѣла, терпѣла, наплевала на нихъ, да и ушла на море...

«Экое чудо, парень!»

— Да ужъ чудо не чудо, а такъ точно! Видишь ли: вонъ одна гора, какъ будто чѣмъ сдавлена, какъ будто кто ступилъ?

«Вонъ эта-то, что̀ направо?»

— Да, да!

«Вижу. Такъ что же?»

— А то, что когда Алапдъ сталъ подниматься съ мѣста, такъ оперся на эту гору, да и сломилъ съ нея верхушку...

(*) Рѣка *Озерная*, вытекающая изъ Курильскаго озера.

«Вишь ты! А кабы, братъ, онъ и всѣ горы-та посломалъ бы, то-то бы хорошо! Закатывай бы на собакахъ да и только, а ужъ упасть не бойся!»

— А по мнѣ: такъ лучше, кабы всѣ онѣ въ море перебрались; да нѣтъ, братъ, и изъ нихъ не всякая въ воду-то идетъ...

«Неужто?»

— Да точно! Вонъ гора Шевеличъ (знаешь, что̀ недалеко отъ Нижне-Камчатска?) стояла прежде на томъ мѣстѣ, гдѣ теперь *Кроноцкое* озеро. Тутъ, слышь, ей житья не стало отъ еврашекъ: принуждена была перейдти на нынѣшнее мѣсто, а въ море не пошла!

«Не пошла? Вишь ты! А, вѣдь, баютъ старики, что всѣ эти горы понадѣлалъ *Кухта* (*) ....»

— Вѣстимо, что онъ, тюлень проклятый!... Вонъ, смотри-ка въ эту сторону-то!

«Въ эту?»

— Да! Видишь, бѣлѣется-та? Вѣдь это его *баты* (**).

(*) Богъ камчадальской.

(**) Въ девяти верстахъ отъ рѣки Озерной есть бѣловатый утесъ, который имѣетъ видъ челноковъ, поставленныхъ перпендикулярно.

«Э!»

— Да такъ! Онъ вѣдь въ здѣшнихъ мѣстахъ жилъ.

«А откуда же онъ прикочевалъ сюда?»

— Откуда! Вѣдь онъ прежде жилъ на небѣ.

«Что ты врешь?»

— Право! Вишь ихъ было три брата: одинъ жилъ на небѣ, другой на морѣ, а третій въ аду....

«Что же они тамъ дѣлали?»

— Ничего! Жили, какъ *тоіоны* (*).

«Вишь ты!»

— А послѣ Кутха съ сестрой своей, *Хутлыжичею* съ неба-та сошли....

«Знать, надоѣло?»

— Кто ихъ знаетъ! Да и землю-та съ собой стащили. Сперва Кутха жилъ не далеко отъ рѣчки *Улкалъ-Вай*... ну знаешь, что течетъ... если ѣхать по берегу отъ устья рѣки Камчатки въ Корякскую землю, по-русски: на сѣверъ?

«Какъ не знать! Вѣдь на этой рѣчкѣ моего отца медвѣдь дралъ, и съ тѣхъ поръ еще все дразнили его *дранкою*....»

(*) Тоіонъ—начальникъ.

— Такъ долго ли, коротко ли тутъ жилъ Кутха, никто не знаетъ; только, подъ конецъ, разсорился со своей женой, схватилъ ее за волосы да и давай таскать....

«Дѣло!»

— Такъ ее, слышь, отстряпалъ, что на томъ мѣстѣ, гдѣ онъ билъ ее, сдѣлалась ложбина и потекла рѣчка....

«Вишь, братъ, онъ сердитый!»

— Да знать, что такъ! Вскорѣ послѣ этой драки онъ и переселился въ здѣшнія мѣста, да и промышлялъ рыбу, разъѣзжая по морю вонъ въ этихъ батахъ....

«А что? И рыбы много ловилъ?»

— Говорятъ, что де видимо не видимо!

«Эка, братъ!»

— А потомъ вдругъ, наскучило что-ли, бросилъ баты, да и пошелъ на лыжахъ куда глаза глядятъ: вотъ тогда-то горы-то и понадѣлались!

«Неужто? Да какъ же это?»

— А вишь, говорятъ, что онъ ужъ де больно крѣпко шлёпалъ ногами, такъ что всю землю исперепортилъ; она де гнулась подъ нимъ, какъ тонкой лёдъ, да такъ и осталась: вотъ и стали горы!.... Чтобъ ноги-та у него отсохли!

«Ужъ подлинно: чтобъ отсохли! Экой сивуча! Да что онъ, *мухомора* что-ли объѣлся (*)?»

— Кто его знаетъ! Вишь, окаянный, расходился! На добро, такъ нѣтъ его, а спакостить, такъ его дѣло! Чтобъ ему...

«Слышите ли, отецъ Петръ — сказалъ длинный путешественникъ своему пожилому товарищу — какъ Камчадалы честятъ своего Кутху за то, что надѣлалъ горы?»

— Да! — отвѣчалъ старикъ. — Они повторяютъ это при каждомъ спускѣ и подъемѣ съ горы, потому-что хуже и глупѣе своего Кутхи ни кого не почитаютъ. Что дѣлать? Сколько я ни старался, въ теченіе цѣлыхъ сорока лѣтъ, проповѣдывать здѣсь имя Христово, все почти понапрасну: знать, не угодно еще это Его святой волѣ! Кажется, еще весьма долго не узнаютъ эти бѣдные слѣпцы своего Создателя!

«Да вѣдь, если сказать правду — подхватилъ дьячекъ, — такъ и мы еще не совсѣмъ знаемъ: откуда и какъ все это произошло.»

— Тутъ и знать нечего — возразилъ протопопъ; — это свыше нашего понятія! Доволь-

(*) Мухоморъ—грибъ, употребляемый вмѣсто вина, сухой и настоянный на водѣ.

Калужская
областная библиотека
инв. № 801674

но для насъ, что сказано: *Рече — и быша; повелѣ — и создашася.*

«Такъ, отецъ святый! Конечно; Писаніе говоритъ; но если пораздумать порядкомъ... Ахъ, я этою матеріею занимался весьма много!.. Сѣхъ-поръ, какъ я вступилъ въ классъ философіи, это была моя любимая мысль. Я изучалъ древнихъ со всѣмъ прилежаніемъ, и, не хвастаючи сказать, свѣтъ ихъ не втунѣ сіялъ для моего умственнаго ока....»

— Жаль, братъ — прервалъ протопопъ, стараясь скрыть свое неудовольствіе подъ видомъ шутки — что ты смотрѣлъ однимъ окомъ; лучше было бы, когда бы ты могъ глядѣть, какъ говорится, во всѣ глаза....

«Смѣйтесь, святый отецъ — продолжалъ дьячекъ; — но я вамъ доложу чистосердечно, что, открывая какую-нибудь важную истину, я, бывало, прихожу въ восторгъ, и скачу по бурсѣ, словно, помѣшанный...»

— Я и не сомнѣваюсь въ этомъ — говорилъ протопопъ, въ томъ же тонѣ.

«Всѣ важнѣйшія мнѣнія и толки — продолжалъ дьячекъ — были мною выучены, соображены и взвѣшены на вѣсахъ разума. О! какая истина заключается въ ученіи философовъ! На-

примѣръ: по сказанію знаменитаго Трога Помпея, иные изъ восточныхъ мудрецовъ приписывали происхожденіе міра огню, а другіе—водѣ; Анаксименъ же утверждалъ, что все произошло изъ воздуха; напротивъ, Демокритъ доказывалъ, что вселенная составилась изъ атомовъ, т. е. маленькихъ кусочковъ, сцѣпившихся между собою посредствомъ крючковъ; а Гераклитъ училъ, что земля есть густой огонь, а вода есть земля, растопленная въ огнѣ; наконецъ...»

— Ужели есть конецъ этому вздору? — невольно воскликнулъ протопопъ.

«Вы властны называть это, какъ хотите; но я увѣряю васъ, что среди всѣхъ этихъ, повидимому, разнообразныхъ мнѣній, я нашелъ одно неложное, и готовъ утверждать его предъ лицемъ всей вселенной....»

— Господи помилуй! Что это за пустой человѣкъ! — тихо говорилъ протопопъ, вздыхая.

«Готовъ утверждать его! — повторилъ дьячекъ съ величайшимъ жаромъ, дѣлая самыя глупыя жесты. — Оно состоитъ въ слѣдующемъ: поелику каждое дѣйствіе или произведеніе должно имѣть свою довольную причину, principium rationis sufficientis а міръ есть произведеніе: ergo....»

Но онъ не успѣлъ окончить своего силлогизма. Во время его разглагольствованія караванъ начиналъ спускаться съ горы. Протопопъ и прочіе спутники его, исключая философа, притянули ближе къ шежхедамъ передовыхъ собакъ, дабы они задерживали нарту; философъ же, со всею пламенностію ученаго мужа вознесясь духомъ горѣ, не чувствовалъ, что тѣло его спускается подъ гору, и не принялъ предосторожности. Между тѣмъ дѣвушка, ѣхавшая впереди каравана, желая подшутить надъ ораторомъ, бросила кусокъ *юколы* (*). Нарта мудреца кинулась опрометью за кускомъ, такъ что онъ не успѣлъ воткнуть *оштола* (**), и при первомъ сильномъ толчкѣ быстро вылетѣлъ изъ саней, которыя, опрокинувшись, покрыли его и тащили съ собою. Напрасно кричалъ онъ охриплымъ голосомъ: Ээ! Ээ! (***) собаки не останавливались, и продолжали бѣжать. Наконецъ го-

---

(*) Юкола—сушеная рыба.

(**) *Оттолъ*—заостренная палка, которую втыкаютъ въ снѣгъ, когда хотятъ остановить собакъ.

(***) Крикъ, останавливающій собакъ.

лосъ его умолкалъ, и послѣднія слова его, слышимыя издали, были: Valete omnes! (Прощайте всѣ!)

II.

ИСТИННЫЙ ПАСТЫРЬ.

Подобно многимъ великимъ поборникамъ истины, отъ Эмпедокла до изобрѣтателя пришенныхъ крыльевъ (*), описанный въ предъидущей главѣ знаменитый мужъ также пострадалъ бы, вѣроятно, за пламенную любовь свою къ ней, если бы, по счастію его, дѣвушка, увидѣвъ непріятныя послѣдствія своей шутки, не успѣла броситься къ нему на встрѣчу и удержать со-

(*) Крестьянинъ, изобрѣтшій крылья для летанія по воздуху, въ началѣ царствованія Петра Великаго, и наказанный за неудачу.

бакъ въ то самое мгновеніе, когда онѣ были уже за нѣсколько шаговъ отъ пропасти; ибо гора, подходя одною стороною къ морю, оканчивалась утесомъ, котораго огромныя гранитныя глыбы, оторванныя, вѣроятно, землетрясеніемъ, лежали грядами на узкомъ берегу, служа убѣжищемъ для стаи сивучей, отдыхавшихъ на нихъ стадами. Вскорѣ подъѣхали туда и остальные путешественники. Камчадалы подняли санки, вытащили оттуда обезпамятѣвшаго отъ страха дьячка, и принялись его обметать.

«Ну, братъ Степанычъ! — сказалъ подошедшій къ нему протопопъ — быть бы тебѣ сегодня во чревѣ сивуча.... (Экая бездна ихъ подъ горою!).... Хорошо, что подоспѣла Маша!»

Дьячекъ, собираясь съ духомъ, не могъ выговорить ни слова. Губы его дрожали, и на лицѣ были еще яркія черты малодушнаго испуга, которому обыкновенно предаются люди, ставящіе себя въ спокойномъ положеніи несравненно выше прочихъ смертныхъ.

«Вотъ то-то же, Степанычъ! — продолжалъ протопопъ, смотря на него съ видомъ невольнаго презрѣнія и жалости. — Теперь ты дрожишь, какъ листъ, а давича такъ выше облаковъ занесся! Видишь ли, какъ Богъ-то скоро

наказываетъ вашего брата-вольнодумца? Ты не успѣлъ еще разболтаться, а ужъ щелчокъ тебѣ и готовъ!... Ступайте всѣ впередъ, а мы со Степанычемъ спустимся пѣшкомъ.»

Въ сіе время дѣвушка, не дожидаясь приказа, была уже на своемъ шежхедѣ, и продолжала спускаться, а вслѣдъ за нею потянулись и Камчадалы, закричавъ собакамъ: ха, ха! (*), кахъ, кахъ! (**).

«Не понимаю — говорилъ протопопъ, продолжая свое наставленіе — какъ можно быть такъ слѣпу! Шутка ли, сколько тебѣ ужъ досталось за твое глупое высокоуміе! Долженъ былъ ты пріѣхать назадъ сюда, этакую даль! Ну, если бы живъ былъ твой покойный родитель, отецъ Степанъ, что̀ бы было? Вѣдь сказать страшно! Ты бы уморилъ его этимъ! Пять лѣтъ цѣлыхъ потерялъ ты втунѣ: давнымъ-бы-давно тебѣ слѣдовало быть священникомъ! Да и теперь, хоть и кончится срокъ твоего искуса, что̀ я напишу о тебѣ преосвященному? Срамъ да и только! Я думалъ: слава Богу, онъ исправился; а ты!.... экое чудо, Господи!....

(*) Крикъ понудительной.

(**) Крикъ при поворотѣ *направо*.

Нѣтъ, братъ, не таковъ былъ твой отецъ! Я съ нимъ двадцать лѣтъ прожилъ въ *Паратункѣ* (*); человѣкъ былъ честный, благомыслящій, подлинно: христіанская душа! И кабы я не далъ ему слова: песчись о тебѣ, давно бы я, братъ, пустилъ тебя на волю Божью; коли самъ о себѣ не радѣешь, такъ не на кого пѣнять! Правильно сказано: *языкъ нашъ — врагъ нашъ.* И Писаніе говоритъ: «*скверныхъ же тщеславій отметайся: наипаче бо преспѣютъ въ нечестіе...*»

Въ продолженіе сего монолога Камчадалы, съѣхавъ съ горы, закричали всѣ въ голосъ: *Духстехтичъ! Духстехтичъ!* и пустили собакъ, обгоняя другъ друга, къ складенному изъ камней столбу. Подъѣхавъ къ оному, каждый изъ Камчадаловъ бросилъ къ подножію его по горсткѣ *порсы* (**), и съ крикомъ: *хугъ, хугъ* (***)! пустился обратно.

«Вонъ, посмотри — говорилъ протопопъ, указывая на жертвоприносителей, — что̀ дѣла-

---

(*) Острожекъ, недалеко отъ Петропавловска. Тамъ прежде была церковь.

(**) Сушеная, толченая рыба.

(***) Налѣво.

ютъ Камчадалы! Они приносятъ жертву богу, не Кутхѣ, но богу невѣдомому, по ихъ: *Духстехтичу*. Скажи же ты мнѣ: чѣмъ твои Греки и Римляне, которыми ты бредишь, чѣмъ эти всемірные учители были умнѣе глупыхъ Камчадаловъ? Не то же ли самое толкуютъ и Камчадалы, что̀ проповѣдывали толь прославляемые Аѳиняне? Тотъ же Юпитеръ, тотъ же Нептунъ, тотъ же Плутонъ, тотъ же Невѣдомый Богъ...»

— Но вѣдь я, святый отецъ — сказалъ почтительно дьячекъ, начинавшій оправляться — говорилъ только о мнѣніи философовъ....

«Глупый ты, глупый! Да что значатъ эти философы? Слѣпцы, которые другъ друга толкаютъ съ дороги; врали, которые стараются объяснить то, чего сами не понимаютъ! Если, напримѣръ, разсмотрѣть хорошенько хотя то, что̀ ты разсказывалъ, такъ что̀ выйдетъ? Чепуха! Одинъ утверждаетъ, что все вышло изъ воды, другой изъ огня. Кому прикажешь вѣрить? И чѣмъ это достовѣрнѣе того, что земля стащена съ неба Кутхою? Такъ-то, братъ, заблуждается человѣкъ, когда, забывъ Бога, пойдетъ своею дорогою! Въ Писаніи сказано коротко, но такъ сказано, что никто въ свѣтѣ уже

не скажетъ лучше: «*Вся тѣмъ быша, и безъ него ничто же бысть, еже бысть.*»

При семъ текстѣ, отъ глубокой полноты чувствъ, слезы показались на глазахъ старца. Помолчавъ нѣсколько, онъ продолжалъ:

«Оставь, братъ Степанычъ, пожалуйста оставь свое дурачество: въ мудрованіи толку нѣтъ! Разумъ кичитъ и увлекаетъ насъ въ погибель. Безъ вѣры человѣкъ бродитъ во тмѣ, кто бы онъ ни былъ: греческій ли мудрецъ, или камчатской шаманъ. Одинъ только есть свѣтъ— свѣтъ вѣры, *иже во тмѣ свѣтится и тма его не объятъ.*

Много подобнаго говорилъ протопопъ въ наставленіе своего невѣрующаго. Рѣчь его была исполнена силы и помазанія, которое есть плодъ недолговременнаго ученія, но единственно христіанской любви и живой увѣренности въ истинахъ религіи. Священникъ сей былъ тотъ знаменитый Верещагинъ, который умѣлъ стяжать уваженіе у самыхъ Англичанъ, извѣстныхъ своею скупостію на похвалы для иностранцевъ, и о которомъ съ величайшимъ уваженіемъ отзывается сопутникъ славнаго Кука, капитанъ *Кингъ*, начальствовавшій надъ кораблями: *Резолюція* и *Дисковери*, по смерти капитана Клер-

ка. Не столько образованный, сколько одаренный здравымъ умомъ, притомъ одушевленный всегда одинаковымъ, самымъ пламеннымъ усердіемъ къ своему дѣлу, онъ, въ теченіе многолѣтняго пребыванія своего въ Камчаткѣ, первый насадилъ тамъ сѣмена христіанства, и, пріобрѣтя всеобщую любовь Камчадалъ, оставилъ по себѣ память ревностнѣйшаго пастыря и добродѣтельнѣйшаго человѣка. Имѣя постоянное пребываніе сперва въ Паратункѣ, а потомъ въ Петропавловскѣ, онъ почти ежегодно объѣзжалъ всю свою обширную паству, и нерѣдко проводилъ цѣлые мѣсяцы, странствуя съ величайшимъ самоотверженіемъ по пустыннымъ курильскимъ островамъ и переплывая море на утлыхъ *байдарахъ* (*). Таковы были въ первыя времена и таковы бы должны быть всегда проповѣдники Іисуса!

Сопутникъ Верещагина, дьячекъ, по прозванію: *Шайдуровъ*, былъ, какъ и выше можно видѣть изъ словъ протопопа, сынъ паратунскаго священника, учился въ иркутской семинаріи, и высланъ оттуда обратно за глупое вольномысліе, съ тѣмъ, чтобы прожить нѣсколько лѣтъ

(*) Байрада — лодка.

въ Камчаткѣ, подъ надзоромъ протопопа, въ чаяніи исправленія. Впрочемъ, надобно сказать правду, *Шайдуровъ* на самомъ дѣлѣ не былъ настоящимъ, обдуманнымъ вольнодумцемъ: ибо не имѣлъ никакого постояннаго мнѣнія. Начитавшись разныхъ философскихъ толковъ, онъ самъ сбился совершенно съ толку, и не могъ ни на чемъ остановиться: понятія въ головѣ его — какъ и обыкновенно случается съ вольнодумцами — перепутались, и въ этой сумятицѣ, вовсе погасившей свѣтъ ума, даннаго ему отъ природы, онъ сталъ, въ полномъ смыслѣ сего слова, *ученый дуракъ*. Чрезвычайное высокомѣріе, слѣдствіе высокаго о себѣ мнѣнія, и удивительное легкомысліе, признакъ глупости и источникъ нерѣшительности и перемѣнчивости чувствъ, были его отличительными чертами: это были, можно сказать, два полюса, около которыхъ обращались всѣ его дѣйствія, и которые то отвергали, то притягивали къ себѣ и самыя истины религіи; такъ что Шайдуровъ былъ по временамъ и христіанинъ, и безбожникъ, и человѣкъ честный, и рѣшительный бездѣльникъ. И потому-то, когда протопопъ окончилъ выше сказанное наставленіе, Шайдуровъ, на сей разъ

смиренный страхомъ смерти, почти согласился съ нимъ, и отвѣчалъ со всею искренностію:

«Ахъ, отецъ Петръ! я самъ чувствую, колико я согрѣшаю; но что̀ мнѣ дѣлать? Я самъ не воленъ въ себѣ; я самъ смотрю на себя, какъ на лице постороннее; дивлюсь поступкамъ своимъ, и не имѣю силъ управлять ими!»

— Такъ; всякой человѣкъ то же сказать можетъ — говорилъ протопопъ; — всякой чувствуетъ внутреннюю борьбу добра со зломъ; но въ томъ-то и дѣло, братъ, что надо превозмогать себя.

«Стану, стану стараться, святый отецъ, и даю вамъ честное слово исправиться.»

— Ахъ, Степанычъ! кабы ты въ самомъ дѣлѣ взялся за умъ; весьма бы, братъ, ты порадовалъ меня!

«Одно останавливаетъ меня, отецъ Петръ!» — сказалъ дьячекъ съ нѣкоторою запинкою.

— Что̀ такое?

«Не вижу ни какой цѣли, для чего бы мнѣ хлопотать о себѣ. Что̀ я? Не то же ли, что и этотъ столбъ? (Дьячекъ указалъ на жертвенникъ). Онъ и я стоимъ одни-одинехоньки посреди пустыни! Некому раздѣлить со мною ни радости, ни печали! На другихъ посмотришь... Deus im-

mortalis! Всѣ цвѣтутъ, аки кринъ сельный; а я?»

— Да кто же тебѣ, братъ, мѣшаетъ не быть одинокимъ? Вѣдь отецъ Григорій Большерѣцкой совсѣмъ былъ готовъ отдать за тебя свою дочь, да самъ же ты спятился, только сраму надѣлалъ! А отца Прокопья Нижне-Камчатскаго кто одурачилъ? Чай, извѣстно тебѣ!

«Ахъ, отче! если бы вы знали мои чувства, такъ не судили бы меня столь строго. Съ того самого дня, какъ я началъ учить Марью Алексѣевну...»

— Я ужъ тебѣ нѣсколько разъ говорилъ: не поминай мнѣ объ этомъ! Я тебѣ правду скажу: покамѣстъ не увижу, что ты во всемъ исправился, до-тѣхъ-поръ лучше отдамъ внучку за послѣдняго Камчадала, нежели за тебя. Да и можно ли вѣрить твоимъ чувствамъ послѣ того, какъ ты оклеймилъ всѣ приходы? Нѣтъ, братъ, не затѣвай этого! Развѣ хочешь и меня такъ же осрамить, какъ ихъ?

«Возможно ли это, отче? — возразилъ дьячекъ съ величайшимъ жаромъ. — Вотъ уже седьмой мѣсяцъ, какъ чувства мои остаются одинаково пламенны и постоянны. Притомъ любовь моя не есть обыкновенная, общая, amor consue-

tus; нѣтъ! она подобна чистѣйшему огню, похищенному Прометеемъ; она есть та невинная, ангельская страсть, какую проповѣдывалъ безсмертный Платонъ, и образъ Марьи Алексѣевны носится предо мною непрестанно во снѣ и въявѣ, какъ непостижимый духъ Сократа, сей духъ, о которомъ до сего времени не рѣшила философія, и который, если сообразить точнѣйшимъ образомъ....»

— Опять запоролъ дичь! — говорилъ про себя протопопъ. — Нѣтъ; его не исправить! Справедливо сказано: горбатаго можетъ исправить только одна могила!...

Между-тѣмъ, пока вошедшій, какъ говорится, въ пассію Шайдуровъ высказываетъ свою платоническую любовь, мы поспѣшимъ объяснить: кто такова была Марья Алексѣевна, имѣвшая счастіе понравиться сему выспреннему мудрецу. Это была та самая дѣвушка, которая, какъ вѣроятно читатель уже догадался, сопутствовала протопопу. Она была его внучка, дочь одного чиновника, оставшаяся отъ отца и матери сиротою, и воспитывавшаяся въ домѣ начальника Камчатки, подъ смотрѣніемъ его супруги, женщины весьма умной и образованной. Маша, какъ обыкновенно называлъ ее дѣдъ, бы-

ла дѣвушка также одаренная отъ природы отличными способностями души и прекрасными наклонностями сердца. Возростая въ нѣдрахъ природы, вдали отъ такъ называемаго свѣта, и потому незнавшая его пороковъ, но познакомившаяся съ одними добродѣтелями въ бесѣдахъ со своею покровительницею, Марія была невинна и простодушна, какъ младенецъ, и соединяла въ себѣ просвѣщенныя понятія Европейки съ полудикими искусствами Камчадаловъ: она ѣздила ловко на собакахъ, мастерски плавала въ байдарахъ и проч. Самая физіономія ея была смѣсь русскаго съ камчадальскимъ; ибо, по отцовской линіи, она происходила отъ Камчадаловъ, а по материнской—отъ русскихъ. Дѣдъ ея, протопопъ, кромѣ дочери, покойной матери сей дѣвушки, не имѣлъ ни кого дѣтей, и потому внучка составляла все его утѣшеніе и отраду въ старости; внучка, со своей стороны, также любила его со всею горячностію дѣтскаго сердца. Сія горячая любовь и заставила ее слѣдовать за дѣдушкою въ семъ путешествіи; ибо она никакъ не могла положиться ни на чей присмотръ, и ни за что не согласилась отпустить его одного, не смотря на убѣжденія ни самого дѣда, ни своей покровительницы, жены началь-

ника, отъ которой она не задолго передъ поѣздкою перешла въ домъ протопопа. Начальница, любя ее искренно и горячо, какъ родную дочь, не перестала объ ней заботиться и по переходѣ ея и къ дѣдушкѣ, и уговорила сего послѣдняго пригласить дьячка дать ей нѣсколько уроковъ въ Исторіи. Начало лекцій было мѣсяцевъ за пять до путешествія, въ которомъ, до пріѣзда на Лопатку, прошло не менѣе двухъ; ибо протопопъ, чувствуя уже приближеніе дряхлой старости, рѣшился въ послѣдній разъ посѣтить всю свою паству, и былъ на *Парамуширѣ* и другихъ алеутскихъ островахъ. Симъ объясняется начало дьячковой рѣчи, въ которой онъ доказывалъ, по всѣмъ правиламъ Логики и Риторики, что онъ уже седьмой мѣсяцъ любитъ Марію самою платоническою любовію, какъ Петрарко; и что по всѣмъ возможнымъ родамъ силлогизмовъ, рогатыхъ и комолыхъ, непремѣнно слѣдуетъ выдать ее за него.

«Да ужъ что̀ ты не ври, Степанычъ! — отвѣчалъ протопопъ, садясь въ шежхедъ — а я слова своего измѣнить не могу: ты исправься, а я подумаю.»

— Исправься! — думалъ дьячекъ — т. е. сиди у моря, да жди погоды! Нѣтъ; мое прави-

ло не таково: res dum calet urgenda est (куй желѣзо пока горячо). Мы знаемъ, какъ это уладить: дай только добраться до Петропавловска, а тогда veni, vidi, vici (пришелъ, увидѣлъ, побѣдилъ)! Страсть моя — дѣйствовать рѣшительно!

Размышленія дьячка продолжались бы, вѣроятно, до самаго ночлега: ибо протопопъ, нелюбившій терять словъ безъ надобности, ѣхалъ молча; внучка его чувствовала отъ философа нашего почти отвращеніе, и всегда старалась избѣгать его бесѣды; а что касается до Камчадаловъ, то самъ мудрецъ рѣдко снисходилъ до того, чтобы осчастливливать ихъ своимъ поученіемъ, исключая самой великой крайности, т. е. когда ему рѣшительно некому было, кромѣ ихъ, возвѣщать своихъ возвышенныхъ идей. Такимъ образомъ сей *мыслитель первой величины* погрузился, такъ сказать, до ушей во глубину самого себя, какъ вдругъ былъ выведенъ изъ задумчивости однимъ, повидимому маловажнымъ, происшествіемъ, но имѣвшимъ великое вліяніе на его судьбу, какъ увидимъ въ слѣдующей главѣ.

III.

БУРЯ.

«Эй, *аангичъ*! (*) — вскричалъ товарищъ Камака, Лемшинга — смотри не ознаби рукъ!»

— Ахъ, въ самомъ дѣлѣ, батюшки! — воскликнулъ испугавшійся дьячекъ, взглянувъ на руки — куда это я дѣвалъ свои рукавицы?

«Эхъ, Степанычъ, Степанычъ! — говорилъ протопопъ, покачивая головою — ужъ не льзя

(*) Аангичъ — дьячекъ, называемый симъ именемъ по находимому Камчадалами сходству съ уткою *аангичемъ*, которая поетъ поутру и повечеру.

лучше, какъ къ тебѣ, приложить этой поговорки: подъ лѣсомъ видишь, а подъ носомъ не видишь! Гораздо бы лучше было, кабы ты около себя-то побольше наблюдалъ, а не за облака лѣзъ! Вѣдь, знать, ты обронилъ рукавицы давеча, какъ упалъ. Какъ же ты поѣдешь теперь? Недолго и безъ рукъ пріѣхать! Эхъ, братъ, братъ!»

— Что же мнѣ дѣлать теперь, отецъ Петръ?... Ахъ, руки такъ и пощипываетъ.

«Да что дѣлать? Надо вернуться, да поискать на томъ мѣстѣ, гдѣ ты тащился подъ шежхедомъ.

— Такъ вотъ я сейчасъ...

«Куда тебѣ найти! Ты и куклянку-ту тамъ потеряешь! Вишь ты — Господь съ тобой! — какой рохля!... Эй, Лемшинга! ступай, братъ, поскорѣе, а мы пообождемъ здѣсь!»

— Съѣздить-то я съѣзжу — отвѣчалъ Лемшинга; — только вотъ что...

«Что такое?»

— Не было бы худа! Смотри-ка, бачка, какъ разыгрались *манаты*! (*) Экіе дьяволы!

(*) Манаты — родъ тюленей, но огромной величины: бываютъ иногда длины до 4 саж., а

Такъ другъ черезъ друга и перепрыгиваютъ!... Не ударила бы буря!

«Ну, перестань пустяки сбирать; не трать понапрасну времени; поѣзжай. Если и въ самомъ дѣлѣ будетъ буря, то, можетъ быть, успѣемъ еще прежде нея добраться къ мѣсту, а если и не успѣемъ, такъ остановимся вонъ у этого пригорка. Богъ милостивъ!»

— Не спорю, бачка! Поѣду; дай только поправить *побѣжникъ* (*).... Ну, други! Ха, ха!

Собаки помчались по снѣгу, и Камчадалъ, постукивая оштоломъ по полозьямъ, то съ правой, то съ лѣвой стороны, смотря потому, въ которую сторону нужно было направить собакъ, изрѣдка прибавлялъ къ тому и словесное приказаніе: «кахъ, кахъ! хугъ, хугъ!

Прошло съ часъ времени. Погода въ самомъ дѣлѣ начала измѣняться. Облака побѣжали весьма быстро съ юга на сѣверъ, выдвигаясь одно изъ-за другаго, и распушиваясь хлопьями. Море опустѣло: уже развившіяся на немъ чуды

вѣсомъ до 200 пудъ. Всѣ вообще морскіе звѣри игрою своею предвѣщаютъ бурю.

(*) Ремень, къ которому привязываются собаки, вмѣсто дышла.

скрылись во глубинахъ его; самыя птицы, борясь съ вѣтромъ, бушевавшимъ уже въ верхнихъ слояхъ атмосферы, спѣшили стадами подъ защиту утесовъ; и только сѣдые валы, грозные сыны страха и разрушенія, воздымаемые отдаленною бурею, съ безумною яростію устремились на вѣчный свой бой съ прибрежными скалами. Наконецъ снѣгъ, полетѣвшій съ вершинъ ближнихъ горъ, возвѣстилъ пришествіе урагана, понесшагося съ страшнымъ свистомъ и воемъ, мѣшавшимся съ шумомъ волнъ. Во мгновеніе ока все слилось [illegible] небо, и земля, и море. Снѣжные вихри крутились [illegible] равнинѣ, и готовы были увлечь съ собою несчастныхъ [illegible]никовъ, или погребсти ихъ подъ сугробами снѣга.

«Вотъ, бачка! — сказалъ Камакъ протопопу — Лемшинга правду говорилъ: не ударила бы буря! Такъ и есть!»

— Теперь ужъ дѣлать нечего! — отвѣчалъ протопопъ. — Не отставайте другъ отъ друга! Экая пурга, Господи Боже мой! Всѣ глаза засѣпила! Зги не видно!... Машенька! ты рядомъ поѣзжай со мною!... Вѣдь, кажется, Камакъ, въ этой сторонѣ пригорокъ, у котораго мы хотѣли остановиться?

«Да, бачка!»

Чтобы не сбиться съ дороги и не заѣхать въ какой-нибудь оврагъ или пропасть, путешественники остановились подъ защитою пригорка. Они поставили нарты, одну подлѣ другой, и потомъ, вынувъ руки изъ рукавовъ, и просто завернувшись въ шубы, чтобы было просторнѣе, всѣ легли въ снѣгъ, другъ подлѣ друга: ибо хотя и дѣлаютъ иногда путешественники, въ случаѣ бури, шалаши, но здѣсь этого сдѣлать было нельзя, по недостатку лѣса. Едва успѣли они расположиться на сей, подлинно зимней квартирѣ, какъ совершенно занесло ихъ снѣгомъ, и поверхъ они не было ни малѣйшей примѣты ни собакъ, ни людей. Между-тѣмъ наступила ночь. Картину ея трудно вообразить, не только описать живо и подробно. Всѣ ужасы негостепріимной страны сей были собраны для устрашенія нашихъ путешественниковъ. При мутной, но непроницаемой темнотѣ ночи, при дикомъ воѣ вѣтра, разсыпавшаго облака снѣга, при кипѣніи и ревѣ океана, потрясавшаго основаніе скалъ, посреди обширной и дикой пустыни, они были за-живо погребены въ снѣжныхъ могилахъ, гдѣ могли остаться и навсегда: ибо нерѣдко проѣз-

жіе, обмокнувъ въ нихъ, замерзаютъ. Представивъ все сіе, какой житель благословенныхъ странъ не содрогнется отъ ужаса? Но такова чудесная природа человѣческая! Привыкшіе къ явленіямъ подобнымъ, наши путешественники вовсе не находили положеніе свое ни слишкомъ неудобнымъ, ни опаснымъ. Имѣя маленькое въ снѣгу отверстіе, протаявшее отъ теплоты дыханія, они лежали весьма спокойно, и только по временамъ поворачивались съ боку на бокъ, но съ величайшею осторожностію, чтобы не разсыпать снѣжнаго свода, надъ ними образовавшагося.

«Встань-ка, Камакъ!» — сказалъ наконецъ протопопъ, толкая лежавшаго подлѣ него Камчадала, который спалъ сномъ самымъ крѣпкимъ и сладкимъ: ибо и вообще Камчадалы спятъ въ снѣгу весьма спокойно.

— Аа! Что? — отвѣчалъ Камчадалъ, просыпаясь и позѣвая.

«Встань, да посмотри: кажется, буря утихла; не ѣдетъ ли Лемшинга; да покорми собакъ!»

— Да, бачка! — говорилъ поднявшійся изъ-подъ снѣга Камакъ — вѣтеръ затихъ, и мѣстами проглядываютъ звѣзды: вонъ *кранхль*, вонъ

ижичъ! (*)... А вотъ выглянулъ и мѣсяцъ!... А это что? Онъ, точно онъ! Ахъ, бачка, какое счастье! Я слѣдъ *Пилучея* увидѣлъ. Вишь, такъ весь снѣгъ и испестрилъ полозьями!

«Что это онъ такое видитъ?» спросила протопопа его внучка, также вставая изъ-подъ сугроба.

— Да это тѣ струйки, — отвѣчалъ ея дѣдъ — которыя остаются на снѣгу послѣ вихрей. Камчадалы думаютъ, что это слѣды шежхедовъ, въ которыхъ Богъ грома, вѣтровъ и проч., Пилучей, разъѣзжаетъ на куропаткахъ. Увидѣть эти слѣды почитается у нихъ за знакъ величайшаго счастія.

Говоря сіе, протопопъ, въ сопровожденіи внучки, взошелъ на холмъ, который вѣтромъ почти совершенно былъ обнаженъ отъ снѣга. Видъ, представившійся его глазамъ, былъ пустынный и дикой, но великолѣпный. Полная, блѣдная луна, пробѣгавшая по облакамъ, то выказывалась изъ-за нихъ, то опять скрывалась, бросая по мѣстамъ тѣни на бѣлѣвшія степь и горы и на синее море. Въ промежутки просвѣта, серебряный лучъ ея какъ бы спадалъ съ неба, по-

(*) Медвѣдица и плеяды.

добно безконечному столбу, и мгновенно распространялся по безпредѣльной зыби волнъ, разсыпаясь въ то же время блестящими перлами въ огромныхъ фонтанахъ, выбрасываемъ въ отдаленности китами. Воздухъ былъ холодный, но самый чистый и ясный, такъ что казалось, какъ бы все неизмѣримое пространство, окидываемое взоромъ, было совершенно пусто. Предметы удивительно дѣлились и приближались. Долго смотрѣлъ старикъ на небо, на землю и на море. Вдругъ океанъ покрылся свѣтящеюся матеріею, и хладный огонь, поднимаясь и низвергаясь съ валами, уподоблялъ море великой горящей степи, взволновавшейся отъ ударовъ землетрясенія.

«Ахъ, какой чудный и прекрасный видъ! — сказала дѣвушка. — Я никогда подобнаго не видала.»

— Да, душа моя! чудны дѣла Божія! — отвѣчалъ дѣдъ ея, возведя глаза съ умиленіемъ на небо. — Небеса повѣдаютъ славу Его, твореніе же руку Его возвѣщаетъ твердь!

«А отъ-чего же, дѣдушка, этотъ свѣтъ?»

— Богъ вѣсть, моя милая! Спрашивалъ я у одного Англичанина (ты еще была маленькая, какъ они пріѣзжали въ Петропавловскъ): такъ онъ мнѣ разсказывалъ, что будто это все свѣт-

лые червячки, а другой изъ нихъ же говорилъ: будто это та же сила, что производитъ молнію...

«Но посмотрите, дѣдушка! Что это такое? Вонъ тамъ, видите? По правую-то сторону китовъ.... Вонъ далеко, какъ будто огонёкъ загорѣлся... Кажется, это ужъ не отъ моря?»

— Да! Это въ самомъ дѣлѣ что-то странно!

«И, кажется, палятъ; дѣдушка?»

Выстрѣлы время отъ времени становились чаще и явственнѣе.

— Да! — отвѣчалъ старикъ. — Это точно пальба! Боже мой! Вѣрно какой-нибудь корабль погибаетъ!

«Посмотрите, дѣдушка, какъ увеличивается огонёкъ!... О Господи! Ужъ не пожаръ ли на кораблѣ?»

— Да! Да! Это, вѣрно, пожаръ! Слушай, какъ зачастили выстрѣлы!... Эй, Камакъ! кажется, гдѣ-то въ этихъ мѣстахъ жилъ Курилецъ Арукчи, который бѣжалъ съ Японцами?

«Да, бачка! Вонъ недалеко отсюда, на рѣчкѣ *Аачганъ*.»

— Такъ поищите-ка тамъ, не найдется ли какой байдары; да проворнѣе!... Ахъ, Боже мой, какъ огонь увеличился!... Смотри-ка, Машенька (у тебя глазки-та получше моихъ): ка-

жется, огонь бѣгаетъ по снастямъ и загораются паруса?

«Да, дѣдушка, весь корабль обнимается огнемъ. О Господи! Что̀ будетъ съ бѣдными пассажирами! Такъ бы и бросилась къ нимъ на помощь!»

— Что дѣлать? — воскликнулъ дьячекъ, пожимая плечами. — Ignis absumit omnia (огонь все истребляетъ)!

«Ахъ, любезный дѣдушка! — сказала дѣвушка, горя нетерпѣніемъ и не обращая вниманія на глупое восклицаніе дьячка — Камчадаловъ мы не дождемся: они не любятъ торопиться, когда дѣло идетъ о спасеніи другихъ; позвольте мнѣ: я поскорѣе побѣгу сама.»

— И я съ вами! — провозгласилъ дьячекъ, желавшій выказать при семъ случаѣ свою приверженность и проворство.

«Побудь лучше со мной — сказалъ протопопъ; — ты только ихъ зедержишь. И то вотъ заставилъ насъ ночевать на дорогѣ со своими рукавицами: вѣдь мы, вѣрно, успѣли бы доѣхать той порой до *Конпакова* становища. Впрочемъ все къ лучшему: можетъ быть, Господь поможетъ намъ кого-нибудь спасти теперь, а

кабы уѣхали отсюда, такъ и не увидѣли бы этого несчастія.»

Дьячекъ не сказалъ ни слова, но лице его подернулось заревомъ, подобнымъ тому, какимъ были покрыты облака, носившіяся надъ пожаромъ. Корабль ближе и ближе несло теченіемъ прилива къ берегу. Уже были слышны вопли, раздиравшіе сердце, то погибавшихъ въ пламени, то бросавшихся въ море несчастныхъ пассажировъ. Положеніе ихъ было неизъяснимо-ужасно: двѣ стихіи, равно гибельныя, наперерывъ пожирали ихъ со всею лютостію. Помощи не было, и не льзя было ожидать ее: ибо предъ ними стояла земля столь же недружелюбная, какъ и море. Еще нѣсколько минутъ слышались на кораблѣ крики и смятеніе; еще отчаянные пассажиры нѣсколько времени мелькали позади пламени, стремившагося изъ люковъ — и вдругъ раздался общій пронзительный вопль, невыразимый ни какими словами человѣческими. Потомъ все остановилось и смолкло. Еще мгновеніе — и пламя, совершенно одолѣвшее свою жертву, какъ бы въ бѣшеномъ торжествѣ, рвнулось вверхъ страшнымъ волканомъ, и въ стремленіи своемъ увлекло все, ему встрѣтившееся: обломки корабля и человѣческіе трупы

мелькали въ огненномъ столпѣ взрыва. Оглушающій грохотъ раздался по водной равнинѣ, и повторился въ прибрежныхъ утесахъ: это былъ ненавистный сигналъ смерти, послѣ котораго наступила убійственная тишина, и уже не было видно ни корабля, ни людей, и только черная туча дыма, медленно поднимавшаяся къ облакамъ, означала мѣсто пожара.

— Ахъ, Боже мой! — вскричала дѣвушка, возвратившаяся въ сіе время съ байдарою — вѣрно, всѣ погибли!

«Нѣтъ, мачка! — сказалъ одинъ изъ Камчадаловъ — кажись, что-то чернѣется въ валахъ.... Вонъ, вонъ.... какъ будто человѣкъ взмахиваетъ руками...»

— Нѣтъ, быть не можетъ!

«Право, мачка! Смотри-ка, смотри!... Опять ныринулъ!... Вишь, валы-то больно велики!... А вотъ и опять показался... Чу! кричитъ...»

— Ахъ, въ самомъ дѣлѣ это человѣкъ! О Боже мой! Онъ погибнетъ!

«Чтожъ вы стоите, ребята! — сказалъ протопопъ. — Уже ли не подадите ему никакой помощи?»

— Нѣтъ, бачка! — отвѣчали Камчадалы всѣ въ одинъ голосъ — мы ни за что не пой-

демъ! Коли тонетъ, такъ пусть тонетъ, а мы на свою душу грѣха не примемъ: не потащимъ его изъ воды!

«О глупые и несмысленные? — воскликнулъ протопопъ — вы считаете то за грѣхъ, что̀ есть величайшая добродѣтель! Но васъ не убѣдишь, а время дорого! Подайте весло: я поѣду самъ.»

— Нѣтъ, любезный дѣдушка! я не пущу васъ! — вскричала его внучка. — Позвольте лучше мнѣ ѣхать. Вы знаете: я не боюсь валовъ, и умѣю ѣздить по морю...

«Знаю, но теперь время прилива; смотри, какъ сулои увеличиваются съ минуты на минуту.»

— Но развѣ я буду спокойнѣе, если вы поѣдете?

«Обо мнѣ безпокоиться нечего: я ѣзжалъ по морю поболѣе твоего; къ тому же я старъ и отжилъ свой вѣкъ, а тебѣ еще жить надобно, Подай мнѣ весло!»

— Хорошо, сейчасъ, дѣдушка!

Между тѣмъ она мгновенно вскочила въ байдару, и отпехнулась отъ берега.

«Что ты это дѣлаешь? — вскричалъ прото-

попъ, внѣ себя отъ страха: — Воротись! Ты погибнешь!»

— Благословите меня, дѣдушка, и молитесь за меня!

Старикъ не говорилъ ни слова, и вперивъ на свою внучку неподвижные взоры, трепеталъ при всякой волнѣ, стремившейся на нее, какъ бы каждая изъ нихъ заливала его сердце. Байдара, въ которой ѣхала дѣвушка, была не что иное, какъ маленькій челнокъ, по-камчадальски: *тахту*, выдолбленный изъ тополи, съ прибитыми по краямъ досками. Валы бросали его, какъ щепку, и онъ то скрывался въ пропастяхъ, безпрестанно разверзавшихся подъ нимъ, то взлеталъ стрѣлою на стремнины возстававшихъ предъ нимъ хребтовъ. Малѣйшая неосторожность и ошибка плавательницы могли бы погубить ее; но она, сохраняя величайшее присутствіе духа, смѣло разсѣкала весломъ волны и мужественно стремилась къ своей цѣли. Наконецъ она была уже недалеко отъ погибающаго. Вниманіе старика увеличилось, ибо это была минута самая опасная: утопающій могъ, въ отчаяніи, схватиться неосторожно за край байдары и опрокинуть ее своею тяжестію. Между-тѣмъ героиня наша увидѣла, что на встрѣчу къ ней плыли два че-

ловѣка, изъ коихъ одинъ держался за доску, а другой, плывя безъ всякой помощи, почти выбивался уже изъ силъ, и поминутно погружался въ воду. «Ваше благородіе! — вскричалъ первый изъ нихъ — я давно говорю вамъ: держитесь за мою доску: вы потонете!» Офицеръ, повидимому долго нехотѣвшій воспользоваться симъ удивительнымъ самопожертвованіемъ, наконецъ, начиная въ самомъ дѣлѣ тонуть, въ безпамятствѣ ухватился за доску, а матросъ, за нее державшійся, въ то же время опустилъ ее, сказавши: «держитесь крѣпче, да если потону я, такъ не забудьте моей жены и дѣтей въ Петропавловскѣ.» Послѣ сего онъ усильно началъ бороться съ волнами, но намокшее ли платье его, и отъ сего сдѣлавшееся слишкомъ тяжелымъ, тянуло его книзу, или уже члены его окостенѣли отъ холода, только усилія его были напрасны: онъ скрылся въ волнахъ, прежде нежели избавительница могла подать ему помощь. Равнымъ образомъ и спасенный имъ офицеръ находился въ самомъ крайнемъ положеніи: волны непрестанно заливали его; и если бы прошло еще нѣсколько минутъ, въ теченіе которыхъ онъ остался бы въ семъ положеніи: то отважный подвигъ самоотверженія нашей *Камчадал-*

ки былъ бы напрасенъ. Но и спасеніе его требовало отъ избавительницы величайшаго проворства и ловкости: ибо съ одной стороны волны непрестанно относили челнокъ отъ утопающаго, а съ другой и приближеніе къ нему, какъ мы замѣтили уже, могло быть сопряжено съ рѣшительною погибелью обоихъ. Не смотря однако жъ на сіе, воспитанная на берегахъ моря, и съ дѣтства знакомая со всѣми его причудами, она безстрашно подъѣхала къ погибавшему, подала ему весло, и вскричавъ: «лови за байдару и садись проворнѣе» — сама ловко откачнулась на противную сторону, дабы сохранить равновѣсіе. Въ это мгновеніе челнокъ рванулся по скату волны, и совершенно скрылся изъ глазъ наблюдавшаго за нимъ старика. «Боже Всемогущій! она погибла!» — вскричалъ онъ, схлопнувъ руками.

— Нѣтъ, бачка! Вонъ выплываетъ! — возразилъ Камакъ. — Смотри-ка: сидятъ двое.

«Точно двое, бачка! — подхватилъ Лемшинга. — Экая проворная!»

— Только что за охота — говорилъ тихонько Камакъ своему товарищу — принимать ей на себя грѣхъ?

«Да развѣ ты не слыхалъ, что давеча говорилъ попъ? Вишь, по-*ихнему* это хорошо!

— Хорошо топить себя, чтобы спасти другаго! Хо, хо, хо! Только глупъ народъ эти Русскіе!

Между-тѣмъ дѣвушка достигла берега, и была уже въ объятіяхъ дѣда, плакавшаго отъ радости и умиленія.

IV.

КАМЧАДАЛЬСКАЯ СВАДЬБА.

Недалеко отъ устья рѣчки *Опалы*, служащей на сѣверо-западѣ границею *Лопатки*, стоялъ нѣкогда Камчатской острожекъ *Кууюхченъ*, заключавшій въ себѣ болѣе десяти юртъ.

Въ одинъ день, вскорѣ послѣ описаннаго нами въ предъидущей главѣ происшествія, жители сего острожка весело спѣшили толпами въ юрту своего тоіона, гдѣ приготовлялся пиръ, по случаю свадьбы дочери его брата, *Тенявы*.

Юрта тоіона отличалась предъ прочими своею величиною, но совершенно сходствовала съ другими своимъ устройствомъ. Она была ни что

ное, какъ выкопанная въ землѣ, аршина на два глубиною, четвероугольная обширная яма, покрытая остроконечною земляною крышею, съ отверстіемъ вверху, *оночемъ*, служившимъ вмѣсто трубы, и окна и дверей. Подлѣ стѣнъ, увѣшанныхъ, въ замѣнъ шпалеръ, *чирелами*, т. е. сплетенными изъ травы рогожами, находились нары, служившія вмѣсто скамей и кроватей. Посреди юрты былъ построенъ очагъ, а въ одномъ углу оной была складена посуда, и надъ нею стоялъ на полкѣ деревянный столбикъ съ обдѣланною, на подобіе человѣческой головы, верхушкою: это былъ идолъ, *Ажушакъ*, отгонявшій, по мнѣнію Камчадаловъ, отъ юрты лѣсныхъ духовъ, и за сію услугу обмазанный вареною сараною.

Въ юртѣ находились и Камчадалы и Русскіе. Первыхъ весьма легко было отличить по ихъ азіятской физіономіи: по узкимъ глазамъ, сплюснутому носу и небольшому рту. Общество Русскихъ составляли: пріѣхавшій сюда, съ недѣлю назадъ, протопопъ Верещагинъ, дьячекъ и еще два лица, намъ неизвѣстныя. Одинъ изъ нихъ былъ человѣкъ лѣтъ сорока, средняго роста, съ рябымъ лицемъ, съ плутовскою миною и съ прелукавыми небольшими глазами. Онъ не

былъ купецъ, однако жъ, повидимому, пользовался правомъ торговли, что показывала стоявшая предъ нимъ фляга съ водкою, для продажи которой, какъ самъ онъ разсказывалъ сидѣвшему подлѣ него дьячку, онъ и пріѣхалъ въ Куюхченъ, заслышавъ въ дорогѣ о предстоящей свадьбѣ.

Недалеко отъ него сидѣлъ женихъ, молодой парень, дюжій собою, но съ подбитыми глазами и растрепанными волосами. Онъ тяжело дышалъ и по кровавому поту, капавшему съ его лица, видно было, что онъ только не задолго предъ тѣмъ совершилъ какой-то тягостный подвигъ. Невѣста, взрослая и здоровая дѣвка, сидѣла въ другомъ углу юрты, опутанная мережами и ремнями, и окруженная мегерами, также показывавшими признаки большой усталости, однако жъ сидѣвшими съ веселымъ лицемъ, и насмѣшливо поглядывавшими на жениха.

— Ну что жъ, братъ Гатальча! — сказалъ отецъ невѣсты, Тенява — принимайся: лови, да и дѣло и съ концемъ! Ужъ не докуда же тебѣ жить у меня: и такъ ужъ скоро годъ исполнится, какъ ты пришелъ изъ *Конпакова!*

«Дай отдохнуть, бачка! Вишь, какъ больно дерутся, старыя! Все лице исковеркали!»

— Ну, послѣ свадьбы заживетъ! Ступай, или не то, братъ, убирайся домой, коли не въ мочь пришло!

«Сейчасъ, бачка, сейчасъ!»

Женихъ собрался, наконецъ, съ силами, и бросился опрометью къ невѣстѣ, стараясь разорвать напутанныя на ней мережи; но старухи, ее окружавшія, всѣ съ величайшимъ крикомъ и бѣшенствомъ кинулись на него, и, оттаскивая отъ невѣсты, вцѣпились, кто во что успѣлъ, иная въ волосы, иная въ лице: это было сущее скопище демоновъ, вскинувшихся на злополучнаго грѣшника. Остервенѣніе, съ какимъ они терзали и увѣчили несчастнаго жениха, наводило даже ужасъ на окружающихъ. Казалось, что они разорвутъ его на части, или, по крайней мѣрѣ, своротятъ на сторону его бѣдную башку. Долго продолжалась сія комическая война, но, наконецъ, женихъ успѣлъ разогнать утомившихся старухъ, и разорвать мережи. «Ай-да, Гатальча! Ай-да, молодецъ!» вскричали въ одинъ голосъ всѣ Камчадалы.

— Ну хорошо, хорошо! — говорилъ Тенява побѣдителю. — Поди же, другъ, готовь поскорѣе обѣдъ. Вѣдь, словно, на твое счастье

Митгъ (*) выбросилъ намъ кита; такъ давно хочется отвѣдать свѣжинки.

«Неужели молодой у Камчадаловъ долженъ всегда стряпать?» — спросилъ дьячекъ сидѣвшаго подлѣ него продавца водки, по званію: Фельдшера, а по прозванію: Шангина.

— Да, всегда! — отвѣчалъ Фельдшеръ. — Впрочемъ, что же за диво, когда у Камчадаловъ и все мужики готовятъ ѣду!

«И, кажется, женихъ долженъ всегда работать у тестя?»

— Да, по нѣскольку лѣтъ иной работаетъ, да еще и ни съ чемъ уйдетъ!

«Отъ чего же?»

— Да отъ того! Кабы всякой женихъ-та былъ такой же молодецъ, хоть, примѣрно сказать, какъ вотъ этотъ, или какъ ты, Климъ Степанычъ!...

При семъ словѣ мина самодовольствія явилась на лицѣ дьячка, и онъ тщательно поправилъ воротникъ у долгополаго своего сюртука, надѣтаго по случаю пира.

(*) Морской богъ, воображаемый въ видѣ огромной рыбы.

— Ну полно льстить! — сказалъ онъ съ притворною скромностію.

«Что мнѣ льстить!... — говорилъ съ усмѣшкою Фельдшеръ. — А то вѣдь иной рохля по нѣскольку разъ принимается иногда ловить, да напослѣдокъ, такъ, безъ всякаго успѣха, и домой уѣдетъ, только побои въ барышѣ получитъ. Да еще что! Случалось, что иной и умретъ, какъ этакія вѣдьмы вышвырнутъ добраго молодца изъ *балагана* (*).»

— Странный обычай! Чудный обычай! — повторялъ дьячекъ. — Однако жъ что касается до работы: то и древніе то же дѣлали, напримѣръ: Іаковъ. Не знаю, былъ ли подобный обычай у другихъ народовъ, но помнится, что Тацитъ, говоря о правахъ древнихъ Германцевъ, начинаетъ такъ....

«А не лучше ли такъ начать?» — перебилъ Фельдшеръ, принимаясь за кусокъ китоваго жира, на который Камчадалы уже устремились съ величайшимъ аппетитомъ.

Въ продолженіе стола, если можно назвать такимъ образомъ обѣдъ, происходившій на по-

---

(*) Балаганъ — лѣтняя юрта, которая строится на высокихъ столбахъ.

мостѣ посреди юрты, Камчадалы не забывали, послѣ каждаго куска, пить настойку *мухомора*, и постепенно приходили въ нѣкоторой родъ бѣшенаго восторга. Судорожное сотрясеніе членовъ было первымъ дѣйствіемъ мухомора; потомъ веселыя или мрачныя представленія наполняли воображеніе пившихъ, и, смотря по тому, иные изъ нихъ сидѣли въ какомъ-то страшномъ отчаяніи, бросая вокругъ себя мутные и дикіе взоры, и произнося по временамъ, при внезапномъ трепетаніи всего тѣла, невнятные, безпокойные крики; напротивъ другіе пѣли веселыя, безпутныя пѣсни, и плясали, не помня сами себя. Сохранившіе болѣе прочихъ разсудка наблюдали и болѣе правильности въ пляскѣ, которая также переходила изъ одного рода въ другой, по мѣрѣ увеличенія веселости. Наконецъ, полупьяный Тенява, въ избыткѣ радости по случаю свадьбы, вымѣнявшій за нѣсколько самыхъ лучшихъ соболей нѣсколько небольшихъ чарокъ водки у вышеупомянутаго продавца, пошелъ плясать съ одною изъ женщинъ самый граціозный камчадальской танецъ, въ которомъ, дѣлая одинъ предъ другимъ страстныя тѣлодвиженія и ужимки, съ нѣжнѣйшимъ выраженіемъ, повторяли: Тенява — *бахіея*, *бахія!* а дама

его: *хаца*, *хаца*, *хацина!* — Всѣ Камчадалы были въ восхищеніи отъ сей пляски, обнаруживая сіе невольными тѣлодвиженіями и частыми порывами на авант-сцену, и всѣ они, сытые и упоенные до-нельзя, плавали въ наслажденіи полномъ и неописанномъ.

Въ сіе время продавецъ водки, видя, что Камчадалы слишкомъ заняты были своими играми, и почти позабыли о немъ, вдругъ началъ укупоривать стоявшую подлѣ него флягу и дѣлать видъ, что хочетъ идти изъ юрты. Тенява первый примѣтилъ сіе, и, бросивъ пляску, схватилъ флягу обѣими руками, и усильно убѣждалъ купца еще продать ему нѣсколько чарокъ.

«Ну, еще хоть одну чарочку, другъ! Пожалуй-ста дай!»

— Нѣтъ, нѣтъ, нельзя! Меня просилъ тоіонъ *Ганала* непремѣнно къ нему заѣхать, а отъ него еще надобно проѣхать къ тоіону *Акету*, а оттуда....

«Ну, вотъ тебѣ, другъ, еще два соболя: дай одну чарочку.»

— Экой неотвязной! Нечего дѣлать! Такъ и быть: пей!

«Еще одну!»

— Нѣтъ, нѣтъ, ни за что въ свѣтѣ! Теперь у меня водки наберется ли съ осмину, а если не останется, то *Ганала*, братъ, будетъ сердиться на меня. Прощай, прощай!

«Пожалуй-ста, другъ! Вотъ тебѣ четыре соболя...»

Такимъ образомъ чѣмъ больше продавецъ старался притворно дорожиться водкою, тѣмъ болѣе Камчадалъ наддавывалъ ему соболей. Между-тѣмъ продавецъ присоединялъ еще къ притворству и другой обманъ: фляга, въ которой была водка, раздѣлялась на двѣ половины: въ одной изъ нихъ была налита водка цѣльная, а въ другой разведенная водою. Покамѣстъ Камчадалъ могъ еще различать вкусъ, продавецъ наливалъ ему изъ перваго отдѣленія, а потомъ уже цѣдилъ изъ послѣдняго.

«Ахъ, братъ, Тарея! — сказалъ протопопъ сидѣвшему подлѣ него тоіону, довольно пожилому, хотя и крѣпкому еще старику — какъ это ты терпишь, что брата при твоихъ глазахъ обираютъ?»

— Какъ терпишь! — повторилъ съ примѣтною досадою тоіонъ. — Чтожъ мнѣ дѣлать? И вижу, бачка, да молчу! Шангинъ любимецъ на-

чальника: онъ дѣлитъ все пополамъ съ нимъ, такъ смѣю ли я осердить его?

«Да что тутъ не смѣть?»

— Какъ это говорите вы, отецъ Петръ — возразилъ также сидѣвшій съ нимъ старикъ небольшаго роста, съ плѣшивою головою, быстрыми, исполненными огня глазами и вообще съ умною физіономіею: это былъ нѣкто *Зуда*, переводившій для извѣстнаго волынскаго сочиненія Махіавеля, и по паденіи его сосланный въ Камчатку. — Какъ это вы говорите: что не смѣть? Развѣ вы не знаете Антона Григорьевича? Да тронь-ка Тарея Шапгина, такъ онъ задеретъ его до-смерти!

«Къ несчастію, это почти правда!» — сказалъ протопопъ, вздохнувши.

— Разумѣется, что правда! Злой начальникъ — продолжалъ *Зуда* — здѣсь все сдѣлать можетъ, да и суда не скоро найдешь. Ужъ подлинно сказать: здѣсь *до Бога высоко, до Царя далеко.*»

«До Бога — возразилъ протопопъ — мы всегда не далеко! Помощь Его всегда готова!»

— Такъ, отецъ Петръ! Да отъ Царя-то далеко; а потому-то начальники здѣсь весьма скоро и забываются. Власть вдали отъ Престола

удивительно какъ соблазнительна! Чай, помните вы, какъ покойный охотской начальникъ Кохъ, говаривалъ: *на небѣ Богъ, а на землѣ Кохъ?*

«Какъ не знать! Я лично былъ знакомъ съ Кохомъ. Впрочемъ, онъ былъ человѣкъ весьма добрый.»

— Вотъ видите: онъ былъ и добрый человѣкъ, а какъ заѣхалъ въ Охотскъ, такъ ужъ выше себя ни кого не ставилъ! А, кажется, велика ли была птица? Всего коллежскій ассессоръ!

«А развѣ не бывало здѣсь — возразилъ протопопъ — и истинно добрыхъ начальниковъ, напримѣръ: хоть покойникъ Ниловъ?»

— Безспорно, отецъ Петръ, бывали; но все худыхъ какъ-то больше навертывалось. Сначала, правда, всякой старается показаться хорошимъ, а тутъ и начнетъ кутить не въ свою голову: чѣмъ дальше, тѣмъ хуже, покамѣстъ не дойдетъ до намѣстника, да не спехнутъ раба Божьяго съ мѣста.

«Что же дѣлать, Абрамъ Васильевичъ? Наша обязанность все-таки повиноваться. «*Повинитеся* — сказано — *убо всякому начальству* «*Господа ради: аще Царю, яко преобладающу*; «*аще ли Княземъ, аки отъ него посланнымъ,*

«въ отмщеніе убо злодѣямъ, въ похвалу же «благотворцемъ.»

— Вотъ-то и есть, отецъ Петръ! Царь, конечно, посылаетъ всякаго начальника съ этимъ благимъ намѣреніемъ, да они-то, къ несчастію, дѣлаютъ на оборотъ, и какъ заѣдутъ въ этакую глушь, какъ, напримѣръ, здѣшняя благословенная землица, такъ ужъ и несутъ себя выше Ивана Великаго; ужъ никто не смѣй и подумать поступить противъ ихъ воли! Слышали вы, что̀ случилось, мѣсяца съ два назадъ, съ засѣдателемъ Хапиловымъ?

«Что такое?»

— А то, что Хапиловъ подалъ по одному дѣлу мнѣніе, несогласное съ волей Антона Григорьевича, такъ тотъ и приказалъ посадить его въ бочку, да спустить на воду.

«Отъ него все станется!» — говорилъ протопопъ, пожимая плечами.

— Теперь разсудите: если съ чиновниками такъ поступаютъ, то гдѣ же бѣдный человѣкъ, какой-нибудь Камчадалъ, найдетъ защиту?

«А знаешь, Абрамъ Васильевичъ, пословицу: *страшенъ судъ, да милостивъ Богъ?* Я на него надѣюсь!»

— Это хорошо, отецъ Петръ; но я кстати

напомню вамъ другую пословицу: *на Бога надѣйся, а самъ не плошай*. Почему бы вамъ не поговорить съ Антономъ Григорьевичемъ?

«Было говорено не разъ, Абрамъ Васильевичъ, и стороною, и прямо: все попусту! Тутъ какъ въ притчѣ сѣятеля, слова падаютъ въ терніе, и *взыде терніе, и подави э, и плода не даде!*»

— А когда такъ — говорилъ Зуда, понизивъ голосъ — я бы на вашемъ мѣстѣ описалъ бы все начальству; кому же повѣрятъ, если не вамъ?»

— Абрамъ Васильевичъ! — сказалъ протопопъ также тихимъ голосомъ — я давно знакомъ съ тобою, такъ могу сказать тебѣ откровенно: я уже обо всемъ этомъ писалъ къ преосвященному; и хотя напередъ знаю, что мнѣ тутъ приведется много вытерпѣть: меня могутъ очернить, оклеветать, взвести на меня то, что мнѣ и на умъ не вспадало; но я сказалъ себѣ: да будетъ во всемъ воля Господня! Я не наемникъ, а пастырь своего стада, и Господь видитъ, что я *готовъ положить душу свою за овцы.*»

— Прекрасное чувство! — воскликнулъ Зуда съ жаромъ. — Благородное, истинно христі-

анское чувство! Ахъ, отецъ Петръ! я васъ уважалъ всегда, но теперь буду уважать еще во сто кратъ болѣе! Вы истинный благодѣтель Камчатки!»

«Но я увѣренъ, Абрамъ Васильевичъ — отвѣчалъ протопопъ — что если мнѣ и не удастся открыть истину, то все-таки, рано или поздно, она откроется. Зло таиться вѣчно не можетъ. Дойдетъ вѣсть до Государыни: тогда и нашъ праздникъ наступитъ!»

— Но тогда намъ врядъ ли уже увидѣть это время! — замѣтилъ Зуда. — Впрочемъ я о себѣ и не думаю; грустно только на другихъ смотрѣть. Вотъ скоро тридцать пять лѣтъ исполнится, какъ я живу въ *Куюхченѣ*, и мнѣ весьма замѣтно, какъ народъ годъ-отъ-году все бѣднѣетъ да бѣднѣетъ.

«Да, правду сказать — подхватилъ тоіонъ— ужъ и не въ мочь приходитъ! Вѣдь, легко ли? Каждый годъ собираютъ съ насъ для начальника по десяти соболей съ души, сверхъ царскаго ясака; да еще, если понесетъ куда-нибудь его нелегкая, такъ всѣхъ собакъ для него собьютъ да переморятъ, такъ что у инаго Камчадала ни одной собаки не останется послѣ его проѣзда, а безъ собакъ нашему брату, бачка, какъ жить?

Ни выйти, ни выступить не куда! Сиди, склавши руки, да умирай съ голоду! Въ-конецъ разоряютъ, бачка, да и только!»

Ахъ, братъ Тарея! на начальниковъ жаловаться вы мастера, а не видите, что ваша гибель отъ невоздержности, да отъ пьянства: это братъ, губитъ вашихъ родовичей больше, чѣмъ всякіе поборы! Тамъ вы отдадите въ годъ десять соболей, а тутъ потеряете за разъ двадцать. Смотри-ка на брата! Ахъ, Господи, какъ грянулся! Вѣдь Шангинъ хоть до смерти радъ запоить!...

«Что жъ дѣлать, бачка? Я те сказалъ, что не смѣю.»

— Боже мой! — говорилъ протопопъ съ жаромъ неудовольствія, обращаясь къ *Зудѣ* — какъ бываютъ люди безчестны! Даже повѣрить трудно!

«Эй, Шангинъ!»

Фельдшеръ, хотя во все время разговора протопопа съ Зудою и тоіономъ откидывалъ ухо, дабы узнать содержаніе онаго, но когда протопопъ позвалъ его, притворился будто не слышитъ.

«Шангинъ!» повторилъ протопопъ.

— Что вамъ угодно, ваше высокоблагосло-

веніе? Извините, въ шуму-то ничего не слышно.

«Скажи пожалуй-ста, какъ не стыдно тебѣ пользоваться глупостію и простотою другаго? Вѣдь, ты называешься христіаниномъ, а Христосъ, братъ, обманывать не велѣлъ!»

— Да кого же я обманывалъ?

«Послушай, Шангинъ! Не спорь со мною: отдай, по крайней мѣрѣ, половину изъ того, что̀ ты выманилъ, да и убирайся съ Богомъ: съ тебя и того будетъ довольно!»

— Да помилуйте! Да что это, Господи Боже мой! Ужъ я свое добро отдавать стану! Вотъ тебѣ разъ! Вѣдь, я не укралъ у него: онъ самъ меня тащилъ да просилъ....

«Ну, если ты еще будешь со мной спорить, такъ я раскрою весь твой обманъ.»

— Да, пожалуй, раскрывайте, что знаете! Меня еще и самъ начальникъ обманщикомъ-то не называлъ! Еще я своими трудами живу! Да...

«Горячиться, любезный, не для чего! Лучше скажи-ка мнѣ: отъ-чего у твоей фляги два крана?»

— А вамъ какая надобность? Да что такое, Господи! Вотъ-те еще!

«Хорошо! Когда ты не хочешь сказать это-

го самъ, такъ я разскажу все. Послушай-те вы, Камчадалы! Вотъ васъ какъ обманываютъ....»

Протопопъ объяснилъ обманъ фельдшера. Камчадалы, выслушавъ его, какъ они ни кротки и ни миролюбивы, на сей разъ, противъ всякаго ожиданія, пришли въ ужасную ярость, и разбивъ въ дребезги флягу, принялись-было и за самаго хозяина, такъ что обманъ его обошелся бы ему весьма дорого, если бы самъ же протопопъ не уговорилъ ихъ; однако жъ, не смотря на сіе заступленіе, фельдшеръ, выходя изъ юрты, кинулъ на своего защитника самый ужасный взоръ, и ворчалъ, стиснувъ зубы: «добро ты, сѣдая борода! Ты путемъ поплатишься со мною за свою штуку!»

V.

МИЧМАНЪ.

Шумъ, происшедшій при изгнаніи продавца водки, привлекъ въ юрту еще двухъ человѣкъ, до того времени прогуливавшихся по берегу моря. Одинъ изъ нихъ былъ юноша, довольно высокаго роста, статный и прекрасный собою, но примѣтно изнуренный болѣзнію; а другой—молодая, миловидная дѣвушка, по видимому не Русская и не Камчадалка: ибо къ правильнымъ, прелестнымъ чертамъ лица и большимъ чернымъ, огненнымъ глазамъ присоединялись смугловатый цвѣтъ и черные волосы. Узнавши о неважности происходившей ссоры, они опять принялись,

по видимому, за прерванный разговоръ, и, казалось, вовсе ничего не видѣли изъ окружавшаго ихъ.

— Неужели вы не отыскали своихъ родителей, когда и выросли? — спросила дѣвушка съ глубочайшимъ участіемъ.

«Я не имѣлъ ни малѣйшей возможности этого сдѣлать. Въ воображеніи моемъ совершенно изгладился ихъ образъ, и самое похищеніе мое весьма слабо обрисовывается въ моемъ умѣ: видится, точно какъ въ сновидѣніи, какой-то праздникъ, такое множество народу, огромный садъ— и все это такъ сливается съ мечтою, что я почти самъ не знаю: сонъ ли это дѣйствительно, или существенность. Одна Марина могла сказать мнѣ объ этомъ; но она была сослана въ Сибирь, и сколько ни старался я, даже и въ нынѣшній проѣздъ мой, узнать, гдѣ она находится, ни какъ не могъ.»

— О какъ тяжело это слышать! — сказала дѣвушка, глубоко вздохнувъ. — Не знать: кто твой отецъ и мать! Ахъ, Боже мой! Можетъ быть, и они также васъ ищутъ и сокрушаются объ васъ!

«Что дѣлать, когда такъ угодно судьбѣ?»

— А за что же была сослана Марина? Вѣр-

но, открылся злодѣйской ея поступокъ съ вами?

«Нѣтъ, не за это; но Провидѣніе въ самомъ дѣлѣ употребило меня орудіемъ для наказанія ея. Сбившись однажды съ настоящаго пути, человѣкъ обыкновенно переходитъ отъ одного преступленія къ другому; то же случилось и съ нею. Она свела дружбу съ шайкою воровъ, и исправляла должность ихъ шпіона, высматривая въ лавкахъ и домахъ: которые изъ нихъ богаче, и какъ лучше ихъ обокрасть. Съ этою цѣлію мы посѣщали съ нею одного богатаго помѣщика: это былъ, надобно вамъ сказать, заслуженный морякъ, человѣкъ умный и добрый. Онъ любилъ вообще дѣтей, и всякой разъ, когда я приходилъ къ нему съ Маринною, ласково разговаривалъ со мною, полюбилъ меня, и даже, наконецъ, просилъ Марину отдать ему меня, обѣщая сдѣлать меня счастливымъ. Марина, подъ разными предлогами, уклонялась отъ выполненія этой просьбы, и, какъ помню, жестоко била меня, когда я осмѣлился-было просить ее объ этомъ самъ...»

— Какая злая женщина! Боже мой! Я никогда не могла вообразить, чтобы люди могли быть такъ злы!

«А между-тѣмъ свѣтъ исполненъ подобными людьми, только-что скрывающимися подъ благовидною наружностію!»

— О! если такъ, то дай Богъ, чтобы я никогда не видала этого свѣта.

«Однакожъ, Марія, свѣтъ не должно представлять вертепомъ разбойниковъ: между множествомъ злыхъ есть весьма много и людей добродѣтельныхъ. Я это испыталъ на себѣ, когда освободился изъ рукъ моей похитительницы...»

— Но какъ же вы освободились отъ нея?

«Въ одно время возвратившись съ Мариною отъ того помѣщика, о которомъ я говорилъ вамъ, я подслушалъ разговоръ ея съ разбойниками, которые совѣтовались съ нею: когда и какъ лучше ограбить этого добраго старика. У меня закипѣло сердце, потому-что (припишите это Провидѣнію, или чему хотите), не смотря на окружавшіе меня порочные примѣры, я сохранилъ непорочность сердца, и чувствовалъ величайшее отвращеніе и отъ Марины и отъ ея злыхъ сообщниковъ. Такимъ образомъ я рѣшался, во что бы-то ни стало, увѣдомить помѣщика о злодѣйскомъ умыслѣ противъ него, и, улучивъ случай, исполнилъ мое намѣреніе. Разбойники были переловлены; съ ними попала

и Марина. Я пересказалъ помѣщику мои подозрѣнія, что я не сынъ Марины, и онъ старался узнать отъ нея о моихъ родителяхъ; но, признавшись въ моемъ похищеніи, она, по какой-то непонятной ненависти къ нимъ, не хотѣла сказать объ нихъ ни слова, не смотря ни на убѣжденія, ни на угрозы. Тайна эта погибла вмѣстѣ съ нею.»

— Ахъ, Боже мой! какъ это ужасно! — воскликнула Марія.

«По крайней мѣрѣ — продолжалъ ея собесѣдникъ — это признаніе хотя не удовлетворяло вполнѣ нашимъ желаніямъ, но послужило къ подтвержденію моихъ словъ, и помѣщикъ съ тѣхъ-поръ еще болѣе началъ заботиться обо мнѣ и, наконецъ, даже усыновилъ меня. И не только по названію, но и по удивительной, самой родительской нѣжной любви ко мнѣ, онъ дѣйствительно былъ для меня самый чадолюбивый отецъ. Года проходили. Я вступилъ, по ходатайству его, въ морскую службу и получилъ наконецъ чинъ мичмана. Любимый начальниками и товарищами, я считалъ себя совершенно счастливымъ, и думалъ только о томъ, какъ бы быть вполнѣ достойнымъ попеченій, оказанныхъ мнѣ моимъ благодѣтелемъ. Но въ сіе время я

вдругъ получаю печальную вѣсть, что онъ, проигравъ одну, совершенно правую со стороны его, тяжбу, лишился всего имѣнія и сдѣлался почти нищимъ. Я не могъ слышать о семъ равнодушно, и въ ту же минуту рѣшился пожертвовать для него всѣмъ тѣмъ, что только было въ моей власти; словомъ, пожертвовать собою. Я оставилъ службу, и нанялся у купеческой компаніи, съ тѣмъ, чтобы большую часть моего жалованья отдавали на содержаніе моего отца. Онъ умолялъ меня со слезами отказаться отъ сего; но дѣло было уже кончено, и намѣреніе мое твердо. Притомъ надобно сказать, какая-то непреодолимая судьба влекла меня въ эту страну, и можетъ быть (почему знать?), я найду здѣсь то счастіе, котораго нѣтъ на землѣ ничего выше и которое въ другомъ мѣстѣ я искалъ бы напрасно....»

При семъ словѣ въ большихъ голубыхъ глазахъ юноши, устремленныхъ на его собесѣдницу, блеснулъ тотъ яркой, пламенный взоръ, которымъ душа, исполненная любовію, невольно высказываетъ иногда страстно любимому ея существу всю полноту и силу своихъ чувствованій.

«Ахъ! я ужъ просила васъ нѣсколько разъ— говорила дѣвушка съ самымъ непритворнымъ

равнодушіемъ — пожалуй-ста не смотрите на меня такъ: мнѣ, право, становится какъ будто чего-то стыдно, когда вы такъ пристально посмотрите на меня.»

— О милая! о невинная Марія! — думалъ юноша — можно ли видѣть тебя и не смотрѣть на тебя? однакожъ, не смѣя произнести сихъ словъ, онъ помолчалъ нѣсколько времени и продолжалъ разсказъ:

— Трудно повѣрить — говорилъ онъ — отъ какой маловажной причины погибъ нашъ корабль!

«Отъ какой же это»?

— Прикащикъ компаніи пожалѣлъ заплатить печнику, клавшему на гальотѣ печь, одного рубля, и злодѣй, сказавъ: «хорошо! я сдѣлаю имъ такую печь, которую болѣе разу не истопятъ»—сдержалъ свое слово. Вы уже знаете остальное. Ахъ, Марія! вы дважды спасли мою жизнь: отъ моря и отъ болѣзни и, вѣрно, не захотите отнять ее у меня сами?...

»Ахъ! что это говорите вы? Боже! сохрани меня. Какъ это можно?»

— Есть, Марія, разныя средства отнимать жизнь; напримѣръ, если вы скажете: я не люблю тебя....

«Нѣтъ, я этого не скажу, потому-что я люблю васъ....»

Пусть тотъ, кто еще помнитъ свой первый разговоръ любви, дополнитъ въ своемъ воображеніи начатый выше и представитъ себѣ то сладостнѣйшее чувство, которымъ исполнилось сердце счастливаго юноши, услышавшаго толь невинное и толь неожиданное признаніе въ любви къ нему. Онъ ничего не видѣлъ и не слышалъ болѣе, и вся вселенная заключилась для него въ сихъ трехъ волшебныхъ словахъ: «я люблю васъ!»

Между-тѣмъ глаза ревности, отъ которыхъ не утаивается и самое сокровенное чувство любви, смотрѣли на него и на его подругу весьма зорко. Дьячекъ, съ которымъ мы уже познакомились въ предъидущихъ главахъ, не забывъ поцѣловаться нѣсколько разъ съ чаркою купца, хотя и былъ занятъ разговоромъ съ одною старою Камчадалкою, толкуя ей съ величайшимъ жаромъ: что такое называется существомъ абсолютнымъ, однако жъ посматривалъ скоса и на нашихъ любовниковъ, обуреваясь такимъ образомъ двумя равносильными страстями.

«Вотъ видишь ты — говорилъ онъ — абсолютъ есть.... Экой каторожный! не успѣлъ

появиться, а ужъ и умѣлъ подладиться.... абсолютъ есть....

— Понимаю, понимаю, бачка! отвѣчала Камчадалка, перебивъ его рѣчь — обсолить да ѣсть. Вѣстимо что соленое лучше, да только соль-та здѣсь шибко дорога: шестьдесятъ рублей пудъ!

«Не то ты говоришь, старуха! — возразилъ дьячекъ съ неудовольствіемъ. — Я тебѣ толкую о Богѣ, который у насъ, ученыхъ, называется: абсолютъ.»

— Вишь ты, какое мудреное прозвище дали! А у насъ такъ называютъ Бога просто: Кутха да и полно!

«Кутха! Это отъ-того.... Экой *варнакъ!* Глазами-то словно съѣсть хочетъ!... Это отъ-того, что вы еще не озарены божественнымъ свѣтомъ философіи, которая уже давно отвергла старинное названіе: Богъ, и именуетъ начало и причину всѣхъ вещей primus motor, существомъ абсолютнымъ.... Чортъ тебя вытащилъ изъ моря-то! Хоть бы тебя въ омутъ какой-нибудь обрушило!... существомъ абсолютнымъ, тетка! слышишь ты, или нѣтъ?»

Въ это время Камчадалка, не обращая вниманія на его слова, смотрѣла съ величайшимъ любопытствомъ и удивленіемъ, какъ одинъ изъ

Камчадаловъ выбрасывалъ въ *оночь*, съ помощію двухъ палокъ, по-камчадальски: *андроновъ*, потухшія головни, что у Камчадаловъ вообще почитается необходимымъ искусствомъ для ихъ щеголей и фанфароновъ, какъ у насъ французская кадриль и т. п.

— Да что ты не слушаешь, тетка? — продолжалъ дьячекъ. — Куда ты глаза-то вытаращила? Вѣдь я тебѣ толкую о важнѣйшей истинѣ, а ты....

Въ это мгновеніе одна изъ выбрасываемыхъ головней задѣла о крышу, и отскочивъ отъ нея, ударила въ лобъ дьячка съ такою силою, что онъ упалъ съ-размаху навзничь. Пьяные Камчадалы, вмѣсто того, чтобы помогать ему, подняли хохотъ. Одинъ мичманъ бросился-было къ нему, но дьячекъ, опомнившись, оттолкнулъ его отъ себя, вскричавъ съ запальчивостію. «Не прикасайся ко мнѣ: я знаю, кто ты таковъ!» Мичманъ съ удивленіемъ взглянулъ на разсерженнаго дьячка, не понимая причины его гнѣва, и, бывъ совсѣмъ не въ томъ расположеніи, чтобы сердиться на кого бы то ни было, оставилъ его безъ отвѣта.

VI.

ПОКАЯНІЕ.

Между-тѣмъ, какъ длился описанный въ предъидущей главѣ разговоръ, плясавшіе Камчадалы, у коихъ искуснѣйшимъ плясуномъ почитается тотъ, кто всѣхъ перепляшетъ, оспоривая другъ у друга пальму первенства, выбились наконецъ совершенно изъ силъ, пріутихли и, разсѣвшись на нарахъ, начинали дремать. Казалось, тихой, если не ангелъ, по-крайней мѣрѣ, гамулъ покрылъ ихъ своею куклянкою, и юрта стала отдыхать отъ шума, продолжавшагося нѣсколько часовъ сряду. Но вдругъ эта давно ожиданная тишина была прервана проис-

шествіемъ, имѣвшимъ комическое начало и самый трагическій конецъ.

Отецъ невѣсты, за неимѣніемъ водки послѣ купца, еще хватившій на-радостяхъ добрую порцію мухомора, совсѣмъ обезпамятѣлъ. Онъ лежалъ долгое время въ совершенномъ забытьи посреди юрты, и потомъ, блѣдный какъ смерть, съ мутными, испуганными глазами, вдругъ вскочилъ на ноги, и закричалъ изо всей силы: «Ай! ай! земля проваливается подо мною! пламень пышетъ изъ пропасти! адъ хочетъ меня проглотить живаго!... Куда мнѣ дѣваться? куда бѣжать?... вонъ они! вонъ!... вонъ! Кутха идетъ наравнѣ съ облаками и перешагиваетъ черезъ горы! Вонъ Пилучей несется на черной тучѣ и хочетъ ударить меня громовою стрѣлою! Чу! какъ закрутились подъ нимъ вихри и завыла буря! а вонъ и *Митгъ*, какъ огромный островъ, несется по морю и грозитъ мнѣ широкою пастью! А вонъ, вонъ и *Гаечъ* (*) уставилъ на меня изъ пропасти большіе глаза, какъ огненныя сопки, и протянулъ ко мнѣ двѣ руки, какъ двѣ листвяни! А сколько духовъ закопошилось и въ водѣ, и въ воздухѣ, и въ пла-

(*) Богъ ада.

меня! Хоть переберн пальцы всѣхъ Камчадаловъ, хоть всѣ волосы выдерн у нихъ изъ головъ — все будетъ мало: имъ нѣтъ счету (*)! И всѣ на меня сверкаютъ огненными глазами! и всѣ грозятъ мнѣ окровавленными *чекушами* (**)?... О боги и духи! помилуйте меня многогрѣшнаго! (Камчадалъ упалъ на колѣна). Помилуйте и пощадите! Я каюсь въ грѣхахъ моихъ: пилъ я, грѣшный, горячія воды, мылся ими и всходилъ на горѣлыя сопки; ссорился съ женой за кислой рыбою; отскабливалъ, окаянный, ножемъ снѣгъ съ камасовъ; точилъ, многогрѣшный, топоры и ножи въ дорогѣ, и даже — какъ осмѣлюсь и сказать это? — обдиралъ собакъ прежде наступленія великаго праздника: *грѣховъ очищенія* (***)! Пощадите меня и спасите!»

(*) Камчадалы считаютъ по пальцамъ, и когда переберутъ пальцы на рукахъ и ногахъ, тогда хватаются за волосы: это значитъ число несмѣтное.

(*) *Чекуша* — военное оружіе, состоящее изъ развилины, съ четырьмя рогами, насаженный на длинную палку.

(***) Праздникъ сей, по-камчадальски; *Чужлинвегъ*, бываетъ въ ноябрѣ; почему мѣсяцъ сей

Произнося сіе, Камчадалъ упалъ ницъ и, казалось, не смѣлъ поднять головы. Однородцы его, слушая его признаніе, произведенное дѣйствіемъ мухомора, тихомолкомъ надрывались отъ смѣха, какъ бы узнавъ о такихъ поступкахъ, въ которыхъ добровольно не всякой покается. Между-тѣмъ, смотря на нихъ, было еще труднѣе, нежели имъ, удержаться, чтобы не захохотать, и Зуда по характеру своему наклонный къ насмѣшкѣ, не могъ остаться безъ замѣчанія. «Смотри пожалуй — говорилъ онъ съ улыбкою — какой злодѣй! Шутка ли, сколько проказъ надѣлалъ: чистилъ подошвы, да обдиралъ собакъ! Врядъ ли, братъ, проститъ тебѣ это твой Кутха, и не отшлёпаетъ порядкомъ лыжами!»

— Ахъ, Боже мой! — говорилъ протопопъ — эти люди заслуживаютъ болѣе сожалѣнія, нежели насмѣшки.

называется тѣмъ же именемъ. Вообще Камчадалы раздѣляютъ годъ на десять мѣсяцевъ, не по измѣненіямъ Луны, но по роду своихъ занятій, соотвѣтствующихъ извѣстному времени года и по другимъ отношеніямъ. Напримѣръ: декабрь называютъ *Кукамлилинагъ*, т. е. *отъ большихъ морозовъ ломаются топорища.*

«А мнѣ такъ кажется — возразилъ съ важностію дьячекъ, тутъ же бывшій — что ни того, ни другаго.»

— О! когда вы говорите это — подхватилъ Зуда — то ужъ безъ сомнѣнія такъ. Но повѣдай же намъ высокую мысль твою, vir excellens (мужъ знаменитый).

«На вашу шутку — отвѣчалъ дьячекъ, любившій также иногда отпускать плоскія остроты, и особенно послѣ поцѣлуевъ съ чаркою — и я буду отвѣчать то же шуткою: ты рѣчешь, что я мужъ знаменитый!»

— Перестань, Степанычъ, кощунствовать — сказалъ протопопъ. — Ты знаешь: я не люблю этого. Если хочешь что сказать, говори, а дѣло съ бездѣльемъ не путай.

«Извините, не стану, отецъ Петръ! Я хотѣлъ сказать, что въ существѣ нѣтъ въ мірѣ ни добродѣтели, ни порока: все зависитъ отъ закона.»

— А я тебѣ на это скажу просто — говорилъ протопопъ — что ты врешь. Зло и добро въ мірѣ существуютъ искони, и законъ только указуетъ то и другое. Потому что и сказано: *грѣха не знахъ, точію закономъ.* Слѣ-

довательно: если законъ святъ, то и указанія его истинны; если же....

«Все такъ, конечно; но...»

— Полно ты со своимъ но....

«Ахъ, пожалуйста — перебилъ Зуда — не мѣшайте ему. Оканчивайте вашу премудрую рѣчь, оканчивайте господинъ почтеннѣйшій, Domine clementissime, honoratissime....»

— Называйте меня, какъ хотите — отвѣчалъ дьячекъ, который, бывъ и безъ того въ разстроенномъ состояніи духа отъ прежняго происшествія, хотя и желалъ, какъ видѣли мы выше, отдѣлаться отъ Зуды шуткою, но не могъ выдержать вторичнаго нападенія — называйте меня, какъ хотите, но я вамъ скажу рѣшительно: что̀ для васъ темнота и мракъ, то для меня яснѣе солнца; что я читалъ, того ужъ вамъ прочесть не удастся!

«Не спорю съ вами, Vir lectissime! Я знаю, что вы всѣхъ умнѣе на свѣтѣ....»

— И безъ всякаго сомнѣнія.

При семъ словѣ Зуда захохоталъ отъ всей души, а дьячекъ, выйдя изъ себя и покраснѣвъ какъ ракъ, съ гнѣвомъ повторялъ ему: «да, да, умнѣе! смѣйся, сколько хочешь, а я....»

«Полно хвастать, Степанычъ! — сказалъ протопопъ. — Кто самъ себя возвышаетъ, того Богъ унизитъ. Знаешь, сказано: *смиряйся, да вознесется, а возносящійся смиренъ будетъ....*»

— Да помилуйте, отецъ Петръ, преобидно слушать этакія насмѣшки!

«Эхъ, братецъ! перестань! Онъ шутитъ, а ты изъ кожи лѣзешь! Смотри лучше, чѣмъ окончится эта комедія.»

Дьячекъ замолчалъ, но поглядывая изъ подлобья на Зуду, кажется, еще въ первый разъ отъ-роду употребилъ съ пользою познаніе свое древнихъ писателей, припоминая изъ нихъ разныя бранныя выраженія.

Въ продолженіе сихъ цитатъ Камчадалъ, разбираемый мухоморомъ, опять вскочилъ съ бѣшенствомъ на ноги, и вскричавъ: «мухоморъ мнѣ велѣлъ убить стараго попа, и перерѣзать всѣхъ Русскихъ» — выдернулъ изъ-за пояса ножъ, и кинулся на протопопа. Это было сдѣлано такъ неожиданно и такъ быстро, что всѣ, бывшіе въ юртѣ, можно сказать, едва только успѣли ахнуть, и Камчадалъ, схвативъ протопопа за грудь, занесъ на него ножъ. «Умри, попъ!» — вскричалъ онъ. Въ это мгновеніе

мичманъ, неустрашимый, ловкой и сильный, оправившись отъ перваго впечатлѣнія, быстро схватилъ убійцу за руку, и отбросилъ его съ невѣроятною силою на средину юрты. Протопопъ, сколь ни былъ въ душѣ готовъ умереть каждую минуту, но не могъ, однако-жъ, не почувствовать трепету, по слабости человѣческой природы. Пораженный изумленіемъ, онъ не успѣлъ еще сказать ничего мичману, какъ сей послѣдній кинулся на помощь Маріи, которая отъ ужаса упала въ обморокъ, продолжавшійся нѣсколько минутъ. Протопопъ не столько словами, какъ самымъ дружескимъ пожатіемъ руки выразилъ благодарность своему избавителю, и потомъ вмѣстѣ съ Зудою также началъ хлопотать около больной. Наконецъ, раскрывъ глаза, и какъ бы не довѣряя своему зрѣнію, она спросила едва слышнымъ голосомъ: «дѣдушка! это вы ли?»

— Слава Господу Богу! я, моя милая! Вотъ мой защитникъ! (протопопъ указалъ на мичмана.) Онъ успѣлъ удержать ножъ, а то ужъ болѣе тебѣ не видать бы меня.

Яркой румянецъ двоякой радости покрылъ мгновенно блѣдныя щеки Маріи.

«Ахъ, любезный дѣдушка!...»

Она не могла ничего сказать болѣе и, цѣлуя руку дѣда, заливалась слезами. Старикъ самъ едва удерживался отъ слезъ, но перемогъ себя.

— О чемъ же ты плачешь, моя милая? — спросилъ онъ Марію.

«Сама не знаю о чемъ; но сердце такъ и бьется во мнѣ, какъ будто выпрыгнуть хочетъ.»

— Успокойся, душа моя! и поблагодари лучше, во-первыхъ, Господа Бога, а во-вторыхъ....

«О Боже мой! ты видишь, что я чувствую....»

— А во-вторыхъ, Виктора Ивановича....

«Ахъ, перестаньте, ради Бога! — прервалъ мичманъ. — Можно ли поминать о такой малости? Если бы и тысячу разъ еще я спасъ вашу жизнь, и тогда все еще былъ бы у васъ въ долгу!...»

— Благородный человѣкъ! — говорилъ протопопъ, крѣпко обнявъ мичмана — не даромъ сердце мое полюбило тебя съ перваго взгляда: чѣмъ больше узнаю тебя, тѣмъ больше любить тебя начинаю...»

«Точно, дѣдушка! — подхватила Марія — вы не ошибаетесь въ немъ; я сама люблю его болѣе себя.»

— Что ты говоришь это, дитя мое милое?

«Она говоритъ то, что чувствуетъ! — произнесъ съ жаромъ мичманъ. — И если безродный, оставленный всѣми, кромѣ Бога, сирота и бѣднякъ, можетъ, не обижая васъ, изъяснить свои чувства, то и я скажу вамъ: я люблю ее!»

— И ты тоже любишь меня! — вскричала съ восхищеніемъ Марія.

«Перестаньте, перестаньте, дѣти мои! — сказалъ протопопъ со слезами на глазахъ. — Теперь не мѣсто и не время говорить объ этомъ. Мой совѣтъ: молиться больше Богу, такъ все устроится по вашему желанію.»

Марія кинулась на шею къ своему дѣду, и обнимая его, твердила: «Любезный дѣдушка! милый дѣдушка!» Мичманъ, отъ избытка сердечной радости, не говорилъ ни слова, и только тоже порывался въ объятія старика. Вообще вся группа представляла эмблему счастія самаго чистаго, самаго свѣтлаго.

«Боже Всемогущій! — думалъ Зуда, смотря на сію картину — сколь мало нужно человѣку,

чтобы быть истинно счастливымъ, и какъ много желаетъ онъ, чтобы достигнуть этого!»

Совершенно противныя мысли занимали дьячка. Онъ почти обезумѣлъ отъ всего случившагося предъ нимъ. Сперва, вытаращивъ глаза и разинувъ ротъ, онъ сидѣлъ въ смѣшномъ изумленіи, а потомъ, вскочивъ на ноги и вылѣзя проворно изъ юрты, произнесъ съ значительною миною: «Справедливо сказалъ ты, мудрѣйшій изъ людей, велемудрый Спиноза, что вселенная управляется случаемъ! Такъ и есть! Чѣмъ, напримѣръ, эта гадина лучше меня: умнѣе ли, ученѣе ли, ловчѣе ли, а вотъ подите: счастье, да и только!»

VI.

САМОУБІЙСТВО.

Безумствующій Камчадалъ, еще нѣсколько минутъ пролежалъ въ безпамятствѣ. — «Возмите его! — сказалъ протопопъ — и отнесите поскорѣе на нары: вишь, онъ совсѣмъ безъ чувствъ.» Но едва протопопъ сіе выговорилъ, какъ Камчадалъ, вскочивъ опять на ноги, завопилъ ужаснымъ голосомъ: «Братъ! помни клятву, и поминай меня: вонъ стоитъ мухоморъ, и велитъ мнѣ себя зарѣзать.» Съ симъ словомъ онъ занесъ на себя ножъ. Всѣ бросились, чтобы удержать его, но онъ успѣлъ уже перерѣзать себѣ горло, и, обливаясь кровью, пока-

тился по юртѣ. Протопопъ, Зуда, мичманъ и особенно Марія, были поражены симъ происшествіемъ; но Камчадалы, вообще мало дорожащіе жизнію и склонные къ самоубійству, смотрѣли на эту сцену весьма равнодушно, а жена самоубійцы и двѣ ея прислужницы, не показавъ ни малѣйшаго испуга, тотчасъ приняли извѣстныя имъ средства для его спасенія. Они обмыли рану, опутали больнаго ремнями, и потомъ прислужницы стали подлѣ него съ *андронами*, дабы отгонять ими смерть, а жена, между-тѣмъ, помѣстившись позади его, шептала надъ нимъ разные наговоры, также для отогнанія смерти; однако-жъ ни палки, ни наговоры не испугали старой хрычевки, и, откуда ни взявшись, она утащила, по обыкновенію, свою жертву въ извѣстное одной ей мѣсто. Кончина сего несчастнаго также произвела больше впечатлѣнія на нашихъ путешественниковъ, нежели на его родовичей и родственниковъ, которые, увидѣвъ, что онъ уже умеръ, преравнодушно навязали веревку ему на шею, вытащили его изъ юрты, и бросили около нея, какъ вещь уже отжившую свой вѣкъ и ни на что болѣе непригодную.

— Вотъ самое Діогеновское погребеніе! — сказалъ *Зуда*, обращаясь къ протопопу. — Ка-

жется, хуже нельзя пожелать и величайшему тирану, какого могъ бы только вообразить хотя бы самъ Махіавель.

«Ахъ, Абрамъ Васильевичъ! — говорилъ протопопъ — какъ ты можешь шутить надъ этимъ? А у меня-такъ сердце обливается кровью, когда смотрю на это несчастное заблужденіе.»

— Вотъ! заблужденіе! Напротивъ, ничего не можетъ быть лучшаго. Такъ ли, братъ, Тарея?

«И конечно такъ, бачка! — подхватилъ тоіонъ. — Кого съѣдятъ собаки, тотъ самъ будетъ на томъ свѣтѣ ѣздить на добрыхъ собакахъ.»

— Полно, братецъ! — возразилъ протопопъ — какъ тебѣ не стыдно вѣрить этакому вздору? Пора вамъ отстать отъ него! Ты самъ видишь, до чего вы доходите! и сколько я разъ твердилъ объ этомъ: быть худу! Незнаніе истинной вѣры ведетъ васъ отъ порока къ пороку, отъ зла ко злу. Помяните мое слово: настанетъ то время, когда гибель постигнетъ весь родъ вашъ за невѣріе ваше; опустѣютъ ваши острожки, и травою заростутъ юрты....

«За что же, бачка, стращаешь насъ?»

— Нѣтъ, я не стращаю васъ, но говорю истину: это должно непремѣнно послѣдовать въ

наказаніе за ваше невоздержаніе, за непомѣрное пьянство и сладострастіе. Но еще вы имѣете время отвратить это зло. Признайте исповѣдуемаго мною Бога, и вы избегните гибели....

«И рады бы, бачка, да боимся; вишь у васъ послѣ смерти будутъ людей мучить, а у насъ нѣтъ!»

— Но кто же увѣрилъ васъ въ этомъ?

«Какъ кто? Самъ Гаечь, сынъ Кутхи, все это говорилъ еще отцамъ нашимъ! Вишь, когда онъ умеръ, то и захотѣлъ, чтобы все, что видѣлъ на тамошнемъ свѣтѣ, разсказать своимъ *родовичамъ:* вотъ пришелъ съ того свѣта, да и разсказалъ все.»

— Что же все? — спросилъ *Зуда.*

«Всего припомнить нельзя, а вотъ, примѣрно сказать, о свѣтѣ: что ему конца нѣтъ; о душахъ: что они когда-нибудь оживутъ вмѣстѣ съ тѣломъ, и также станутъ работать, только съ той разницей, что тогда будетъ уже во всемъ изобиліе: и въ звѣряхъ и въ рыбѣ, и въ *толкушѣ* (*), и въ соли, слышь, во всемъ, во всемъ.»

(*) Самое любимое камчадальское кушанье: смѣсь ягодъ съ икрою.

— Стало быть, и звѣри, и рыба тоже тамъ будутъ?

«Вѣстимо! Слышь до послѣдней мухи все оживетъ.»

— Ахъ, Господи! — говорилъ протопопъ, вздыхая — какъ трудно человѣка, единожды заблудшаго, обратить опять на путь истины!

«Но замѣтьте, отецъ Петръ — сказалъ *Зуда* — что важнѣйшія истины человѣчества не чужды и для самыхъ грубыхъ народовъ. Очистите отъ камчадальской религіи всѣ вздорныя и пустыя мнѣнія, и что-же останется? Бытіе Бога, безсмертіе души, будущая жизнь!»

— Такъ, это правда! Но что въ этомъ пользы, когда все это заглушено разными нелѣпостями? Безъ вѣры Христовой всѣ эти истины такъ же мало свѣтятъ, какъ звѣзды въ ненастную ночь.

Эхъ бачка! — подхватилъ тоіонъ — наши дѣды и прадѣды прожили безъ вашей вѣры, такъ и мы прожить можемъ!

Такъ, проживете; но ваша жизнь главная не здѣсь, а по смерти.

«Такъ что же? Вѣдь я те сказалъ, что и мы оживемъ по смерти.»

— А послушай-ка, господинъ Тарея! — спросилъ вдругъ *Зуда:* — когда вы всѣ оживете по смерти, то будете ли отвѣчать за прежніе грѣхи? Напримѣръ, если кто не сдержитъ клятвы....

«По-нашему: всякой за свои грѣхи [здѣсь оттерпится — клятвы ли не сдержитъ, или что другое сдѣлаетъ.»

— А ты думаешь ли сдержать ту клятву, которую далъ брату? — спросилъ протопопъ, съ намѣреніемъ надоумленный Зудою.

«Какую клятву, бачка? — отвѣчалъ тоіопъ, не смутясь ни мало. — Онъ все пустяки вралъ: вишь мухоморъ-то въ немъ шибко расходился.»

— Дай Богъ, чтобъ такъ и было! — сказалъ протопопъ. — Но если вы затѣяли что недоброе, то сами будете послѣ раскаяваться. Знаешь, Русской народъ силенъ.

«Знаю, знаю, бачка! но вѣдь и ты меня знаешь не первой годъ; стану ли я затѣвать что не по своимъ силамъ? Развѣ я съ ума сойду! Одно только, что мы всѣмъ острожкомъ положили: не давать ничего сверхъ царскаго ясака.»

— Ну, это дѣло другое: за это васъ ни кто повинить не можетъ; а если вы затѣяли что

то я скажу тебѣ напередъ: *пріемшій ножъ ножемъ погибнетъ*, т. е. кто возьмется за ножъ, тотъ и погибнетъ отъ ножа.

«Я, бачка, сказалъ правду.»

— Ну я вѣрю тебѣ; повѣрь же и ты словамъ моимъ, что если хотите быть счастливыми въ семъ вѣкѣ и будущемъ, то одно средство: сдѣлаться Христіаниномъ.

Протопопъ объяснилъ присемъ всю святость Христіанской вѣры, и всѣ безконечные блага, отъ нея проистекающія; но всѣ его слова падали на самую каменистую почву, и тоіопъ весьма равнодушно отвѣчалъ:

«Хорошо, хорошо, бачка, дай подумать, авось!»

— Это я отъ тебя слышу не въ первой разъ; но дѣлать нечего! Буди во всемъ воля Господня! Знать: *не убо пришелъ часъ твой!*

«А кажется, уже давно пришелъ часъ —подхватилъ Зуда — чтобы всѣмъ намъ ложиться спать?»

— Ахъ, Абрамъ Васильевичъ! Ты до старости все ребенокъ!.... Но въ самомъ дѣлѣ пора ложиться. Эй, Лемшинга! Камакъ! завтра чѣмъ свѣтъ приготовляйте собакъ: нашъ больной, слава Богу! поправился, такъ время ужъ и отправляться въ дорогу.

Всѣ, наконецъ, заснули. Въ юртѣ стало тихо, какъ въ могилѣ. Не спалось лишь одной Маріи; избытокъ радостныхъ ощущеній не давалъ ей сомкнуть глазъ.

Душа ея была полна того чистаго, небеснаго восторга, который доступенъ только въ первыхъ минутахъ любви для непорочнаго сердца, и который есть, можетъ быть, хотя слабый, неясный, но вѣрный очеркъ блаженства, обѣщаемаго намъ вѣчностію. Носясь воображеніемъ въ прекрасной, прелестной дали будущаго, Марія перелетала съ мечты на мечту, и одна другой казалась ей сладостнѣе и милѣе. Напрасно, наконецъ, хотѣла она забыться сномъ: голова ея пылала и сердце билось, какъ въ сильной горячкѣ. По тщетномъ и долгомъ усиліи, она встала и вышла потихоньку изъ юрты. Ночь была ясная. Огромный, усталый шаръ луны величественно спускался въ бездны моря, и ряды дремлющихъ волнъ, какъ бы не желая разстаться съ его ласковымъ свѣтомъ, тихо катились на западъ, волна за волною, и, наконецъ, исчезли въ озаренномъ имъ пространствѣ. Хоры звѣздъ столь же тихо и мирно текли по небу. Маріи казалось, что все дышало спокойствіемъ, миромъ и любовію; все такъ ласково привѣт-

ствовало ее: и луна, и звѣзды, и волны; все такъ ясно и внятно, казалось, говорило ей: «Счастливая Марія! онъ твой! Онъ тебя любитъ!» Подобныхъ минутъ, когда восторженному юному сердцу кажется весь міръ такъ прекрасенъ, такъ исполненъ блаженства, описать невозможно: ихъ можно только привести на память тому, кто нѣкогда ими наслаждался. Прислонившись къ камню на берегу моря, Марія долго оставалась въ семъ положеніи; мысли ея разбѣгались за волнами, и она, наконецъ, ничего не думала: оставалось одно неясное, но сладостное ощущеніе любви, которое наполняло ея сердце.

— О чемъ вы такъ задумались? —спросилъ Марію тихо подошедшій къ ней мичманъ, который не могъ также заснуть, волнуемый происшествіями дня.

«Ахъ, это вы! — вскрикнула Марія, какъ бы вдругъ проснувшись отъ сна. — Я думала о многомъ, о многомъ, думала о себѣ, о васъ....»

— И обо мнѣ? Что же вы думали обо мнѣ?

«Я думала, какъ буду я счастлива....»

— Со мною? О Марія! Такъ, ты будешь счастлива! Ты будешь счастлива, милая Марія!

Въ это мгновеніе закатывавшаяся луна, вѣр-

ный другъ и благотворное божество любовниковъ, подернулась легкимъ туманомъ, какъ бы не желая смотрѣть на обманчивое блаженство двухъ милыхъ существъ, которыхъ мечты и упованія не могли сбыться въ будущемъ; и когда она опять показалась изъ-за облака, то какъ будто для того только, чтобы освѣтить на ближнемъ пригоркѣ двѣ человѣческія фигуры, которыя, въ знакъ какого-то взаимнаго условія, схлопнули рука въ руку, и разошлись поспѣшно въ разныя стороны. Появленіе ихъ произвело въ душахъ нашихъ любовниковъ весьма странный и быстрый переворотъ. Оба они были обданы какимъ-то удивительнымъ страхомъ, точно такъ, какъ бы увидѣли бесѣду злыхъ духовъ, сговаривавшихся о ихъ погибели. Но что же значилъ сей страхъ? Было ли это предчувствіе сердца, сіе неисповѣдимое свойство его предугадывать несчастія, еще таящіяся въ нѣдрахъ времени; или обыкновенное опасеніе, всегда сопровождающее людей, стоящихъ на верху счастія? Какъ бы то ни было, Викторъ и Марія долго не могли успокоиться; но мало-помалу дѣйствіе сего паническаго страха начало утихать, волны опасенія улеглись въ душѣ, и опять блаженство любви наполнило добрыя, не-

винныя и пылкія сердца двухъ счастливцевъ: тогда они начали сами шутить надъ собою, и весело разговаривая и смѣясь, не примѣтили, какъ луна, совершившая свой кругъ, спустилась на лоно плескавшихся около нея волнъ, звѣзды удалились одна за другою въ безмятежную обитель неба, и царь вселенныя возсталъ во всемъ великолѣпіи своемъ изъ-за вершинъ отдаленныхъ хребтовъ.

VIII.

ЦЫГАНКА.

Кто не знаетъ Авачинской губы, сей первѣйшей гавани въ цѣломъ свѣтѣ, образованной самою природою, и могущей вмѣстить соединенные флоты всей вселенной? Эта гавань сливается еще съ тремя меньшими: *Раковой*, *Тарпинской* и *Петропавловской*, получившей сіе названіе отъ кораблей: *Петра* и *Павла*, посѣщавшихъ ее во время экспедиціи знаменитаго Беринга. Гавань Петропавловская лежитъ въ сѣверной части Авачинской губы, отдѣляясь отъ нея съ запада гористымъ полуостровомъ, а съ востока клинообразною узкою косою, по-сибир-

ски: *кошкою.* Частію на сей кошкѣ и частію на сѣверномъ берегу гавани расположенъ острожекъ *Петропавловскъ*, имѣвшій въ описываемое нами время домовъ не болѣе двѣнадцати, нѣсколько балагановъ и деревянную церковь. Лучшими зданіями считались домы начальника и протопопа, пріѣзжавшихъ сюда на-время; прочіе были, въ истинномъ значеніи сего слова, хижины, тутъ индѣ разбросанныя. Такимъ образомъ видъ сего бѣднаго селенія, закинутаго на край земли и отдѣленнаго пустынями и морями отъ образованнаго міра, наводилъ на сердце мыслящаго обитателя невольную скуку и грусть. Окрестности его столь же мрачны и печальны, хотя и величественны. Съ одной стороны море, съ другой ужасныя горы: *Стрѣлочная*, *Авачинская* и другія, или покрытыя вѣчнымъ снѣгомъ, или вѣчно дымящіяся. Это грозные шатры, затопленные всемогущею рукою природы и, можетъ быть, разгорающіеся на день суда!

Но нужно ли объяснять, что взглядъ нашъ на природу совершенно зависитъ отъ состоянія нашей души? Такъ, напримѣръ, счастливому мачману и нашей Камчадалкѣ, прогуливавшимся въ одинъ ясный декабрьскій день по тро-

пинкѣ, протоптанной на косогорѣ, ведущемъ на кошку, казалось, что нигдѣ въ свѣтѣ не льзя найдти картины, прелестнѣйшей и живописнѣйшей. Въ сіе время лучи полдневнаго солнца скользили по льдистымъ вершинамъ сопокъ и отражались въ милліонахъ алмазныхъ звѣздъ, разсыпанныхъ по бѣлому пологу снѣга, раскинутому на горахъ и долинахъ вокругъ огромнаго зеркала, образовавшагося изъ чистой и гладкой поверхности замерзшаго залива. Холодъ былъ самый умѣренный (*) и болѣе пріятный, нежели ощутительный. Воздухъ чистый и проливавшій съ дыханіемъ самую усладительную свѣжесть. Прибавьте къ этому неизъяснимый восторгъ первой любви, очаровательную сладость надеждъ на будущее блаженство, близость милаго, обожаемаго предмета—и вы повѣрите, что наши любовники не могли ни желать, ни вообразить лучшаго мѣста. Разговоръ ихъ въ продолженіе прогулки перебѣгалъ съ предмета на предметъ, хотя и кружился около одного центра, и этотъ центръ былъ — любовь. Они то терялись въ будущемъ, то возвращались въ

(*) Климатъ петропавловскій нѣсколько сходенъ съ петербурскимъ. Морозъ рѣдко простирается тамъ выше 22 гр. по Реомюру.

прошедшее. Наконецъ, воспоминая съ чувствомъ, вмѣстѣ и ужаснымъ и сладкимъ, подробности избавленія, мичманъ сказалъ Маріи: «Тотчасъ по пріѣздѣ нашемъ сюда, я старался узнать о женѣ великодушнаго матроса, и мнѣ сказывали, что она живетъ вонъ въ этой хижинѣ, подлѣ перваго балагана на кошкѣ. Не хочешь ли, Марія, зайдти вмѣстѣ со мной теперь къ этой женщинѣ?»

— О! я сама давно желаю видѣть ее, чтобы помочь ей, чѣмъ только въ состояніи. Впрочемъ мало и самой жизни моей, чтобы заплатить достойно за подвигъ ея мужа: онъ подарилъ мнѣ тебя.

«Скажи лучше: онъ сохранилъ мнѣ жизнь, чтобы я узналъ всю ея цѣну, узнавши тебя, мою милую, мою великодушную избавительницу.»

Въ семъ сладкомъ состояніи духа мичманъ и Марія отворили дверь въ хижину. Тутъ жила бѣдность со всѣми своими ужасами: голодомъ, холодомъ и нечистотою. Двое ребятишекъ укрывались отъ стужи на печи, бывъ почти нагіе. Въ углу, подлѣ стола, у окошка, заткнутаго льдиною, стояла женщина, высокаго роста, сухощавая, съ большими черными глазами, съ смуглымъ, мрачнымъ лицемъ, и вообще съ цы-

ганскою физіономіею. Она держала въ рукахъ *струганину* (*), и съ великою бранью бросала куски голоднымъ ребятамъ, хватавшимъ ихъ съ жадностію собакъ. «Чтобъ вамъ околѣть, негодные! — говорила она стиснувши зубы.— И то все сожрали, а еще просите! Гдѣ жъ мнѣ взять? Отецъ-то вашъ поѣхалъ, да мнѣ ничего не оставилъ, а теперь сталъ чорту баранъ! Добывай сама, какъ умѣешь! Перестаньте, окаянные; не то пырну ножемъ, такъ уйметесь, дьяволы!»

—Не стыдно ли такъ бранить своихъ дѣтей, тетка? — сказалъ мичманъ, вошедшій во время ея монолога въ хижину.

Цыганка обернулась къ дверямъ, и съ примѣтнымъ изумленіемъ сверкнула глазами на мичмана, который также показалъ видъ величайшаго удивленія и даже испуга.

— Что я вижу? — вскричалъ онъ. — Это ты, Марина?

«Какая, батюшка, я Марина? — отвѣчала Цыганка, мгновенно принявъ на себя видъ самаго искренняго смиренія и стараясь говорить самымъ простодушнымъ языкомъ. — Извольте

(*) *Струганина* — мерзлая рыба, которую стругаютъ ножемъ и ѣдятъ сырую.

спросить барышню: она знаетъ меня. Я мѣщанка Караулова, Аграфена.»

— Да, это правда — сказала Марія.

«Чего же испугалась ты?» — спросилъ мичманъ.

— Да вишь вы, ваше благородіе, изволили вдругъ зайдти, а мое-то дѣло сиротское: недавно лишилась мужа; дѣти малъ-мала меньше.

«Я зналъ твоего мужа. Онъ мнѣ спасъ жизнь, и я пришелъ оказать тебѣ помощь. Вотъ возьми это на первый разъ, а потомъ, когда выйдутъ эти деньги, опять проходи ко мнѣ.»

— Благодарствую батюшка, ваше благородіе! — воскликнула женщина, упавъ въ ноги мичману, и рыдая съ великимъ искусствомъ. — Благодарствую, мой кормилецъ! Господь, Царь Небесный наградитъ тебя, что ты меня, горькую сироту, не забылъ! И тебя не забудетъ Господь ни въ семъ вѣкѣ, ни въ будущемъ!

«Ахъ, полно плакать, Караулиха!» — сказала Марія, у которой также показались на глазахъ слезы.

— Какъ же не плакать и не рыдать мнѣ, ангелочекъ ты мой, когда нашлись этакіе добрые люди, какихъ здѣсь и слыхомъ не слыхано! Вотъ я здѣсь десятой годочекъ выживаю, извѣ-

стно вамъ, а кто призиралъ меня, горемышную, кромѣ вашего дѣдушки? — Дай Господи ему доброе здоровье! — А то нѣтъ, и кусочка, не жди ни откуда, а вѣдь, бывало, мой-то заѣдетъ въ море, такъ по цѣлому году и глазъ не увидишь!

«Гдѣ же онъ женился на тебѣ?» — спросилъ мичманъ, желая узнать ея происхожденіе.

— Въ Иркутскѣ, мой родимый, въ Иркутскѣ. Вишь, бятюшка мой былъ тамошній казакъ Почекунинъ. Мой-то жилъ тогда еще исправно; присватался; батюшка позарился, да и отдалъ меня за него, а онъ и спейся! Пилъ, пилъ, да подъ конецъ и напялся въ компанію. Что дѣлать? Принуждена была ѣхать сюда вѣкъ коротать!

«А желала ли бы ты воротиться въ Иркутскъ?»

— Ни што, мой кормилецъ, какъ бы не желать!

«Ну такъ я постараюсь объ этомъ....»

— Ахъ ты, родимый мой! — вскричала Цыганка, опять кинувшись въ ноги. — Дай тебѣ, Господи! Награди тебя Господи!

«Ну хорошо, хорошо! Прощай.

По выходѣ изъ хижины мичмана и Маріи, Цыганка опять приняла на себя мрачный видъ;

сѣла подлѣ стола, и подперши рукою голову, погрузилась въ глубокую думу, прерывая изрѣдка молчаніе отрывистыми восклицаніями: «Такъ, это онъ! Вотъ судьба!.... Для него мой пьяница отдалъ жизнь, для этого бестіи, котораго отецъ, который самъ былъ причиною моей ссылки!.... Такъ нѣтъ же, злая судьба! Я пойду на-перекоръ тебѣ; не дамъ смѣяться тебѣ надо мною!... Ядъ и ножъ! вы еще остались у меня! вы еще при мнѣ, мои вѣрные товарищи съ того ненавистнаго дня, какъ люди заставили меня таскаться по свѣту!...» Цыганка, разгорячаясь болѣе и болѣе, пришла, наконецъ, въ совершенное бѣшенство. «Меня обезчестили—вопіяла она съ величайшею яростію—меня обманули, наругались надо мною, меня гнали изъ мѣста въ мѣсто, терзали, мучили, кровь мою пили. И ты, злодѣй, и твой проклятый выродокъ были всѣму причиною!... Теперь ваша очередь наступила; теперь пришло время мнѣ потѣшиться надъ вами; теперь вы попали въ мои руки: гибните же, окаянные?»

Дѣти цыганки, приведенныя въ испугъ ея бѣшенствомъ, вскочивъ съ печи, полѣзли къ ней. «Матушка, матушка! что ты сердишься? На кого ты сердишься!»

— А, дьяволы! вы хотите меня умилостивить? Нѣтъ вамъ пощады!»

Она махнула наотмочь ножемъ, и два сына ея, облитые кровью, упали къ ея ногамъ. Съ тѣмъ вмѣстѣ выпалъ и ножъ изъ ея рукъ. Она сѣла на скамью, какъ будто пришла въ себя, и, устремивъ страшные взоры на лежавшіе предъ нею трупы дѣтей, захохотала отчаяннымъ смѣхомъ: «Ха, ха, ха! Вотъ еще штука!.... Такъ я зарѣзала своихъ дѣтей! Это ты, господинъ дьяволъ, подшутилъ надо мною! Тебѣ все хочется моей души? Возьми, братъ, ее: она твоя; но у меня еще есть на землѣ отрада!.... Однако жъ прибрать трупы. Мнѣ не впервые хоронить ихъ, и для меня все равно теперь кого ни похоронить!.... Лежите, дѣти! Теперь вы будете и сыты, и теплы, и одѣты: чего же вамъ болѣе? Хорошо, что у васъ такая добрая мать!» Она подняла половицу, и выкопавъ яму, положила въ нихъ оба трупа, завернувъ ихъ въ рогожу. «Не прочитать ли молитву? Вѣдь, говорили: эта глупая барыня, у которой я жила съ дѣтства, окрестила меня.... Ха ха ха! Все пустое!»

«Спите, трупы! Подъ землею
Сонъ спокоенъ и глубокъ!
Ни съ напастью, ни съ бѣдою
Незнакомъ вашъ уголокъ.»

«Мать сыра земля защита
Вамъ отъ снѣга, отъ дожжа;
Ею ваша грудь закрыта
Отъ стрѣлы и отъ ножа.»

«И не встрѣтятъ ваши очи
Взглядъ кровавый палачей,
И подъ мракомъ бурной ночи
Не подкрадется злодѣй!»

«Спите, трупы! Подъ землею
Сонъ спокоенъ и глубокъ;
Ни съ напастью, ни съ бѣдою
Незнакомъ вашъ уголокъ!»

Пропѣвъ сію пѣсню дикимъ, не человѣческимъ голосомъ, цыганка опустила попрежнему половицу, и, потерши рукою лобъ, сказала весьма спокойно: «Ну! дѣло кончено! Утонули, да и только! Пусть ищетъ, кто хочетъ!»

Между-тѣмъ мичманъ и Марія хотя возвращались тою же тропинкою, но уже не съ прежнимъ удовольствіемъ смотрѣли на окружавшую ихъ великолѣпную картину. Странное и близкое сходство Аграфены съ Маринною возобновило въ душѣ мичмана уснувшую тоску о потерянныхъ имъ родителяхъ. Марія, смотря на его задумчивость, также пріуныла. Долго они шли, не

прерывая молчанія; наконецъ мичманъ спросилъ Марію: «Я думаю, жизнь этой женщины совершенно извѣстна здѣсь?»

— Извѣстно только то — отвѣчала Марія — что она пріѣзжая, и что точно дочь какого-то мѣщанина, по крайней мѣрѣ, такъ сказывалъ и покойной мужъ ея. Говорятъ также, что она съ мужемъ своимъ жила весьма дурно; что она женщина весьма хитрая; что почти никогда не ходитъ въ церковь, и слыветъ колдуньею. Мнѣ въ дѣтствѣ такъ много наговорили объ ней, что и теперь еще, при встрѣчѣ съ нею, какъ будто раждается у меня въ душѣ какое-то темное предчувствіе....

«Можно ли, Марія, вѣрить мечтамъ дѣтства? Ты, слава Богу! не испытала бѣдности, и не знаешь ея пагубныхъ слѣдствій: она портитъ иногда самое доброе сердце. Я увѣренъ, что если постараться — что я непремѣнно и сдѣлаю — если постараться улучшить состояніе Карауловой, то о ней заговорятъ совсѣмъ другое. Та глубокая чувствительность, съ которою она приняла самое маленькое одолженіе, показываетъ, что сердце ея способно чувствовать добро, и это-то совершенно увѣрило меня, что сходство ея съ Мариною есть только игра случая.»

— Пусть такъ будетъ, Викторъ, но все я прошу тебя: будь съ нею осторожнѣе. Моя покровительница, помню я, говорила мнѣ однажды, что точно иногда сердце предчувствуетъ будущее несчастіе.

«Это правда! — сказалъ съ улыбкою мичманъ, стараясь принять на себя веселый видъ. — Я самъ въ эту минуту имѣю самое вѣрное предчувствіе....»

— Какое же?

«Что мы опоздаемъ къ обѣду и что имянинникъ нашъ, Антонъ Григорьевичъ, будетъ на насъ сердиться...»

— Ну, это предчувствіе еще не такъ страшно; однако жъ въ самомъ дѣлѣ поспѣшимъ, потому что Ольга Павловна, вѣрно, уже дожидается насъ.

«Ахъ, Марія! какъ мнѣ нравится эта прекрасная дама!»

— Но когда ты, Викторъ, болѣе познакомишься съ нею, то еще болѣе будешь любить ее. Это сущій ангелъ!»

«И потому еще долженъ я любить ее — сказалъ мичманъ, сжимая руку Маріи — что она воспитала для меня другаго ангела.»

— Нѣтъ, Викторъ! Я только тогда могла бы

называться симъ именемъ, когда бы походила на нея во всемъ. Ты бы посмотрѣлъ, съ какимъ участіемъ она слушала дѣдушку, когда онъ просилъ у ней согласія на нашу свадьбу! Съ какимъ вниманіемъ разспрашивала она о тебѣ, и съ какою нѣжностію обняла меня и сказала:» Машенька! я не препятствую тебѣ. Дай Богъ, чтобы сердце твое тебя не обмануло! Признаюсь: твой женихъ и мнѣ понравился съ перваго взгляда. Будьте счастливы: онъ тобой, а ты имъ!

«Это прекрасное желаніе уже исполняется— говорилъ мичманъ. — Ахъ, Марія! есть ли на свѣтѣ человѣкъ счастливѣе меня?»

— Есть, и это я!—сказала Марія, взглянувъ на своего любовника со всею пламенностію страсти.

Говоря сіе, они подошли къ дому начальника и взошли на крыльцо.

КОНЕЦЪ ПЕРВОЙ ЧАСТИ.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

ПЕРВОЙ ЧАСТИ.

стр.

I. Новый метафизикъ..... 7
II. Истинный пастырь..... 22
III. Буря..... 36
IV. Камчадальская свадьба..... 53
V. Мичманъ..... 70
VI. Покаяніе..... 80
VII. Самоубійство..... 91
VIII. Цыганка..... 102

КАМЧАДАЛКА.

СОЧИНЕНІЕ

Н. Калашникова.

ЧАСТЬ II.

Второе изданіе.

С. ПЕТЕРБУРГЪ

1842.

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ

съ тѣмъ, чтобы по напечатаніи, представлено было въ Цензурный Комитетъ узаконенное число экземпляровъ. С. Петербургъ, Декабря 11 дня 1841 года.

Ценсоръ *П. Корсаковъ.*

ВЪ ТИПОГРАФІИ А. ІОГАНСОНА.

IX.

НАЧАЛЬНИКЪ.

День имянинъ Антона Григорьевича былъ самымъ памятнымъ днемъ для обитателей Камчатки: ибо именно къ этому дню должны они были заготовить порядочный запасъ всякой всячины для подарковъ дорогому имянинику. Подарки обыкновенно доставлялись ему изъ богатѣйшихъ острожковъ самими тоіонами, а изъ отдаленныхъ мѣстъ или исправниками, или присылались съ нарочными. Смѣшно было смотрѣть на почтеннаго Антона Григорьевича, когда онъ, бывъ въ душѣ величайшимъ грабителемъ, смиренно-мудренно сидѣлъ за Четіи-минеею

накануне своихъ именинъ, и стыдливо поглядывалъ, какъ приходившіе купцы и тоіоны заваливали мягкою рухлядью казенку, нарочно для сего устроенную подлѣ его кабинета. «Благодарствую, другъ мой! — говорилъ онъ каждому приносителю.—Это вовсе лишнее. Кабы я не боялся тебя обидѣть: то ни за что бы не принялъ.» По выходѣ же приносителя, онъ тщательно осматривалъ приношеніе, и если находилъ оное недостаточнымъ, то съ великою злобою говорилъ: «А, мошенникъ! ты еще, видно не ученъ! Пожалѣлъ лыка, такъ отдашь и ремень!» Всѣ эти приношенія были однако жъ только экстра-ординарныя; независимо отъ нихъ были еще систематическія, единожды навсегда опредѣленныя, о которыхъ мы слышали ужъ изъ устъ Тареп. Съ этими-то поборами пріѣзжали сами исправники, которыхъ Антонъ Григорьевичъ умѣлъ удивительно держать въ рукахъ: это былъ охотникъ со сворою собакъ, которыхъ онъ пускалъ на добычу, и которымъ позволялъ пользоваться и самимъ, накидывая въ сіе время веревку имъ на шею, дабы, при малѣйшемъ со стороны ихъ неповиновеніи, имѣть возможность не только прибрать ихъ къ рукамъ, но и задавить въ случаѣ нужды. Находясь, какъ

съ ними, такъ и съ другими довѣренными своими людьми, наединѣ, Антонъ Григорьевичъ хотя совершенно снималъ съ себя личину святоши, какъ въ семъ случаѣ ни къ чему не служившую, но за то надѣвалъ другую личину какой-то законности въ самыхъ мошеннических дѣлахъ, и рѣзкимъ начальническимъ тономъ требовалъ исполненія самыхъ беззаконныхъ приказаній, какъ справедливаго и необходимаго, или какъ должной дани благодарности со стороны ихъ, за дозволеніе устроивать свое состояніе. Боже сохрани, если кто оказывался въ семъ случаѣ неблагодарнымъ, то есть, не сбиралъ всего опредѣленнаго и осмѣливался пріѣзжать не только съ пустыми, хотя не совсѣмъ съ полными руками. Такой смертный грѣхъ случился наканунѣ настоящихъ имянинъ, съ исправникомъ Большерѣцкимъ, которому Тарея отказалъ въ оброкѣ на-отрѣзъ, представивъ нужды и бѣдность своего острожка.

Большерѣцкой исправникъ, коллежскій регистраторъ Сумкинъ, былъ маленькой, хромой мужичокъ, самой низкой и подлой души, почти вѣровавшій въ Антона Григорьевича и всегда готовый перенести отъ него всякую брань и обиду. Объяснивъ, съ видомъ величайшаго по-

добострастія и робости, отказъ Тареп, онъ едва не упалъ въ обморокъ, увидѣвъ вспыхнувшій на лицѣ своего повелителя огонь гнѣва и ярости.

«Неблагодарные, мошенники! — завопилъ Антонъ Григорьевичъ, кинувъ въ Сумкина Четь-Минею — я за васъ умираю на дѣлѣ, чтобы вы были спокойны да счастливы, а вы? Что вы дѣлаете со мной? Хотите меня по міру пустить!»

— Простите великодушно, ваше высокоблагородіе! Все будетъ исправлено!

«Подлецъ ты, мошенникъ! Все будетъ исправлено! Ты этого не хотѣлъ для меня сдѣлать? Я тебя заставлю думать о твоей обязанности.»

— Ваше высокоблагородие! я бы со всѣмъ усердіемъ, да вѣдь острожекъ Тареп дѣйствительно самый бѣдный....

«Да, бѣдный, потому что тутъ дѣло шло о моей выгодѣ, а не о твоей. Я слышать этого не хочу!»

— Что же мнѣ дѣлать, ваше высокоблагородіе?

«Что дѣлать? А вотъ что:»

Антонъ Григорьевичъ обернулъ Сумкина къ дверямъ и вытолкалъ его въ шею.

— Добро же ты, шельма Тарея! — ворчалъ Сумкинъ, выходя изъ дома начальника: — я теперь изъ тебя сокъ вытоплю; я посмотрю, какъ ты не отдашь мнѣ всего, да еще и съ сотенными процентами!

«Что такъ обезпокоились, Антропъ Спиридоновичъ? — спросилъ Сумкина попавшійся къ нему на-встрѣчу фельдшеръ.

«Ахъ это вы, Алексѣй Пантелѣевичъ! — вскричалъ Сумкинъ, бросясь обнимать Шапгина. — Извините, любезнѣйшій, въ потьмахъ-то и не вижу! Давнымъ-давно не видалъ! Какъ поживаете?»

— Слава Богу! А откуда изволите путь-дорогу держать?

«Отъ начальника, любезнѣйшій! Признаться, сегодня провинился не много, такъ побранилъ, да и подзатыльникъ еще скроить изволилъ. Да брань на вороту не виснетъ, и отъ отца все стерпѣть можно, а, вѣдь, онъ у насъ не начальникъ, а отецъ!»

— Правда ваша, Антропъ Спиридоновичъ, правда, что отецъ!... А за что онъ васъ побить изволилъ?

«Да за мошенника Тарею.»

Сумкинъ разсказалъ въ чемъ дѣло.

— Это мнѣ извѣстно, Антропъ Спиродоновичъ! — говорилъ Шангинъ. — Тутъ вы ни сномъ, ни духомъ не виноваты.

«То-то и есть, Алексѣй Пантелѣевичъ! Если начальникъ будетъ говорить съ вами объ этомъ, такъ, пожалуй-ста, замолвите золотое словечко, а покамѣстъ возьмите это серебряное колечко.... Такъ пришлось складно сказать.»

При сей подьяческой риѳмѣ, Сумкинъ всунулъ въ руку Шангина кошелекъ съ серебряными деньгами.

— Напрасно безпокоитесь, Антропъ Спиридоновичъ! Я и безъ этого исполнилъ бы ваше приказаніе....

Между-тѣмъ, по изгнаніи Сумкина, начальникъ мгновенно принялъ на себя спокойный видъ, ибо настоящій гнѣвъ его былъ притворный, какъ тактическая продѣлка, которую онъ употреблялъ съ людьми подлаго характера. Онъ поднялъ Минею, исправилъ въ ней смятые листы, и замѣтивъ закладкою житіе *Козьмы Безсребренника*, съ усмѣшкою положилъ книгу на столъ. «Моя жизнь—говорилъ онъ самъ съ собою — если сказать правду, не слишкомъ походитъ на житіе этого святаго; но не всякому же быть безсребренникомъ! Впрочемъ и меня

можно назвать такъ же: серебра-то и у меня не много, только соболи да лисицы, а вѣдь это не серебро! Ха, ха, ха!... Только какъ ни посмотрю я на свои дѣла — продолжалъ онъ, нѣсколько помолчавши —то самъ себѣ удивляюсь. Здѣшніе первые русскіе выходцы говаривали: въ Камчаткѣ-дѣ семь лѣтъ можно прожить счастливо, а я — каково же? — одиннадцатый годъ обираю здѣсь праваго и виноватаго, и живу какъ мнѣ хочется! Вотъ что значитъ подобрать людей!.... Я увѣренъ, что, напримѣръ, этотъ подлецъ Сумкинъ, теперь радъ съ живаго Тареи содрать кожу, и принести мнѣ въ подарокъ, лишь бы я не сердился на него.... Да, власти у меня много, богатства еще болѣе; чего же еще надобно?... Ахъ, эта проклятая дѣвчонка не выходитъ у меня изъ ума!... Но что я могу сдѣлать?.... Она имѣетъ жениха; я—жену!....»

Сказавъ сіе, онъ опять замолчалъ и сталъ ходить по комнатѣ большими шагами.

«Да! это ужасно; но это должно быть!.... А мученіе совѣсти? А мука за гробомъ?....»

Онъ медленно повелъ глазами по стѣнѣ комнаты и остановился на висящемъ на ней портретѣ іезуитскаго патера.

«Что ты мнѣ скажешь теперь, наставникъ

моего дѣтства? Какъ ты разрѣшишь эту задачу—ты, который старался напечатлѣть на моемъ дѣтскомъ умѣ, что ни добрыя дѣла не могутъ спасти насъ, ни погубить худыя? Отвѣчай мнѣ теперь: твой отвѣтъ мнѣ въ эту минуту всего нужнѣе! Ты молчишь? Такъ пусть же тягость моего злодѣянія обрушится надъ тобою! Пусть же отъ тебя потребуютъ отвѣта въ моемъ преступленіи, если ты обманулъ меня.... Я рѣшился,—и дѣло кончено!...»

Въ эту минуту послышался шорохъ за дверью. Начальникъ схватилъ опять Чети-Минею и принялъ на себя видъ глубокаго вниманія.

— Здравія желаю, ваше высокоблагородіе! —сказалъ вошедшій въ комнату фельдшеръ.

«А это ты, Алексѣй? Куда это чортъ тебя занесъ? Вѣдь, шутка ли, два мѣсяца цѣлыхъ слонялся?»

— Слава Богу, ваше высокоблагородіе, что еще и живъ остался....

«Что съ тобой сдѣлалось?»

— Да что, ваше высокоблагородіе! Нашъ почтенный отецъ-протоіерей изволитъ разъѣзжать, да только бунтуетъ народъ....

«Какъ такъ?»

— А вотъ изволите видѣть! Продавалъ я въ *Куукюхчинѣ* вашу водку....

«Гдѣ же товары?»

— А вотъ здѣсь, ваше высокоблагородіе! Четыре сорочка. Извольте посмотрѣть: масть къ масти!

«Хорошо, положи! Ну, такъ что же?»

— И протопопъ тутъ же былъ, да Зуда....

«А, это старый мошенникъ!»

— Да молодой офицеръ, да внучка протопопа....

При семъ словѣ краска показалась на лицѣ начальника, и онъ съ нетерпѣніемъ прервалъ фельдшера: «Тфу, къ чорту! Что ты все это мнѣ разсказываешь?»

— Имѣйте терпѣніе, ваше высокоблагородіе: я не задержу васъ. Вотъ я продаю водку, и вижу: дѣло не ладно: протопопъ съ Зудою такъ и честятъ вашу милость, индо меня морозъ по кожѣ подралъ....

Фельдшеръ пересказалъ разговоръ протопопа съ Зудою, переиначивъ его по-своему. Выслушавъ его, начальникъ вскричалъ въ бѣшенствѣ: «Они осмѣлились поносить меня?»

— Я не солгу ваше высокоблагородіе.

«Дорого же будетъ имъ стоить эта брань! Продолжай!»

— Вотъ они говорили, говорили, да и начали уговаривать тоіона на бунтъ: чтобы онъ не покупалъ отъ меня водки, чтобы отказался отъ платежа оброка....

«Клянусь Богомъ! — вскричалъ начальникъ, ударивъ кулакомъ по столу. — Они раскаются въ этихъ поступкахъ!»

— Но это еще только цвѣтки, ваше высокоблагородіе; ягодки еще впереди. Услышавъ ихъ возмутительныя рѣчи, Тенява, братъ тоіона, закричалъ-было, что если они не уймутся, то онъ-де донесетъ на нихъ начальству.... какъ они всѣ вдругъ бросятся на него, схватили его за горло, да и давай давить. Я-было присталъ — гдѣ ты! Какъ пить дали, уходили, да и я едва ноги унесъ, да вотъ и прохворалъ въ Большерѣцкѣ безъ малаго двѣ недѣли.

«Такъ и офицеръ участвовалъ въ убійствѣ?» — спросилъ начальникъ съ дикою радостію.

— Всѣ, всѣ, ваше высокоблагородіе!

Начальникъ замолчалъ. Онъ сложилъ руки на грудь, и началъ ходить по комнатѣ, погрузившись въ самую глубокую думу. «Не понимаю — думалъ онъ—какой злой рокъ покровитель-

ствуетъ всѣмъ моимъ намѣреніямъ? Сколько доносовъ, сколько клеветы и правды было писано на меня, и все сошло съ рукъ, какъ не льзя лучше! Самыя черныя дѣла мои обратились въ мою пользу, и самыя справедливыя жалобы мнѣ удалось опровергнуть! Теперь я замышляю самое страшное дѣло, и что же? Кто это помогаетъ мнѣ? Какой злой духъ раздѣляетъ со мной мои желанія?.... Я напередъ знаю, что этотъ бездѣльникъ, взводя убійство на протопопа и мичмана, говоритъ ложь, и что онъ, или проникнувъ своимъ лукавымъ умомъ въ расположеніе моей души, или изъ собственной мелочной выгоды готовъ погубить невинно мать и отца роднаго; но тѣмъ не менѣе онъ вдругъ доставляетъ мнѣ прекрасный предлогъ къ совершенію моего намѣренія, когда я всего менѣе ожидалъ этого? Что жъ это значитъ?... Я могу теперь взять тотчасъ подъ арестъ этого офицера, сдѣлать его чернѣе сажи, хотя бы совѣсть его была свѣтлѣе солнца и, наконецъ, совершенно погубить его!... Ужели злой духъ доставляетъ мнѣ этотъ случай, дабы увлечь меня въ погибель? Но такъ и быть: демонъ или судьба помогаютъ мнѣ, я воспользуюсь этою помощію!»

— Послушай, Алексѣй! Ты затѣваешь дѣло нешуточное; имѣешь ли ты свидѣтелей?

«Имѣю, ваше высокоблагородіе!»

— Кто жъ они таковы?

«Во-первыхъ: дьячекъ Шайдуровъ.»

— Ручаешься ли ты, что этотъ уродъ поддержитъ твои слова?

«Такъ думаю, по крайней мѣрѣ, потому, что онъ золъ на протопопа и офицера. Вѣдь, вы изволите знать, что онъ хотѣлъ жениться на протопопской внучкѣ. Онъ тоже разскажетъ вамъ, какъ они поносили и позорили ваше имя.....»

— Хорошо! Я дамъ имъ знать себя! Я ихъ разобью.....

«Въ дребезги, ваше высокоблагородіе! — воскликнулъ вошедшій въ сіе время съ кипою бумагъ секретарь начальника, Петръ Ѳедоровичъ Погремушкинъ, не менѣе своего владыки склонный ко взяткамъ и къ грабительству, но разыгрывавшій роль человѣка строгаго и правдолюбиваго, и поощрявшій Антона Григорьевича ко всякому злу подъ видомъ искорененія злоупотребленій — Въ дребезги! — повторилъ онъ. — Коли истреблять зло, такъ надобно его вырывать съ корнемъ!»

— Правда твоя, Петръ Ѳедоровичъ!..... Но что это у тебя подъ-мышкою?

«Почта.»

— Давай скорѣе!

Начальникъ схватилъ съ нетерпѣніемъ пакеты и, отобравъ предписанія губернаторскія, проворно распечатывалъ ихъ и бѣгло прочитывалъ. Въ это время фельдшеръ на цыпочкахъ вышелъ изъ комнаты, а Петръ Ѳедоровичъ, также любившій выдавать себя за человѣка просвѣщеннаго, занялся разборкою журналовъ, которыхъ было получено вдругъ нѣсколько книжекъ, съ ноября по апрѣль, ибо почта пришла за цѣлые полгода (*). Петръ Ѳедоровичъ, прочитывая заглавія и раскладывая журналы по кучкамъ, дѣлалъ свои замѣчанія:

«*Что нибудь!*.... Ба! только два нумера! Вотъ извольте платить деньги по пустякамъ, и ждать цѣлые полгода, чтобы, наконецъ, узнать, что г. издатель вздумалъ повеселиться на счетъ добродушныхъ подписчиковъ. Что станешь дѣлать съ мошенниками?.... *Вечерняя заря*..... Вотъ это журналъ хоть куда! и издается не-

(*) И нынѣ почта въ Камчатку приходитъ только два раза въ годъ.

правно, и есть очень хорошія статейки!..... *О познаніи Бога, самого себя и своихъ должностей*.... Прекрасно! Антонъ Григорьевичъ, вотъ статейка!»

— Хорошо, хорошо, Петръ Ѳедоровичъ! Разбери поскорѣе, да отошли къ женѣ: это по ея части.

«*Покоящійся трудолюбецъ*.... *Растущій виноградъ*.... *Иртышъ, превращающійся въ Ипокрену*.... А вотъ и книжечка вашего племянника: *Зерцало древней учености*,...»

— Сколько экземпляровъ?

« Кажется, экземпляровъ пятьдесятъ будетъ....»

— Такъ разошлите, Петръ Ѳедоровичъ, поскорѣе при письмахъ къ исправникамъ, чтобы роздали Камчадаламъ и поскорѣе прислали деньги. Эта книга для нихъ будетъ очень полезна,

«Ваша правда.» — отвѣчалъ секретарь безъ малѣйшей усмѣшки.

Послѣ сего начальникъ опять сталъ пересматривать бумаги и вдругъ вскричалъ: «Еще доносъ!»

— Доносъ? — подхватилъ Петръ Ѳедоровичъ, оттолкнувъ въ сторону книги и журналы.—

Вотъ что значитъ быть великодушнымъ! Я давно говорилъ вамъ: съ бездѣльниками церемониться нечего! Въ дребезги да и полно! Кто жъ это осмѣлился васъ чернить?

«Пріятель мой, отецъ протоіерей.... Это за то, что я воспиталъ его внучку!.... Вотъ неблагодарные!»

— Что же написалъ онъ?

«Слушай!

Злоупотребленія превзошли здѣсь всю міру; нѣтъ правосудія въ судахъ; торговля въ рукахъ начальника; жители разорены, и вопль ихъ....

«А, попъ! такъ и ты вздумалъ клеветать на меня!»

—Дерзость, непомѣрная дерзость! — воскликнулъ Петръ Ѳедоровичъ. — Ложь и клевета невообразимыя!

— Ну, пусть же онъ лжетъ: онъ теперь въ моихъ рукахъ! Сейчасъ только Алексѣй разсказалъ мнѣ ужасное дѣло.

Объяснивъ доносъ фельдшера, начальникъ прибавилъ въ заключеніе: «Петръ Ѳедоровичъ! потрудитесь приготовить къ завтрему предписаніе на имя большерецкаго исправника, чтобы онъ произвелъ объ этомъ слѣдствіе *самымъ*

строжайшимъ и, разумѣется, *самымъ безпристрастнѣйшимъ образомъ.* Я думаю и васъ также прикомандировать къ этому. Ваше безпристрастіе мнѣ совершенно извѣстно....

— Благодарю, ваше высокоблагородіе, за доброе мнѣніе. При такомъ начальникѣ, какъ вы, не быть безпристрастнымъ.....

«И также, пожалуй-ста, приготовьте хорошій отвѣтъ губернатору. Еще я желалъ бы имѣть свѣдѣніе о состояніи вообще здѣшняго духовенства. Кажется, не худо бы поставить на видъ.....»

— Да ужъ когда бить — сказалъ съ жаромъ Петръ Ѳедоровичъ, — такъ надобно добивать: полу-мѣры ни куда не годятся! Я это вамъ давно твержу.

«Что дѣлать, Петръ Ѳедоровичъ? Великодушіе меня губитъ!»

— Да, и добродѣтель неумѣстная вредна!

«Ну, такъ и быть, что сдѣлано, то сдѣлано! Потеряннаго не воротишь! По крайней мѣрѣ теперь постараемся поправить ошибку. Займитесь же, пожалуй-ста, бумагами.»

Надобно сказать правду, что Петръ Ѳедоровичъ былъ человѣкъ весьма неглупый, искусный въ писаніи бумагъ и величайшій мастеръ

дѣлать изъ чернаго бѣлое. По-утру чѣмъ свѣтъ, онъ уже былъ въ кабинетѣ начальника.

«Вотъ вашему высокоблагородію подарокъ въ день имянинъ. Извините: чѣмъ богатъ, тѣмъ и радъ!»

— Спасибо, Петръ Ѳедоровичъ! Этотъ подарокъ мнѣ всего нужнѣе. Ну, читай же, что написалъ.

Секретарь началъ съ отвѣта губернатору.

«Съ самаго вступленія моего въ управленіе Камчаткою я прилагалъ неусыпныя попеченія, обозрѣвъ всѣ части, вникнуть въ состояніе оныхъ и привести ихъ въ лучшее положеніе, сколько позволяли зависящія отъ меня средства. Съ ужасомъ увидѣлъ я повсемѣстный безпорядокъ, злоупотребленія, разстройство, развратъ и всеобщее растлѣніе въ правахъ....»

— Прекрасно! Продолжайте!

«Рѣшившись, съ самымъ пламеннымъ усердіемъ къ пользѣ службы, дѣйствовать къ искорененію сего зла, я встрѣтилъ величайшія и неожиданныя препятствія. Чиновники, духовные и граждане, бывъ большею частію изъ числа сосланныхъ, и, слѣдовательно, нося въ себѣ сѣмена всякаго зла, составили между собою *комплотъ*, дабы противиться принимаемымъ мною

мѣрамъ, и сговорились всячески чернить меня предъ лицемъ высшаго начальства....»

— Превосходно, безподобно! Сущая истина!

Секретарь, наконецъ, дочиталъ бумагу, въ которой, по опроверженіи протопопскаго доноса, на самого его взводилась самая нелѣпая клевета: что онъ не старается вовсе о распространеніи Христіанской вѣры между инородцами; что, напротивъ, присутствіемъ своимъ при ихъ суевѣрныхъ обрядахъ, какъ то - на свадьбахъ, похоронахъ и т. п., самъ поощряетъ ихъ къ продолженію идолопоклонства и разврата; что слабое правленіе его духовенствомъ подало поводъ ко многимъ злоупотребленіямъ и порокамъ; что онъ возстановляетъ и возмущаетъ народъ противъ начальства; что онъ замѣшанъ по дѣлу объ убійствѣ Камчадала Тенявы: о чемъ-де производится уже слѣдствіе, и проч. и проч. Словомъ сказать: не было преступленія, котораго мастерская рука правдолюбиваго секретаря не взвела бы на этого добродѣтельнѣйшаго христіанина, каковъ былъ протопопъ Верещагинъ, и всѣ эти клеветы, бывъ изложены складно и дѣльно въ формѣ оффиціальной бумаги, приняли видъ величайшей вѣроятности.

Начальникъ былъ въ восхищеніи и, подписавъ бумагу, разцѣловалъ Петра Ѳедоровича.

«Вотъ, это-то—говорилъ онъ съ чувствомъ величайшаго удовольствія — значитъ поднести красненькое яичко! Удружилъ, Петръ Ѳедоровичъ, удружилъ! Ну, покажите же мнѣ прочія бумаги.»

— Вотъ предписаніе исправнику.... предписаніе на мое имя..... предписаніе на имя нижне-камчатскаго уѣзднаго суда, дабы онъ для сужденія дѣла о бунтѣ прибылъ сюда. Вѣдь, я чай, вы по болѣзни вашей ноги, не можете скоро туда отправиться, а это дѣло такого роду, что требуетъ ближайшаго надзора....

«Это правда! Ты вздумалъ очень дѣльно!»

— Предписаніе исправникамъ на счетъ поведенія духовныхъ.....

«А, хорошо! Спасибо, что не забылъ! Эта бумага весьма нужна!»

— Предписаніе городничимъ, чтобы они старались всѣми мѣрами узнавать: не затѣвается ли гдѣ комплота противъ начальства, и потомъ старались немедленно схватывать бумаги, и самихъ таковыхъ злоумышленниковъ брать подъ стражу!

«Прекрасно! Это давно надлежало сдѣлать!

Этого требуетъ спокойствіе цѣлой здѣшней страны.»

— Наконецъ предписаніе о взятіи подъ стражу мичмана и протопопа....

«Нѣтъ, это еще рано! Съ протопопомъ, по его званію, надобно поступать осторожнѣе, а къ мичману, во вчерашней связкѣ, я нашелъ письмо изъ Иркутска. Прежде я хочу узнать, отъ кого оно, дабы судить о его связяхъ. Этого требуетъ благоразуміе!»

— Ваша правда, Антонъ Григорьевичъ! Въ дѣлахъ человѣческихъ не довольно быть только невиннымъ, но необходимо нужна, сверхъ того, крайняя осторожность.

«Такъ я и думаю: если откроется, что связи его въ Иркутскѣ значительны, то, до окончанія слѣдствія, было бы несправедливостѣснять его, а тамъ отъ рукъ правосудія онъ скрыться не можетъ.»

Симъ окончился разговоръ.

Секретарь вышелъ, а начальникъ, отворивъ немного дверь въ залъ, гдѣ собрались уже для проздравленія съѣхавшіеся чиновники, купцы, тоіоны и почетнѣйшіе жители острожка, позвалъ къ себѣ Сумкина, и, отдавая ему предписаніе, сказалъ строгимъ голосомъ:

«Вотъ, Сумкинъ, тебѣ предписаніе о производствѣ слѣдствія, по донесенію Алексѣя. Я *увѣренъ*, что донесеніе его *совершенно справедливо*, и я напередъ тебѣ скажу, что если осмѣлишься ты представить это дѣло *въ другомъ, ложномъ видѣ*, то не усидишь на мѣстѣ ни одного часа. Понимаешь-ли меня?»

— Понимаю, ваше высокоблагородіе!

«Я отъ тебя требую *совершеннаго безпристрастія, безкорыстія* и *истины*. Помни же это, да покамѣстъ не пріѣдешь на мѣсто, то, Боже тебя храни! сказать кому бы то ни было объ этомъ порученіи! Ни женѣ, ни дѣтямъ! Слышишь-ли?»

— Слушаю Ваше высокоблагородіе!

По выходѣ Сумкина начальникъ, начиная приготовляться къ обѣднѣ, думалъ между тѣмъ: «Кажется, все мною обдумано хорошо! Сумкину я выразилъ свои мысли довольно ясно; онъ не осмѣлится написать другаго. Къ тому же этотъ плутъ, играющій роль правдухи, мой почтенный секретарь Погремушкинъ, и собитъ это дѣло представить по моему желанію, зная мои отношенія съ протопопомъ.... И такъ его брань и доносъ, и наговоры, отольются ему со сторицею! А что касается до мичмана, то онъ изъ рукъ

моихъ не уйдетъ, хотя я и не возьму его теперь подъ стражу. Средствъ много отъ него отдѣлаться, и свадьбы своей не видать ему, какъ своихъ ушей! Словомъ: покуда все идетъ, какъ не льзя лучше; но конецъ вѣнчаетъ дѣло!» — сказалъ онъ вслухъ.

— Точно такъ, ваше высокоблагородіе! — подхватилъ вошедшій въ сію минуту дьячекъ. — Finis bonus coronat opus!

«Что ты скажешь, Степанычъ?»

—Во-первыхъ: честь имѣю поздравить васъ съ ангеломъ, и пожелать вамъ лѣта Маоусаиловы; а во-вторыхъ, доложить, что отецъ протоіерей уже располагается начать обѣдню, дожидая ваше высокоблагородіе ровно два часа битыхъ. . . .

«Хорошо! хорошо! Извини меня предъ отцемъ протоіереемъ, и скажи, что сейчасъ иду.»

Послѣ сего, выйдя въ пріемную комнату, начальникъ раскланялся съ ожидавшею его давнымъ-давно подобострастною толпою, и вмѣстѣ съ нею отправился туда, гдѣ душа кающагося грѣшника можетъ обрѣсть Небо; а нераскаяннаго—вѣчное наказаніе; однако жъ Антонъ Григорьевичъ, надѣвъ опять на себя роль смирен-

по-мудреннаго христіанина, столь хорошо разыгрывалъ ее, что безпрестанно утиралъ слезы, и проплакалъ отъ умиленія почти всю обѣдню.

X.

ОБѢДЪ.

По окончаніи обѣдни, начальникъ, не показавъ ни малѣйшаго вида неудовольствія, пригласилъ протопопа къ себѣ на обѣдъ, за которымъ посадилъ его по правую сторону; по лѣвую сидѣла его супруга; далѣе Марія и мичманъ; въ концѣ же стола засѣдали дьячекъ и фельдшеръ, приглашанные къ обѣду по извѣстной пословицѣ: *на безрыбье и ракъ рыба.* Сверхъ сихъ лицъ, были еще нѣсколько чиновниковъ съ женами; но мы не имѣемъ надобности именовать ихъ, замѣтивъ только одно обстоятельство, что земскіе отличались особенною свобо-

дою и самоувѣренностію въ превосходствѣ предъ своими собратіями. Обѣдъ шелъ весьма тихо и чинно. Любимый разговоръ Антона Григорьевича, когда онъ находился въ собраніи, былъ о суетѣ міра, о трудномъ пути креста, о самоотверженіи и презрѣніи всѣхъ благъ житейскихъ и проч. и проч. Сверхъ того, за столомъ у него всегда была читана Библія, и на сей разъ сіе чтеніе было поручено дьячку, который самымъ выразительнымъ и нѣсколько гнусноватымъ голосомъ, съ необходимымъ для него прибавленіемъ глупѣйшихъ жестовъ, провозгласилъ:

Книга Іисуса сына Сирахова.

Чадо! живота нищаго не лиши, и не отвращай очесъ отъ просящаго; души алчущія не оскорби, и не разгнѣвай мужа въ нищетѣ его....

— Вотъ истинная мудрость! — говорилъ Антонъ Григорьевичъ, обращаясь къ протопопу. — Вотъ чему мы должны бы слѣдовать!

Протопопъ наклонилъ голову въ знакъ согласія, но не сказалъ ни слова, а дьячекъ продолжалъ:

«Не уповай на имѣніе твое, и не рцы: довольно ми суть.... Не рцы: кто мя премо-жетъ; Господь бо мстяй отмститъ ти....»

При семъ словѣ начальникъ принялъ мрачную мину, и, прервавъ чтеніе, сказалъ дьячку: «Ну-ка, Степанычъ, прочитай что-нибудь изъ книги *Іова*. Я особенно люблю эту книгу — говорилъ онъ обращаясь къ протопопу: — Тутъ есть столько сходнаго съ моимъ положеніемъ!»

Дьячекъ развернулъ сію книгу, и продолжалъ чтеніе съ величайшею монотоніею; гости всѣ молчали, и обѣдъ походилъ болѣе на похоронный, нежели на имянинный. Самъ имянинникъ показывалъ видъ глубочайшаго вниманія къ чтенію, и только знающему состояніе его души можно было бы примѣтить тѣ бѣглые, но поѣдающіе взгляды, которые онъ бросалъ на Марію. Въ одинъ изъ сихъ моментовъ, дьячекъ, исключительно мѣтившій на мичмана, съ большею противъ обыкновеннаго энергіею возгласилъ: «*Завѣтъ положихъ очима моима, да не помышлю на дѣвицу....*» Самое мгновенное содроганіе пробѣжало по лицу сластолюбиваго лицемѣра, и хотя никто не могъ примѣтить сего, кромѣ собственной его совѣсти, но онъ, тревожась ложнымъ опасеніемъ виновнаго, счелъ необходимымъ придать этому движенію другую причину. «Ахъ, Боже мой! — говорилъ онъ — я и забылъ отдать вамъ, Викторъ Ивановичъ!....

Къ вамъ есть письмо.... Вотъ оно! Прочитайте, пожалуй-ста, теперь, и если нѣтъ никакого секрета, то разскажите намъ: кто и что къ вамъ пишетъ. Намъ здѣсь всякая бездѣльная новость драгоцѣнна.»

— Это отъ правителя канцеляріи намѣстника — сказалъ мичманъ, взглянувъ на подпись письма. — Онъ старинный другъ моего благодѣтеля, который меня воспиталъ.

Легкое смущеніе показалось на лицѣ начальника, и каждый изъ чиновниковъ сдѣлалъ примѣтную гримасу, невольно выразившую сію мысль: Э! э! Такъ вотъ какія связи!» Мичманъ, дочитывая про себя письмо, вдругъ измѣнился въ лицѣ, и задыхаясь отъ слезъ, едва могъ произнести: «Я лишился его!»

— Что такое? Кого ты лишился? — вскричала Марія.

«Онъ умеръ! Онъ, который былъ моимъ вторымъ отцемъ!... Его уже нѣтъ! Ахъ, Боже мой!»

— Что же дѣлать, Викторъ Ивановичъ? — говорилъ начальникъ, взявъ письмо съ видомъ величайшаго соболѣзнованія; но въ самомъ дѣлѣ единственно изъ любопытства, дабы лучше судить объ отношеніи мичмана къ правителю

канцеляріи. — Что дѣлать? Такова участь всѣхъ смертныхъ!»

— Это правда, что такова! — подхватилъ протопопъ, истинно тронутый положеніемъ мичмана. — *Всѣмъ время, и время всякой вещи подъ небесемъ. Время рождати и время умирати; время садити и время исторгати сажденное....*

«Одного опасаюсь я — сказалъ по нѣкоторомъ промежуткѣ начальникъ протопопу въ полголоса, но такъ, чтобы слышно было и мичману — опасаюсь, чтобы это непріятное извѣстіе не помѣшало вашей свадьбѣ. Но впрочемъ, что же такое? вѣдь, не отецъ родной!»

— Но онъ былъ мнѣ — подхватилъ мичманъ — дороже роднаго отца! Отецъ сталъ бы заботиться обо мнѣ частію по своей обязанности, а онъ единственно по добротѣ сердца призрѣлъ меня, сироту, воспиталъ....

«А гдѣ же были родители ваши?» — спросила жена начальника.

— Я лишился ихъ еще въ младенчествѣ — отвѣчалъ мичманъ, нехотѣвшій объяснять при семъ подробности своей исторіи, — и этотъ человѣкъ заступилъ мнѣ ихъ мѣсто!

«Коли такъ — сказалъ начальникъ съ ви-

домъ наставителя, — то, конечно, вы сдѣлаете доброе дѣло, почтивъ его память. Ваше счастіе впереди, и отъ васъ не уйдетъ; но на вашемъ мѣстѣ, по крайней мѣрѣ, повременить съ полгода....»

— Боже мой! съ полгода! Потеря его для меня невознаградима, и сколько я ни люблю Марію, но чтобы залечить эту рану, надобно много времени!....

Эта рѣшимость мичмана могла бы, можетъ быть, опечалить всякую невѣсту, но не Марію, которой ангельская душа въ сію минуту была занята единственно горестію своего любовника, безъ всякаго вниманія къ собственному положенію. Она, смотря на него, также не могла удержаться отъ слезъ, и горько плакала.

— Какъ они любятъ другъ друга! — сказалъ начальникъ протопопу, почувствовавъ злое удовольствіе и адскую надежду при словахъ мичмана, и потому давъ волю своему языку изъ понятнаго однимъ злодѣямъ удовольствія: насмѣхаться надъ несчастными. — Какъ они любятъ другъ друга! И какое вы прекрасное дѣло сдѣлали, что сговорили ихъ! Они достойны одинъ другаго, и я всегда смотрю на нихъ съ восхищеніемъ!

«Да, они точно стóятъ одинъ другаго! — подхватила начальница. — И какъ грустно смотрѣть на слезы существъ, столь счастливыхъ за минуту! Надобно же было случиться этому несчастію!»

Между тѣмъ, вслушиваясь и всматриваясь во все происходившее, дьячекъ млѣлъ отъ удовольствія: ибо лучъ благой надежды также блеснулъ въ высокой душѣ его. «Можетъ быть, думалъ онъ, отсроченная свадьба и вовсе не состоится, и я еще успѣю переработать это дѣло: склонить на свою сторону и слѣпую любовь и вѣтренную фортуну!»

«Не унывай! — прибавилъ онъ въ полголоса, не могши скрыть сильнаго преобладанія сей мысли. — Не унывай, душа великомощная! Macte perge! Смѣло шествуй!»

— Куда это, Климъ Степанычъ — спросилъ съ усмѣшкою фельдшеръ — куда это вы изволите отправлять вашу душу?

«Какую душу? Ни куда не отправляю! — отвѣчалъ опомнившійся и закраснѣвшійся дьячекъ. — Я такъ думалъ кое-что про себя....»

— Что же ты думалъ, Климъ Степанычъ?

«А вотъ что, Алексѣй Пантелѣевичъ! Хотя я тогда въ попыхахъ, какъ мы были на Лопат-

Къ библіотекѣ И. А. Голубевскаго

кѣ, и далъ тебѣ слово, помнишь, на берегу моря; но теперь я вижу: дѣло принимаетъ другой видъ, и мнѣ просіяваетъ новый лучъ животворной надежды.....»

— То есть, ты хочешь теперь на попятный дворъ?

«Нѣтъ, не то! — отвѣчалъ дьячекъ. — Я хочу только отложить это дѣло, и прежде попробовать поговорить съ Марьей Алексѣевной: авось либо! Мнѣ кажется — присовокупилъ онъ съ усмѣшкою самоувѣренности, родившейся особенно въ продолженіе обѣда отъ частаго прикосновенія къ рюмкѣ съ эрофеичемъ — мнѣ кажется, и мы не хуже другихъ! Какъ ты думаешь, Алексѣй Пантелѣевичъ?»

— Попробуй, Климъ Степанычъ — говорилъ фельдшеръ съ плутовскою улыбкою, бывъ напередъ увѣренъ въ его неудачѣ — попробуй! Попытка не ~~шутка~~ пытка, спросъ не бѣда! Бояться медвѣдя, такъ и въ лѣсъ не ходить!

«То-то и есть, Алексѣй Пантелѣевичъ!»

— Ну, а если — спросилъ фельдшеръ — Марья Алексѣевна все-таки не полюбитъ васъ: такъ тогда что?

«Тогда я уже прибѣгну къ твоей помощи, и въ награду за нее готовъ буду все подтвер-

дить, что ни вздумается тебѣ сказать; только и ты сдержи свое слово: когда засадятъ въ тюрьму этого бестію мичмана и протопопа, то чтобъ внучка его непремѣнно была выдана за меня! Такъ-ли?»

— Разумѣется, что такъ, и вотъ тебѣ доказательство!....

Онъ поднялъ рюмку, чокнулся ею объ рюмку дьячка, и выпилъ сразу.

— Ахъ, братъ Алексѣй! — сказалъ начальникъ — ты все эрофенчъ-то потягиваешь! Вѣдь я и забылъ послать тебѣ твою порцію!

Сказавъ сіе, онъ налилъ порядочный бокалъ наливки, и послалъ къ фельдшеру, который, вскочивъ на ноги, и поднявъ бокалъ кверху, провозгласилъ изо всей мочи: «Здравіе и долгоденствіе вашему высокоблагородію! ура!»

Всѣ земскіе чиновники и секретарь начальника, любившій хвастаться своимъ басомъ, подхватили ура фельдшера, и симъ заключился обѣдъ.

XI.

УРОКЪ ВЪ ИСТОРІИ.

Роковое извѣстіе, полученное мичманомъ въ день имянинъ начальника, отдалило его свадьбу на цѣлый годъ. Это было причиною, что жизнь Маріи, исключая исторіи сердца, опять потекла по прежнему; опять начала она, по совѣту своего дѣда, заниматься ученіемъ, и великой наставникъ ея, дьячекъ Климъ Степановичъ, снова вступилъ въ права свои. Дня, въ который было назначено начать продолженіе уроковъ, онъ ожидалъ съ такимъ же нетерпѣніемъ, какъ скряга платежа по векселю, наслѣдникъ смерти своего богатаго родственника, или судья про-

сителя съ обѣщанною взяткою. Наконецъ день сей насталъ. Дьячекъ, вычистивъ тщательно, вопреки своему обыкновенію, свой сѣрой, длиннополой сюртукъ и примазавъ кваскомъ пучекъ, пошелъ подобно Аристотелю въ извѣстной сказкѣ: *Пристыженный мудрецъ*, еще срамиться....

Пошелъ въ любви своей Темирѣ онъ открыться.

Въ нѣсколько уроковъ, данныхъ до поѣздки на Лопатку и острова, дьячекъ прочиталъ только вступленіе въ исторію, распложая оное глупыми и надутыми фразами, въ которыхъ и заключалась вся его мудрость и ученость. Такимъ образомъ въ настоящій урокъ ему надлежало начать самую исторію. Положивъ предъ собою огромную книгу въ черномъ кожаномъ переплетѣ, и пригладивъ рукою волосы, онъ, наконецъ, отверзъ свои краснорѣчивыя уста. «Эта книга, сударыня, есть исторія церковная, гражданская и ученая, повѣствующая о началѣ, возвышеніи и упадкѣ монархій и царствъ; о царствованіяхъ, дѣяніяхъ и лѣтахъ жизни царей и императоровъ; дѣяніяхъ епископовъ и папъ римскихъ, отцевъ и учителей церковныхъ....»

— Напрасно вы трудитесь, прочитывая это

— прервала Марія; — вѣдь вы мнѣ уже говорили, что принесете всеобщую исторію....

«Точно такъ-съ! — сказалъ нѣсколько смутившійся дьячекъ, который, прочитывая заглавіе книги, выигрывалъ только время, дабы собраться съ силами для начатія своего объясненія. — Точно такъ-съ! Но прежде, нежели я приступлю къ преподаванію сей книги, я долженъ, если вы не оскорбитесь моимъ откровеннымъ объясненіемъ....»

— Помилуйте! Ктожъ можетъ оскорбляться откровенностію, и особенно въ такомъ дѣлѣ! — отвѣчала Марія, не подозрѣвая настоящаго намѣренія со стороны своего наставника, и относя его къ настоящему занятію.

Эти слова, принятыя дьячкомъ въ выгодномъ для него смыслѣ, придали ему особенную бодрость, и онъ, собравъ весь запасъ затверженныхъ фразъ, рѣшился, наконецъ, высказать свою любовь безъ малѣйшей остановки.

«И такъ — сказалъ онъ внѣ себя отъ восторга — если вамъ откровенность моя не можетъ быть противна: то я осмѣливаюсь съ позволенія вашего сказать, что....»

Но въ эту минуту взошелъ протопопъ, и дьячекъ, остановленный на самомъ важномъ

пунктѣ, совершенно растерялся и остался въ положеніи пораженнаго параличемъ, ничего не видя и не слыша.

— Продолжай, Степанычъ! — сказалъ протопопъ — Я тоже послушаю. Ну, что осмѣливался ты съ позволенія сказать?

«Богъ сотворилъ міръ» — продолжалъ разстроенный наставникъ, запкаясь и кашляя.

— Что ты, Господь съ тобою! сказалъ протопопъ. — Ужъ съ позволенія сказать: Богъ сотворилъ міръ! Какое тутъ дозволеніе?

При семъ ученица не могла удержаться отъ смѣха, и дабы не обидѣть учителя, захвативъ платкомъ ротъ, вышла проворно въ другую комнату, а вслѣдъ за ней и новый *пристыженный мудрецъ*, схвативъ шапку, выбѣжалъ опрометью изъ класса, и почти по инстинкту прибѣжалъ прямо въ квартиру фельдшера.

— Что, любезнѣйшій Климъ Степанычъ, такъ разстроенъ? Знать не пало удачи?—спросилъ сей послѣдній.

«Охъ, изверги, разбойники! Осрамили, убили, зарѣзали!»

— Да что же они сдѣлали съ тобою?

«Охъ, дай отдохнуть!»

— Разругали что ли?

«Хуже! Лучше бы разругали?»

— Ужели побили!

«Хуже!»

—Такъ что же такое? Я не могу догадаться!

«Надъ лекціею насмѣялись! — произнесъ дьячекъ съ самымъ отчаяннымъ воплемъ.

— А, вотъ что! Это въ самомъ дѣлѣ обидно и преобидно! Ну, такъ теперь останавливаться ужъ не за чѣмъ? Присылай же вчерашнюю бумагу; мы поставимъ на своемъ. Давай руку!

«Вотъ тебѣ моя и рука и голова. Зарѣзывай ихъ всѣхъ безъ пощады, губи, рѣжъ, жги, дѣлай съ ними что только можешь! Я столько огорченъ, обиженъ, озлобленъ, что не имѣю словъ, чтобъ выразить мои чувства, и могу сказать съ Цицерономъ: id verbis exequi non possum!»

— Хорошо, хорошо, Климъ Степанычъ! Успокойся! Мы исправимъ это дѣло, какъ не льзя лучше, и скорѣе потечетъ кверху *Паратунка*, чѣмъ кто нибудь, кромѣ тебя, женится на внучкѣ протопопа!

«О! если ты устроишь это, то я, клянусь тебѣ, напишу въ честь твою такой панегирикъ, какого не читали ни древніе, ни новѣйшіе, и какого не удалось написать и самому Плинію

Онъ передастъ имя твое позднѣйшимъ потомкамъ, и слава о тебѣ. . . .»

— Покорно благодарю, Климъ Степанычъ! Слишкомъ много трудиться предпринимаете. . . .

«Но я долженъ сказать тебѣ одно условіе, о которомъ я и прежде тебѣ говорилъ: и этого мошенника Зуду непремѣнно должно включить въ общую категорію. Онъ осмѣлился насмѣхаться не только лично надо мною, но и надъ этимъ священнымъ языкомъ, на которомъ говорилъ Цицеронъ, Виргилій, Горацій, и проповѣдывалъ великій Сенека!»

— Ладно, ладно, Климъ Степанычъ! Спуску никому не дадимъ: будетъ всѣмъ сестрамъ по серьгамъ, а покамѣстъ разопьемъ-ка, въ знакъ нашей вѣковѣчной дружбы, вотъ этотъ штофикъ всероссійскаго, такъ дѣло пойдетъ еще лучше, да и на сердцѣ будетъ повеселѣе!

«И то дѣло, Алексѣй Пантелѣевичъ! — говорилъ дьячекъ, принимаясь за стаканъ. — Я не прочь отъ этого! И правду сказать: что прежде времени отчаяваться? Мудрецъ смотритъ на конецъ — древняя пословица! Ахъ, я люблю древнихъ! Вотъ были истинные мудрецы! Напримѣръ: Діогенъ.... (какъ ты думаешь?).... даже деревянную чашку считалъ

роскошью, и пилъ горстью, и притомъ одну воду! Вотъ верхъ мудрости!»

— Ну, воду-то можно пить и горстью — замѣтилъ фельдшеръ, — а вотъ какъ, напримѣръ, водку, такъ, право, лучше изъ стаканчика. Опаражнивайте-ка поскорѣе, Климъ Степанычъ, да и я хлебну за ваше здоровье!

Такимъ образомъ дьячекъ, подобно весьма многимъ нравоучителямъ, прославляя мудрость, пившую горстью одну воду, запивалъ проповѣдь свою полными стаканами вина, и едва могъ доплестись закзаками до своей квартиры, между тѣмъ, какъ самому ему казалось, что ноги его не дотыкаются до земли, и что онъ летитъ весьма быстро по воздуху. Состояніе его духа было самое забавное: безсмысленная веселость и глупое равнодушіе ко всему житейскому и къ самой жизни, наполняли совершенно его душу. «А чортъ ихъ возьми совсѣмъ! — говорилъ онъ, повалившись на постелю. — Есть о чемъ думать! И Зуда, и протопопъ, и черти, и дьяволы — провалитесь они, окаянные! Удастся, такъ ладно, а и не удастся, такъ все равно! Мы не думаемъ ни о чемъ! Пусть этотъ, мошенникъ, фельдшеръ работаетъ, а я и думать не хочу, и не

думаю, и думать не стану! Inter querqum et betulam....

Дьячекъ запѣлъ во все горло на латинскомъ языкѣ извѣстную русскую пѣсню: *Между дубомъ и березой рѣка протекала.*

Inter querqum et betulam
Flumen promanavit;
Flumen, flumen promanavit.
Aqua frigidula.
Nemo potest aqua bibi,
Nec illam hauriri!

«Помогай Богъ! — сказалъ вошедшій въ сіе время въ квартиру дьячка человѣкъ высокаго роста съ сѣдою, какъ лунь, головою, но еще бодрый тѣломъ и свѣжій лицемъ, составлявшимъ сущую вывѣску житейской мудрости. — Помогай Богъ! славно, Климъ Степанычъ! Нечего сказать: мастерище! да еще и на латинскомъ діалектѣ....»

— А! это вы, Аркадій Петровичъ! — воскликнулъ дьячекъ пьянымъ голосомъ. — Это вы? Здравія желаемъ! садитесь, гости будете, а я такъ пьянъ сегодня, не осудите!

«Что осуждать, Климъ Степанычъ! этотъ грѣхъ и съ нами водится! Пойте-ка, я послушаю...»

— Не осудите, пожалуй-ста, не осудите, Аркадій Петровичъ!

«Да ужъ не осужу; пой, Климъ Степанычъ, пой!»

— Ну не осуди же!

«Пой, пой!»

Дьячекъ запѣлъ:

Apud virum seniorem
Femina formosa;
Castigari negat uxor
Neque maculari!
Castigavit una hora
Flevit hebdomade!

— Что жъ это значитъ, Климъ Степанычъ?

«Это значитъ то, что *билъ жену одинъ часъ, а плакалъ недѣлю.*»

— Э! э! вотъ каково жениться! Не женитесь, Климъ Степанычъ! сущая бѣда! до-сыта наплачешься!

«Чортъ съ ними! Я думалъ, да и раздумалъ, да и передумалъ....»

— А вѣдь болтали, Климъ Степанычъ, что вы кое-гдѣ присватывались, да чуть ли и къ внучкѣ отца Петра....

«Анаѳема! трижды анаѳема и онъ, и она, и этотъ мичманишко, и этотъ Зудишко, и всѣ они.... Будь они прокляты отъ меня!»

— А за что же, Климъ Степанычъ, на Зуду-то ты прогнѣвался? Ужъ, вѣрно, онъ не перебивалъ у тебя!

«Кто? Зуда? этотъ мошенникъ, Зуда? нѣтъ; Завтра! не будь я дьячекъ Климъ Степановъ Шайдуровъ, если я не женюсь на этой дѣвчонкѣ! Она моя, моя! Это вѣрно такъ же, какъ и то, что я пьянъ сегодня!»

— Кто же и сумнѣвался въ этомъ, Климъ Степанычъ? Если ужъ за тебя не отдать, такъ за кого же?

«Да ужъ отдавай онъ, не отдавай, а я сдѣлаю по своему: я женюсь на его внучкѣ! Коли пошло на перекоръ, такъ я же упрямъ! Я то сдѣлаю, что они всѣ на колѣняхъ будутъ просить меня: женись, батюшка Климъ Степановичъ, да еще, можетъ быть, я-то тогда заупрямлюсь!»

— Съ вашимъ умомъ, Климъ Степанычъ, все можно сдѣлать. Говорятъ же, что *вода-де камень долбитъ*, а чтобъ умный человѣкъ не могъ достигнуть чего желаетъ — вѣрить не хочу этому!

«Да ужъ что придумано мной, такъ пусть другой выдумаетъ!....»

— Да кто же можетъ это выдумать? нѣтъ, Климъ Степанычъ, скажу вамъ безъ обиняковъ: много видалъ я людей на свѣтѣ, а умнѣе, братъ, тебя не видывалъ....

«То-то же! а этотъ старый плутъ, Зуда, осмѣлился смѣяться, когда я сказалъ ему объ этомъ! да ужъ я отсолю имъ всѣмъ! я имъ покажу, каково задѣвать не по силамъ! я ихъ всѣхъ упеку подъ судъ....»

— Да если правду сказать, такъ давно бы пора это сдѣлать, особенно съ мошенникомъ Зудою: онъ давно, говорятъ, поноситъ васъ, гдѣ только можно.

«Разбойникъ! Я дамъ ему! Я ему дамъ! Вотъ бумажка! Стоитъ только пустить въ ходъ — и дѣло съ концемъ! Тутъ все написано: какъ они бунтовали народъ; какъ учили не слушаться начальника; какъ.... ну, слышь, все, да и полно!.... Все, все!»

— Да ужъ если вы сами, Климъ Степанычъ потрудились надъ нею, такъ, вѣрно, есть что почитать!

«И, конечно, самъ! Гдѣ жъ этому дураку фельдшеру?... Вѣдь онъ дуракъ, хоть началь-

никъ его и любитъ!... Вчера еще вздумалъ учить меня: ты де напиши такъ-то и такъ-то.... Нѣтъ, братъ, не тебѣ меня учить! Цицеронъ, Демосѳенъ — вотъ мои учители!.... Я взялъ перо, да и давай катать:»

«Его высокоблагородію начальнику Камчатки Антону Григорьевичу Бронникову Дьячка Климa Степанова Шайдурова покорнѣйшее донесеніе....»

Дьячекъ, дѣлая самыя глупыя и хвастливыя замѣчанія, останавливался почти на каждомъ словѣ, однако жъ дочиталъ отъ начала до конца свое донесеніе, въ которомъ онъ, якобы по долгу присяги и совѣсти, взводилъ на протопопа, мичмана и Зуду тѣ же самыя небылицы, какія были выдуманы бездѣльникомъ фельдшеромъ, и, въ заключеніе, спросилъ: каково?

— Прекрасно, Климъ Степанычъ, прекрасно! Лучше никто въ свѣтѣ не напишетъ! А чтоже вы медлите, не подадите этой бумажки? Пустить ее, да и все!

«Да вишь, я имѣю великодушное сердце; думалъ: авось опомнятся, да нѣтъ! Видно, судьба! Пусть же купаются! Завтра же пущу въ ходъ.... завтра, завтра! Полно имъ смѣяться надо мною, полно!...»

Долго еще болталъ дьячекъ, и наконецъ, закрывъ глаза, крѣпко заснулъ и захрапѣлъ, а незнакомецъ, пересмотрѣвъ разбросанныя на столѣ бумаги, нашелъ въ числѣ ихъ донесеніе дьячка, написанное вчернѣ, и выходя отъ него говорилъ: «Вотъ какіе умыслы! Такъ справедлива пословица, что молва въ народѣ ходитъ не по пустому, и въ каждой лжи есть нѣсколько правды. Вчера я думалъ, что Акета болтаетъ пустяки, и пошелъ только къ этому глупцу для опыта, а теперь вижу и въ самомъ дѣлѣ, что это правда. Надобно какъ-нибудь дать знать Зудѣ объ этихъ козняхъ! Ахъ, бѣдный ты товарищъ моей ссылки! видно, люди еще не сыты нашею бѣдою; видно, ничто не утолитъ злобы ихъ: ни похищеніе всѣхъ надеждъ нашей молодости, ни наша горькая старость!»

XII.

КАМЧАДАЛЬСКОЕ УГОЩЕНІЕ.

Выведенный нами на сцену въ предъидущей главѣ незнакомецъ былъ несчастный *Ивашкинъ*, такъ же, какъ и протопопъ Верещагинъ, обратившій на себя вниманіе Англичанъ и Французовъ своею судьбою и благородствомъ души. Воспитываясь въ одномъ заведеніи *съ Зудою*, онъ былъ другомъ его съ самаго дѣтства, не смотря на разность характеровъ. Оба они равно любили правду и добродѣтель и ненавидѣли порокъ и ложь; но Зуда не умѣлъ удерживать порывовъ своего сердца, шелъ вездѣ грудью и высказывалъ свое мнѣніе напрямки, а, напро-

тивъ, *Ивашкинъ*, сохранявшій во всякомъ случаѣ болѣе равнодушія, не любилъ лѣзть добровольно въ опасность безъ пользы себѣ и другимъ, старался избѣгать ее, когда можно было сіе сдѣлать и, для достиженія своихъ цѣлей, особенно на пользу другихъ, не гнушался никакими средствами, если только можно было согласить ихъ съ правилами чести и справедливости.

Такимъ образомъ, вывѣдавъ у пьянаго дьячка свѣдѣніе объ опасности, угрожавшей Зудѣ, Ивашкинъ рѣшился, во что бы то ни стало, передать ему о семъ извѣстіе, совѣтуя предупредить бѣду удаленіемъ на острова или въ другое какое нибудь укромное мѣсто, доколѣ лучшая звѣзда не взойдетъ надъ Камчаткою: «ибо — прибавилъ онъ — хотя я и напередъ знаю, что по твоимъ правиламъ бѣгство отъ суда есть величайшій грѣхъ и преступленіе, но вспомни: *во-первыхъ:* что съ нами, лишенными уже гражданскихъ правъ, могутъ и за малѣйшую вину поступить самымъ жестокимъ образомъ; *а во-вторыхъ*: что судьи твои будутъ люди, не знающіе ни совѣсти, ни Бога, и на правосудіе которыхъ столь же мало можно надѣяться, какъ на вешній ледъ. Если начальникъ дотронулся бы до тебя и однимъ пальцемъ толь-

ко, то и тогда ты непремѣнно провалился бы въ пропасть; а теперь онъ обѣими руками старается спехнуть туда, хоть и не прямо тебя, но такихъ людей, съ которыми необходимо приведется и тебѣ погибнуть за компанію. Пожалѣй, мой старый другъ, если не себя, такъ меня. Конечно, жить въ подлунномъ мірѣ намъ осталось уже недолго; но все оспротѣть какъ-то не хочется, а послѣ тебя я совсѣмъ оспротѣю! Притомъ, другъ мой, подумай, что, скрывшись отъ злодѣевъ, ты ни мало не нарушишь обязанностей вѣрноподданнаго: ибо тебя осудитъ не Государыня, которая безъ вины и трости сокрушенной не преломитъ, но нарушители ея законовъ, обманщики и притѣснители, которыхъ мечъ ея, рано или поздно, но постигнетъ непремѣнно, и, кажется, это время уже недалеко. Есть слухи, что нынѣшній иркутскій губернаторъ, *Кличка* — человѣкъ умный, правосудный и весьма заботливый о благѣ губерніи. Онъ навѣрно не допуститъ и нашу бѣдную Камчатку терпѣть долго зло, и постарается залечить поскорѣе ея раны. И такъ послушайся меня: укройся до времени отъ бури, а тамъ Богъ, Государыня и начальство защитятъ

тебя! Не упрямься и не увеличивай моего горя. Прощай!»

Но съ кѣмъ же переслать мнѣ это письмо? — спросилъ самъ себя Ивашкинъ, окончивъ его. — Если оно попадется въ руки начальника: то меня живаго съѣдятъ!... Ахъ, постой!... Развѣ мнѣ угостить хорошенько *Акету* и, вмѣсто подарка, взять съ него слово отвезти это письмо!... Точно такъ!... Это дѣло я вздумалъ!... Ему хоть приведется сдѣлать верстъ со сто лишнихъ, но ненадо только жалѣть пару и постараться такъ угостить его, чтобы онъ не-хотя далъ слово.... Ахъ, кабы мнѣ удалось это сдѣлать!... Боже мой! помоги мнѣ тѣмъ или другимъ способомъ, но только бы спасти моего бѣднаго Зуду!...

Разсуждая такимъ образомъ, Ивашкинъ приблизился къ юртѣ, гдѣ квартировалъ Акета. Акета былъ тоіонъ острожка, находившагося на рѣкѣ Камбалиной, и вовсе истребившагося во время заразы. Изъ словъ Ивашкина, мы видѣли, что Акетѣ, для заѣзду въ Кууюхченъ надлежало свернуть съ прямаго пути на большое разстояніе, и потому-то требовалось особенное стараніе, чтобы убѣдить его: дать на сіе свое слово; а слово дикаго Камчадала, въ

бесѣдѣ съ пріятелемъ вымолвленное, значитъ и донынѣ гораздо болѣе, нежели всѣ контракты, заключаемые между нашею просвѣщенною братіею, по всѣмъ обрядамъ законнаго порядка.

Ивашкинъ, пригласивъ къ себѣ Акету, истопилъ баню жарчайшимъ образомъ и, по камчадальскому обычаю, засадилъ дорогаго гостя на самый полокъ. Тамъ были приготовлены для него: страшная чаша щербы (*), ужаснѣйшая порція кислой, вонючей рыбы (самаго любимѣйшаго камчадальскаго кушанья) и цѣлая кадка толкуши. Сперва жаръ въ банѣ былъ еще не очень великъ, и Акета примѣтно этимъ обидѣлся: ибо сильный, нестерпимый жаръ для Камчадала есть первое угощеніе. «Другъ! — сказалъ онъ Ивашкину — ты поскупился, знать, на дрова: ужъ лучше бы не звалъ, коли жаль!»

— Не торопись, любезный! Покушай на здоровье, а мы вотъ по немногу будемъ поддавывать.... Ну каково теперь?

«Теперь нешто!»

— А вотъ мы еще поддадимъ разиковъ пять, такъ, авось, и поразогрѣешься!

(*) Похлебка изъ соленой рыбы.

Послѣ сего хозяинъ началъ сдавать на каменку и угощать гостя самымъ прилежнымъ образомъ; а гость, по правиламъ камчадальской учтивости, всѣми силами старался показать видъ, что жаръ еще не слишкомъ великъ и приготовленнаго кушанья еще не совсѣмъ достаточно. Верхъ камчадальскаго угощенія есть доведеніе, наконецъ, несытаго и недовольнаго гостя до признанія, что онъ не въ силахъ болѣе ни ѣсть, ни сносить жара: тогда угощеніе превращается уже въ пытку, и хозяинъ, не смотря на моленіе гостя, продолжаетъ его угощать дотолѣ, пока не выпроситъ у него всѣхъ тѣхъ вещей, какія только онъ желаетъ у него оттягать. Къ этому-то и стремился Ивашкинъ, доводя жаръ бани до высочайшей степени температуры, такъ что и самъ не былъ уже въ состояніи сносить его, и продолжалъ сдавать, выйдя въ передбанникъ. Гость, наконецъ взмолился: «Другъ! спасибо, довольно! Не могу больше! Сытъ по горло, а жаръ ужъ глаза сжетъ!»

— Э! полно, любезный! что это за жаръ! Такъ ли еще угощаютъ Русскіе! Вотъ еще корытцо кислой рыбки скушай, а мы между тѣмъ еще поддадимъ разика два, три.

«Сдѣлай милость, другъ, перестань! Не мо-

гу больше! Проси, чего хочешь, все отдамъ, только выпусти вонъ! . . . .»

— Такъ и быть, выпущу: отвези письмо въ Кууюхченъ, и притомъ, чтобы здѣсь ни одинъ человѣкъ не зналъ объ немъ.

«Нѣтъ, другъ, далеко; проси, что другое, все дамъ, а этого не могу.»

— Не можешь? скушай же еще корытцо, а я еще парку прибавлю. . . . Ну каково теперь?

«Пожалуй-ста, другъ, перестань! выпусти: всѣхъ собакъ хорошихъ отдамъ; отдамъ парку бобровую, да въ придачу десять соболей, да пятокъ лисицъ . . . .

— Ничего не надобно, любезный! Я прошу одного. Опрастывай корытцо-то, а я еще разокъ *лену* (*) на каменку . . . .

«Ой, другъ, перестань! Выпусти, на все согласенъ!

— Такъ отвезешь письмо? . . .

«Отвезу, другъ, отвезу!»

— И здѣсь никому не скажешь? . . .

«Никому, никому, ни одной собакѣ! пусть меня съѣдятъ медвѣди, или злой духъ удушитъ, когда поѣду мимо его дерева, или . . . .»

(*) Подолью.

— Ладно, не клянись, я и слову твоему вѣрю. А выѣдешь ли завтра по-утру чѣмъ свѣтъ?...

«Выѣду, когда хочешь, только выпусти!.... Ой, тошнехонько!»

— Ну, такъ и быть, вылѣзай!

Такимъ образомъ кончилось угощеніе, и гость еле живый вылѣзъ, наконецъ, изъ бани, и полумертвый палъ на снѣгъ.

«Ну другъ! — сказалъ онъ нѣсколько опомнившись — славно угостилъ, нечего сказать! Скажу тебѣ, другъ, правду: и нашему брату Камчадалу врядъ ли удастся такъ уподчивать; чудо какъ угостилъ!»

— Ну я радъ, Акета, что ты доволенъ. Вѣдь мы съ тобой старые знакомые, такъ и стыдно было бы, когда бы ты не доволенъ остался....

Назавтра Ивашкинъ еще прежде разсвѣта явился къ Акетѣ и, отдавая ему письмо сказалъ: на же тебѣ письмо, да поѣзжай съ Богомъ, а на прощеньи выпей-ка вотъ этотъ стаканчикъ водки, да вотъ еще на дорогу небольшая фляжка. Больше нѣтъ, не осуди!

«Спасибо, спасибо, другъ! Доволенъ тобою такъ, что не только за сто, за тысячу верстъ посылай — поѣду, да и по дорогѣ всѣмъ

буду хвастать: вотъ-де какъ угощаютъ Русскіе!»

— Ладно, разсказывай; только о письмѣ-то надо молчать...

«Ужъ скажу ли я, коли далъ слово; умру скорѣе!»

— Хорошо, хорошо!... Ну, пора, отправляйся!

«Я бы сейчасъ, только не знаю, что долго нейдутъ мои родовичи....»

— А вотъ и они — сказалъ Ивашкинъ, — легки на поминѣ!.... Что вы замѣшкались, ребята? па-те-ка выпейте тоже на дорогу по стаканчику, да и ступайте проворнѣе.....

«Спасибо, бачка! сейчасъ поѣдемъ: мы готовы.»

Родовичи Акеты были извѣстные уже намъ два Камчадала: Лемшинга и Камакъ, провожавшіе протопопа Верещагина, и возвращавшіеся назадъ на рѣку Камбалину.

Распрощавшись съ Ивашкинымъ, Камчадалы сѣли каждой въ особой шежхедъ, и на самомъ разсвѣтѣ гусемъ отправились по пустынѣ, покрытой глубокимъ снѣгомъ, на которомъ извивалась едва замѣтная тропинка.

Ивашкинъ, по чувству опасенія и осторож-

ности, проводилъ ихъ далеко за острожекъ и смотрѣлъ въ слѣдъ за ними, пока караванъ не завернулся за лѣсъ, и не исчезли въ дали раздававшіеся по дебри дикіе возгласы: хугъ хугъ! кахъ, кахъ!

Проѣхавши цѣлый день, Камчадалы были къ вечеру уже верстъ за сто отъ Петропавловска. Они ѣхали не по проторенной дорогѣ, но только по извѣстной однимъ имъ, какъ старинным хозяевамъ дома, которымъ въ родномъ пепелищѣ свѣдома съ дѣтства каждая вещь и каждый уголокъ. Въѣхавъ въ средину хребтовъ, проходящихъ вдоль по Камчаткѣ съ юга на сѣверъ, они встрѣтили тамъ ужаснѣйшій сорока-градусный морозъ, отъ котораго воздухъ, стоя неподвижно и сгустившись какъ туманъ, захватывалъ дыханіе. На Камчадалахъ отъ теплоты, выходившей изъ рта, и походившей на густой дымъ, все обледенѣло: и брови, и усы, и борода, и куклянка. Морозъ проникалъ до костей и съ величайшею злобою, такъ сказать, выжималъ душу изъ тѣла; но Камчадалы, не разъ уже боровшіеся съ его яростію, ѣхали довольно спокойно, и только изрѣдка вскакивали съ шежхедовъ и бѣжали бѣгомъ. Между тѣмъ въ дебряхъ была совершенная тишина: ни ды-

ханіе вѣтра не колыхало объпневѣвшія вѣтви деревъ, ни звѣрь не пробѣгалъ по лѣсу, ни птица не пролетала по воздуху; даже вороны, эти воспитанницы зимы и сѣвера, едва взмахнувши крылами, падали мертвыя, пораженныя стужею. Одни Камчадалы были живыя существа, противившіяся ея нападеніямъ, но наконецъ и они рѣшились остановиться и раскласть огонь. Сѣвши около костра, они вынули свой скудный обѣдъ, по куску юколы, и раскупорили флягу, которая въ сіе время была милѣе для нихъ всѣхъ благъ во вселенной. Но что же? къ величайшему огорченію ихъ, вино не текло изъ отверзтія, и должно было имѣть самое великодушное терпѣніе, дабы дождаться, покамѣсть оно растаетъ. Въ вознагражденіе за сіе Камчадалы выпили на сей разъ, противъ обыкновеннаго, тройную порцію, и особенно *Акета* дотолѣ лобызался съ флягою, доколѣ не истощилась въ ней послѣдняя капля привязанности. Наконецъ, кончивъ обѣдъ и накормивъ съ тѣмъ вмѣстѣ и собакъ, путешественники пустились на рѣку, пробиравшуюся между страшныхъ утесовъ, или, по-сибирски: *щекъ*, нависшихъ надъ водою, и верхи которыхъ были покрыты гро-

мадами *кужевины* (*), могущей, при малѣйшемъ сотрясеніи воздуха, обрушиться и завалить навсегда несчастныхъ проѣзжихъ. По сей причинѣ между сихъ щекъ благоразумные путешественники проѣзжаютъ обыкновенно съ величайшимъ молчаніемъ и осторожностію; но не таковы были на сей разъ наши Камчадалы, восторженные краснорѣчіемъ фляги. Двое изъ нихъ завели между собою споръ.

— Вѣдь, кажись, съ этого утеса — спросилъ Камакъ — бросился тотъ парень?....

«Какой?»

— Ну тотъ, что, говорятъ, сватался-де у тоіона Кушуги на дочери, да Кушуга просилъ у него въ подарокъ собачей парки, а онъ, сколько ни работалъ, никакъ-де собачей парки достать не могъ, а досталъ только бобровую, да лисью; и вотъ-де Кушуга ему отказалъ, а онъ съ горя пошелъ да и бросился....

«Да, вспомнилъ! только нѣтъ, не съ этого, а вонъ съ того, что на поворотѣ-то направо...»

— А мнѣ такъ сказывали, что съ этого?

«Ты говори: я не знаю!»

— Да видимо, что не знаешь!

«А ты что ли знаешь?»

(*) Кужевина—ивей.

— Да знать, что такъ!

«Ахъ ты, сивуча, тебѣ знать!»

— Смотри, Лемшинга, не лайся: я те оштоломъ ошоломлю, такъ и все позабудешь....

«Попробуй-ка: такъ у самого въ глазахъ завертится. Я те ни кто другой!

— Да и я тоже! вишь на олуха натакался!

«Молчи же, докуда я те въ самомъ дѣлѣ не обломалъ ребры!»

— Свои-то побереги!

Въ продолженіе этой ссоры, Акета, ѣхавшій за нѣсколько саженъ впереди, былъ со всѣмъ въ иномъ расположеніи духа. Воображеніе его, разгоряченное водкою, живо представило ему прошедшее. Онъ раздумался о разныхъ огорченіяхъ, встрѣчавшихся въ его жизни: какъ нѣкогда убѣжала у него изъ-подъ самыхъ рукъ попавшаяся въ *слѣпцы* (*) лисица; какъ унесло однажды приливомъ моря байдару съ берега; какъ медвѣдь, подкравшись въ одно время къ балагану, поѣлъ всю дотла сушившуюся тамъ рыбу и проч. и проч. Всѣ несчастія его были для насъ чрезвычайно смѣшны и забавны; но у всякаго свое горе. Наконецъ, въ самомъ дѣ-

(*) Ловушка.

лѣ вспало ему на умъ горе немалое: потеря жены, незадолго предъ тѣмъ умершей и горячо имъ любимой, и, въ горькомъ раздумьи, онъ затянулъ унылую пѣсню:

Какъ не гадано-то, не думано,
Что пришла бѣда со всего свѣта:
Потерялъ-то я жену-душечку!
Какъ со той бѣды, со кручинушки,
Пойду въ темный лѣсъ добрый молодецъ,
Стану драть и ѣсть кору съ дерева.
И еще проснусь я ранешенько,
До восхода-то красна солнышка,
Погоню ли я, добрый молодецъ,
Аангичь — утку на сине море,
И въ слезахъ взгляну на всѣ стороны:
Не найдется ли моя милая,
Моя милая жена, душечка.... (*)

Пѣвши эту пѣсню, камчадалъ въ самомъ дѣлѣ плакалъ горько: къ чему пьяные бываютъ, какъ извѣстно, особенно способны; но вскорѣ потомъ воображеніе его представило другія картины, и онъ запѣлъ во все горло:

(*) Настоящая камчатская пѣсня, переведенная съ камчадальскаго языка.

«Типсапику фровантахъ....»

По несчастію, въ то же время увеличился и крикъ ссорившихся, вовсе забывшихъ о заповѣдномъ безмолвіи страшнаго мѣста, по которому они проѣзжали. Вдругъ ужасный шумъ начался надъ ихъ головами. Они взглянули кверху, и съ невообразимымъ ужасомъ увидѣли, что страшная лавина отдѣлялась понемногу отъ утеса и медленно наклонялась на нихъ. Пагубный хмѣль ихъ прошелъ мгновенно и волосы встали отъ страха на головѣ. Оставалось одно мгновеніе на что нибудь рѣшиться: оно пролетѣло въ изумленіи — и быстрая струя мелкаго снѣга полилась на несчастныхъ въ предвѣстіе смерти. «Гибнемъ!» — вскричали они въ одинъ голосъ, поднявъ по инстинкту руки свои кверху, какъ бы желая удержать страшную громаду, на нихъ обрушавшуюся. — «Гибнемъ!» Но голоса ихъ никто, ни даже сами они, не могли уже услышать: ибо въ сіе мгновеніе куржевина рухнула, и погребла ихъ подъ своею массою.

Спустя послѣ сего несчастія два или три дня, наѣхалъ на упадшую лавину новый караванъ, которому иначе нельзя было проѣхать, какъ прежде разгрести снѣгъ. Въ семъ караванѣ замѣтна была, повидимому, главная особа—

человѣкъ небольшаго роста, величаво выступавшій самыми твердыми стопами и грозно распоряжавшій работою съ величайшимъ крикомъ и бранью.

«Ахъ, вы, изверги! едва шевелитесь! Проворнѣе!»

— Да помилуйте, Петръ Ѳедоровичъ — сказалъ одинъ изъ работающихъ — вѣдь изволите видѣть: и то стараемся, да руки окостенѣли!

«Ты еще говорить началъ! Твое дѣло копать, а не разглагольствовать. Вы испотачены, изверги! Подай-ка сюда лопату! Вотъ какъ надо, видишь?.... Ба! Это что такое? Оштолъ? Такъ и есть! Смотри, что тутъ кто-нибудь задавленъ! Копайте-ка на этомъ мѣстѣ проворнѣе!»

Казаки и Камчадалы, составлявшіе свиту Петра Ѳедоровича, т. е. почтеннаго секретаря Погремушкина, пробиравшагося въ Куюхченъ на слѣдствіе, начали разгребать снѣгъ самымъ усерднымъ образомъ, и первый открытый ими мертвецъ былъ — *Акета*. Погремушкинъ, сколько правдолюбивый, столько же и человѣколюбивый, принялъ-было немедленно мѣры къ спасенію его жизни, и велѣлъ оттирать его снѣгомъ; но

когда стали раздѣвать замерзшаго и нашли у него подъ куклянкою на груди письмо, и когда Погремушкинъ узналъ онаго содержаніе, то самое справедливое негодованіе овладѣло его душею, и онъ вскричалъ въ бѣшенствѣ: «Ахъ онъ воръ! Ахъ, онъ мошенникъ! бросьте его, бѣстію! пусть его околѣваетъ! онъ разбойникъ! измѣнникъ! Всѣ въ заговорѣ! всѣ въ комплотѣ противъ начальства! и этотъ старый лиса Ивашкинъ тутъ же поднялся! Добро вы всѣ, мошенники! всѣхъ васъ въ дребезги, да и дѣлу конецъ!»

Свита Погремушкина, не понимая ни одного слова изъ сего грознаго монолога, стояла вокругъ своего повелителя, вытаращивъ глаза и опустивъ руки. Наконецъ, онъ вскрикнулъ на нихъ: «Что вы, шельмы, выпучили на меня глаза? что вы не работаете? что вы стоите?... «Оторопѣвшая свита опять принялась разгребать снѣгъ, а начальникъ ея, выбравъ между тѣмъ расторопнѣйшаго казака, тотчасъ отправилъ его съ отысканнымъ письмомъ къ начальнику, примолвивъ: «Послушай Горбуновъ! хотя это письмо и не запечатано, но если, кромѣ начальника, прочитаетъ его кто другой, то ты головой своей за это отвѣчать будешь.» Казакъ

далъ твердое увѣреніе, что исполнитъ приказаніе въ точности, и немедленно отправился, а вскорѣ послѣ сего и весь караванъ, очистивъ себѣ путь, пустился далѣе, имѣя посреди шежхедъ Погремушкина, который, разсуждая надосугѣ о найденномъ имъ письмѣ, благословлялъ Небо, доставившее ему столь прекрасный случай отличиться предъ начальникомъ и разрушить составленный противъ него комплотъ.

XIII.

ВЕЛИКОДУШІЕ.

Спустя два дня по отъѣздѣ Акеты, рано поутру, закинувъ за плеча винтовку и подвязавъ лыжи, Ивашкинъ отправился изъ Петропавловска на звѣриный промыселъ, сперва бывшій для него необходимымъ средствомъ для пропитанія, а потомъ уже обратившійся въ страсть. Особенно любилъ онъ преслѣдовать лисицъ, которыхъ забавная хитрость доставляла ему величайшее удовольствіе. Но кстати замѣтимъ, что, до прибытія Русскихъ въ Камчатку, и самыя лисицы сохраняли патріархальную простоту нравовъ, и нерѣдко стаями выходили изъ лѣсу,

дабы дружески раздѣлять трапезу съ собаками; такъ что негостепріимный Камчадалъ долженъ былъ отгонять ихъ отъ корма палкою, и могъ ловить ихъ руками. Но во время Ивашкина нравы лисицъ уже совершенно развратились, и онъ, сколь ни былъ искусенъ и опытенъ въ ловлѣ ихъ, однако жъ двѣ зимы сряду ходилъ за одною сиводушкою, которая самымъ искуснымъ образомъ вытаскивала приманку изъ ловушекъ, и уходила отъ нихъ цѣла и невредима. Наконецъ Ивашкинъ, въ настоящемъ своемъ путешествіи, подкараулилъ ее на семъ злодѣйскомъ умыслѣ, и прицѣлясь изъ винтовки, уже приговорилъ-было ее къ смерти, какъ вдругъ раздался по лѣсу крикъ: кахъ, кахъ! хугъ, хугъ! Преступница встрепенулась и снова пропала изъ глазъ мстителя. Ивашкинъ, положивъ съ досадою ружье на плечо, пошелъ на гулъ, ворча сквозь зубы: «что тамъ за чортъ закудахталъ? Словно нарочно, чтобы спугнуть эту проклятую!... Ба, это ты, Горбуновъ! — сказалъ онъ, выйдя изъ лѣсу. — Откуда это тебя несетъ нелегкая? Типунъ бы тебѣ на языкъ! только лисицу испугалъ у меня.»

— Что ты?

«Я лишь приложился, да хотѣлъ спустить курокъ, какъ ты гаркнешь, а лисица и была такова!»

— Что жъ дѣлать, братина? Извини! не даромъ говорится: кабы зналъ, гдѣ упадешь, такъ подостлалъ бы соломы, а то, вѣдь, сквозь лѣсъ-то не видно....

«Ну, ужъ что сдѣлано, то сдѣлано: теперь не воротишь! А скажи-ка мнѣ лучше: ты-то отъ чего воротился?»

— Послали, такъ и воротился: наше дѣло подначальное.

«Да, вѣдь вы, чай, не успѣли и доѣхать еще до мѣста?»

— Какое тебѣ до мѣста! и полдороги еще не проѣхали!

«Что же такъ?»

— Да, вишь, чортъ сбросилъ съ утеса кружевину. Слышь: цѣлый *день деньской* разгребали, да когда и я поѣхалъ, то еще наши ребята возились надъ нею....

«А ни кого не нашли въ снѣгу?» — спросилъ Ивашкинъ съ заботливостію.

— Какъ же! я только хотѣлъ сказать, что нашли того камчадала.... какъ бишь его зовутъ?... ну, слышь, того, котораго, сказы-

ваютъ, ты передъ отъѣздомъ порядкомъ отжарилъ на полкѣ?

«Боже мой! ужели Акету?»

— Да, да, Акету....

«Что же вы съ нимъ сдѣлали?»

— Да Петръ Ѳедоровичъ, слышь, велѣлъ его оттирать снѣгомъ. Вотъ мы стали раздѣвать его, глядь: у него за пазухой письмо. Петръ Ѳедоровичъ, когда прочиталъ его, такъ, слышь, осердчалъ, словно чортъ, да и велѣлъ камчадала опять бросить, какъ собаку, на прежнее мѣсто, а меня послалъ съ этимъ письмомъ къ начальнику....

Слушая сіе, Ивашкинъ перемѣнился въ лицѣ! но, какъ давно знакомый съ бѣдами, скоро оправился, такъ что простодушный казакъ не могъ замѣтить сей перемѣны.

«А что же это за письмо?—спросилъ Ивашкинъ, желая скрыть обладающее имъ чувство.— Нельзя ли показать?»

— Нѣтъ, братина, нельзя: крѣпко-накрѣпко заказано.

«Ну нельзя, такъ не кажи! Богъ съ тобой!»

Вскорѣ послѣ сего разговора, Ивашкинъ распрощался съ казакомъ, снова углубился въ лѣсъ, и выйдя потомъ на знакомую падь, бы-

стро понесся на лыжахъ, выбирая самый краткій обратный путь; наконецъ, проходя по покатости одной горы, откуда были видны вдали хижины Петропавловска, онъ, устремя на него неподвижный взоръ, вдругъ остановился. «Боже мой! куда я иду?—говорилъ онъ, прерывая изрѣдка вырывавшіяся слова продолжительными думами.—Что тамъ будетъ со мною? Какую чашу приготовила еще для меня судьба? Что мнѣ дѣлать? на что рѣшиться?... А почему же не такъ? Почему же, въ самомъ дѣлѣ, не спасать мнѣ себя, когда я могу это сдѣлать? Почему не бѣжать мнѣ отъ бѣды, когда я могу уйдти туда, гдѣ никакая человѣческая злоба не найдетъ меня?... Точно такъ! я могу и, слѣдовательно, долженъ это сдѣлать! эти горы, эти лѣса и дебри сорокъ лѣтъ уже знакомы мнѣ, и они дадутъ мнѣ уголокъ, чтобы провести малый остатокъ моей жизни; а руки мои, благодаря моей нищетѣ, давно научились прокармливать меня безъ помощи мнѣ подобныхъ?... Такъ пойду же, прощусь навсегда съ этимъ ненавистнымъ родомъ, называющимся людьми, и поищу убѣжища посреди бѣдныхъ животныхъ, которыхъ они какъ бы въ насмѣшку, величаютъ кровожадными. Прощайте люди!» Онъ поспѣшно поворотилъ

въ гору, и быстро началъ входить наверхъ, но потомъ вдругъ опять остановился. «А ты, другъ моей юности! ты какъ останешься? что съ тобою будетъ? тебѣ кто поможетъ, когда изверги будутъ терзать тебя?... Ахъ горе!... Нѣтъ, сколько ни думаю, не могу оставить его! Такъ и быть: мы страдали вмѣстѣ, вмѣстѣ и умремъ, если не будемъ въ силахъ перенести мученій, и если не удастся.... А какъ знать?... можетъ быть, въ самомъ дѣлѣ еще я найду случай спасти его!... Пойдемъ, отважимъ жизнь!... Что я говорю?... она уже протекла, а оставшаяся капля стоитъ ли уже того, чтобы беречь ее для себя? Прольемъ ее для другихъ, если будетъ нужно, и счетъ мой съ людьми будетъ конченъ!»

Исполненный сего благороднаго самоотверженія, Ивашкинъ спустился съ горы и поспѣшно пошелъ къ Петропавловску. Тогда былъ часъ седьмой вечера. Солнце давно уже сѣло за горизонтъ, и самая заря погасала на вершинахъ горъ. Пользуясь темнотою, Ивашкинъ осторожно подошелъ къ своей квартирѣ, но не вошелъ въ нее, услышавъ многіе знакомые ему голоса казаковъ, по видимому, производившихъ самый тщательный обыскъ по всѣмъ угламъ и закаул-

камъ дома. «Странное дѣло! — думалъ онъ. — Съ какимъ безпокойствомъ ищутъ люди бѣднаго старичишку, чтобы еще потѣшиться надъ его страданіемъ! Напрасныя хлопоты! Я самъ приду въ ваши руки, коль скоро сочту это нужнымъ, а теперь воспользуемся пока послѣдними минутами свободы, если она есть у несчастныхъ!» Легкій вздохъ, невольно вырвавшійся изъ груди его при семъ словѣ, былъ замѣченъ находившимися подлѣ дома въ засадѣ караульнымъ. «Здѣсь!» — закричалъ сей послѣдній. Толпа казаковъ бросилась изъ избы; но Ивашкинъ успѣлъ скрыться отъ ихъ преслѣдованій, и наконецъ ускользнулъ въ ворота стоявшаго по пути протопопскаго дома.

Въ сіе время протопопъ, не подозрѣвая сбиравшейся надъ головою его грозы, весело сидѣлъ за чаемъ съ Маріею и ея женихомъ. «А! добро пожаловать, Аркадій Петровичъ! — сказалъ онъ вошедшему въ комнату Ивашкину. — Давно я не видалъ тебя! Каково поживаешь? Что подѣлываешь? Садись-ка, да побесѣдуй съ нами!... Машенька! налей-ка чашечку.... Садись, Аркадій Петровичъ! не спѣсивься! Да что ты, Господь съ тобой! озираешься, словно боишься чего? Ужъ здоровъ ли ты?...»

— Здоровъ, здоровъ, отецъ Петръ! — говорилъ Ивашкинъ наскоро и самымъ тихимъ голосомъ, затворяя между-тѣмъ дверь на крючекъ.

«Да что ты дѣлаешь? Богъ съ тобой; дверьту для чего запираешь?»

— Отецъ Петръ! — сказалъ Ивашкинъ значительнымъ тономъ — я знаю, что дѣти ваши мнѣ не измѣнятъ, тѣмъ болѣе, что бѣда угрожаетъ равно всѣмъ намъ....

«Боже мой! что за бѣда?» — торопливо спросила испугавшаяся Марія.

— За мною гонятся, отецъ Петръ!

«Кто и за что?»

— Отецъ Петръ! вы знаете эту руку? — спросилъ Ивашкинъ, вынувъ изъ-за пазухи донесеніе дьячка.

«Это рука Степаныча!» — отвѣчалъ протопопъ, взглянувъ на рукопись.

— Прочитайте, и вы все узнаете!

«Что за клевета! Что за злоба! — сказалъ протопопъ, прочитавъ донесеніе и отдавая его мичману. — На, прочитай и ты, Викторъ Ивановичъ! Тутъ насъ всѣхъ очернили! Но я не вижу — примолвилъ протопопъ, обратившись къ Ивашкину—чтобы ты былъ примѣшанъ тутъ?»

Ивашкинъ разсказалъ все описанное выше, начиная съ разговора съ дьячкомъ. Протопопъ, выслушавъ его, сказалъ съ величайшею горестію: «Ахъ, Аркадій Петровичъ! скажу тебѣ, братъ, отъ сердца (Господь видитъ мою душу!): жалѣю я Виктора Ивановича, жалѣю Зуду, жалѣю тебя; но вы всѣ тутъ правы и — Господь, защитникъ правыхъ, защититъ васъ: я твердо увѣренъ въ томъ! О себѣ же не говорю ничего: *благо ми, яко смирилъ мя еси!* Но истинно, скажу тебѣ, истинно сожалѣю объ этомъ погибшемъ Шайдуровѣ: онъ губитъ навсегда свою душу.»

— Еще хорошо было бы, если бы онъ губилъ только одну свою душу — возразилъ Ивашкинъ, — а то вѣдь онъ и насъ губитъ вмѣстѣ съ собою; теперь и намъ надобно подумать, какъ спастись отъ гибели. Не напишете ли вы къ преосвященному? На дняхъ отправляется въ Иркутскъ купецъ Саламатовъ: онъ бы, вѣрно, взялся отвезти отъ васъ грамотку....

«Но какъ онъ можетъ это сдѣлать — сказалъ протопопъ, — когда всякаго отъѣзжающаго строго обыскиваютъ?»

Да ужъ коли Саламатовъ только возьмется, такъ сдѣлаетъ! Это такой человѣкъ, отецъ

Петръ, что на одной минутѣ десять разъ проведетъ насъ, грѣшныхъ... Чу! стучатъ!

Сильные удары въ дверь раздались въ комнатѣ.

Въ сіе время Марія, то вслушивавшаяся въ продолжавшійся предъ нею разговоръ, то съ нетерпѣніемъ разглядывавшая бумагу, которую мичманъ старался отъ нея скрывать, уже готова была, по своеволію, свойственному въ подобныхъ случаяхъ всѣмъ женщинамъ, ее вырвать, какъ раздавшійся стукъ вдругъ остановилъ уже протянутую руку.

«Дѣдушка! — вскричала она въ испугѣ, — спасайтесь, ради Бога, спатайтесь!»

— Не бойтесь: это за мною! — сказалъ Ивашкинъ съ величайшимъ хладнокровіемъ. — Тише! Иду!» — примолвилъ онъ, вставая со стула.

«Проворнѣе пошевеливайся!» — раздался за дверью грубый голосъ.

— Сейчасъ!

«Нѣтъ я не пущу васъ! — вскричала Марія, ухватясь за его полу. — Скажите мнѣ прежде, что они хотятъ съ вами сдѣлать?»—

— Ничего, Марія Алексѣевна! ни болѣе ни менѣе, какъ на первый разъ засадить въ тюрьму...

«Въ тюрьму? Боже мой! я не пущу васъ! Викторъ! помоги мнѣ удержать этого несчастнаго!»

Пылкой мичманъ, волнуемый не менѣе Маріи самымъ живымъ участіемъ, также бросился, чтобы удержать Ивашкина.

— Что вы это дѣлаете, дѣти мои милыя?— сказалъ протопопъ. — Я столько же, какъ вы, ронутъ положеніемъ Аркадія Петровича, но этимъ нельзя помочь: на все есть свой порядокъ. Власть, какова бы она ни была, все власть, и противиться ей грѣшно...

«Но они заморятъ его въ тюрьмѣ, дѣдушка!» — вскричала Марія.

— Ну, Господь милостивъ! — отвѣчалъ протопопъ съ притворнымъ равнодушіемъ: — Онъ не дастъ въ обиду невиннаго, и ты знаешь, *что безъ Его воли и волосъ не спадетъ съ головы нашей....*

«О Боже мой! — воскликнула Марія съ чувствованіемъ самой живой горести. — Такъ и быть: подите! но я сей же часъ побѣгу къ своей благодѣтельницѣ, паду ей въ ноги и буду просить ее со слезами, чтобы она заступилась за васъ....

— Благодарю тебя, ангелъ небесный! — сказалъ Ивашкинъ, напрасно стараясь скрыть потекшія изъ глазъ его слезы. — Ты оживила въ груди моей давно обмершее сердце — сердце, которое давно уже не билось такъ сладко, какъ теперь, потому что давно уже не встрѣчало существа, которое приняло бы такое участіе въ его страданіяхъ!... О, какъ я давно не плакалъ! Эти пустыни еще не видали слезъ моихъ, а теперь я плачу, какъ ребенокъ!... Но пора!... Прощайте!...

«Остановись, старикъ! — вскричалъ глубоко-растроганный мичманъ, схватившись за саблю. — Остановись! Дай прежде поговорить мнѣ съ этими негодяями! Клянусь Богомъ: я искрошу ихъ прежде всѣхъ въ куски, чѣмъ они дотронутся до одного твоего волоса!»

Мнѣ кажется, дѣти мои! — сказалъ Ивашкинъ, залившись слезами — (простите меня, что я такъ называю васъ!) мнѣ кажется, вы хотите уморить меня вашимъ участіемъ.... Нѣтъ, это ужъ слишкомъ для старика! жизнь моя уже такихъ хлопотъ не стоитъ: она не долга!... Оставьте меня моей судьбѣ, Викторъ Ивановичъ, и не подавайте злодѣямъ на себя ножъ: малѣйшее насиліе со стороны вашей будетъ для

нихъ радостію. Притомъ еще не все потеряно: есть Богъ, есть Государыня, есть законъ: рано или поздно, но правда восторжествуетъ. Пустите меня!

Слова сіи, произнесенныя съ видомъ возвышенной торжественности, всегда сопровождающей великодушную рѣшительность, остановили и изумили пылкаго юношу. Равнымъ образомъ чувствованіе удивленія было написано и на лицахъ протопопа и Маріи. Всѣ они, молча, оставались въ одномъ и томъ же положеніи, пока крики безумной радости, изъявляемой сыщиками, удаляясь мало-по-малу, не слились съ шумомъ бушевавшаго вѣтра.

«Дѣдушка, любезный дѣдушка! — воскликнула Марія, выйдя наконецъ изъ состоянія изумленія — ради Бога, скажите мнѣ: неужели и съ вами и съ Викторомъ осмѣлятся сдѣлать то же?»

— Не льзя ручаться, моя милая, за людей, которые, не страшась ни Бога, ни Государыни, дѣйствуютъ только по своимъ видамъ. Мы теперь оклеветаны, и Богъ вѣсть, чѣмъ окончится это дѣло....

«И неужели и васъ и Виктора, также могутъ посадить въ тюрьму?»

— Все можетъ статься, дитя мое; но Господь можетъ отвратить всякую бурю.

«О Господи! — воскликнула Марія, схлопнувъ руками — спаси насъ и защити!»

— Не надо отчаяваться, Марія! — сказалъ твердымъ голосомъ мичманъ, ходивши между тѣмъ, съ глубокою думою на лицѣ, большими шагами по комнатѣ. — Неужели — прибавилъ онъ, болѣе разсуждая самъ съ собою, нежели продолжая разговоръ — неужели изверги, мошенники и клеветники могутъ оставаться безъ наказанія въ благоустроенномъ государствѣ? Нѣтъ, этого быть не можетъ! Я обнаружу, я раскрою всѣ ихъ козни; я опишу всѣ ихъ мошенничества и злоупотребленія! Если до сихъ поръ всѣ доносы на нихъ оставались безъ вниманія, то я надѣюсь, что мое донесеніе будетъ, по крайней мѣрѣ, уважено. При Намѣстникѣ служитъ мой другъ, съ которымъ мы вмѣстѣ выросли, которому совершенно извѣстны мои чувствованія, мои правила....

«Конечно, Викторъ Ивановичъ — прервалъ протопопъ — вы не худо сдѣлаете, если будете просить его за васъ заступиться: одного донесенія не достаточно. Много ихъ было послано отсюда, да всѣ получили одинъ конецъ: сю-

да же и пришлютъ, а тутъ ужъ бѣдный доносчикъ и мѣста не найдетъ, куда головы преклонить. Всѣ отъ него, словно отъ чумы, бѣгаютъ, такъ, что квартиры не дастъ никто....»

— Ахъ! если бы все это знала Государыня! — воскликнулъ мичманъ.

«Ужъ, конечно, какъ бы она все это знала, наша матушка: то не то бы и было!»

— Она узнаетъ объ этомъ! — говорилъ мичманъ съ жаромъ; — непремѣнно узнаетъ!..

«И я не осуждаю намѣренія твоего, Викторъ Ивановичъ: ибо грѣхъ противиться власти, но нѣтъ грѣха увѣдомлять отца или мать о страданіяхъ, причиняемыхъ дѣтямъ ихъ наемниками!»

— Но не лучше ли прежде — сказала Марія—идти мнѣ и просить мою благодѣтельницу, чтобы она защитила насъ? Она, вѣрно, тронется моею горестію и слезами....

«Дитя мое! — отвѣчалъ протопопъ — ты судишь о другихъ по себѣ. Ольга Павловна, конечно, не откажется принять въ насъ искренняго участія; но если начальникъ самъ хочетъ устроить намъ гибель, по клеветѣ фельдшера: то тутъ ужъ ни чья защита не дѣйствительна, и только можно будетъ ожидать одного,

что онъ строже станетъ обыскивать Саламатова, опасаясь со стороны нашей доноса.»

— Такъ, по крайней мѣрѣ, позвольте мнѣ, дѣдушка, пойти и просить за Аркадія Петровича, чтобы хотя сколько-нибудь облегчили его участь.

«Это дѣло другое! Поди моя милая! и да поможетъ тебѣ Господь въ твоихъ добрыхъ намѣреніяхъ.»

Послѣ сего протопопъ, оставшись одинъ, взялъ бумагу и перо, и сѣвъ подлѣ стола, готовъ уже былъ писать; но потомъ вдругъ остановился, и подперши голову рукою, погрузился въ задумчивость, продолжавшуюся нѣсколько минутъ.

«Нѣтъ, — сказалъ онъ, — теперь дѣло иное! Тогда я, описывая происходящее здѣсь зло, исполнялъ обязанность христіанина: защищалъ другихъ, а теперь....»

— Здравія и долгоденствія вашему высокоблагословенію! — сказалъ вошедшій въ сію минуту дьячекъ. — Благословите отче!

«Богъ тебя благословитъ, сынъ заблудшій!»

— Отъ-чего же заблудшій, отецъ Петръ? — отвѣчалъ дьячекъ, стараясь придать разговору видъ шутки. — Я шелъ, кажется, къ вамъ по

прямому пути. Сказали мнѣ, что у васъ въ домѣ что-то неспокойно, такъ я пошелъ попровѣдать.

«Спасибо за усердіе, Степанычъ. Но, чай, ты можешь понять, что и сказалъ не въ томъ смыслѣ. Признаюсь тебѣ, Степанычъ, сколько я ни вижу и ни слышу, а проку въ тебѣ не много. Мнѣ только говорить тебѣ не хочется: Ты самъ знаешь дѣла свои!»

— Какія же дѣла, отецъ Петръ? — спросилъ нѣсколько смутившійся дьячекъ. — Я никакихъ не знаю; напротивъ, я пришелъ еще просить васъ....

«О чемъ изволишь?»

—Да вѣдь не безызвѣстно вамъ, святый отецъ, что скоро наступитъ срокъ моему здѣсь пребыванію, а вѣдь почта еще будетъ отправляться нескоро: такъ не льзя ли докончить вліяніе на меня вашихъ благодѣяній, и соблаговолить послать на счетъ мой преосвященному донесеніе съ отправляющимся на дняхъ въ Иркутскъ купцомъ Саламатовымъ?

«А что прикажешь написать мнѣ?»

— Да то — сказалъ дьячекъ, приглаживая косичку и облизываясь, какъ котъ, — что милосердой и сердобольной душѣ вашей благоу-

годно будетъ. Я увѣренъ, что ваше высокоблагословеніе, по правиламъ вашей благочестивой и христіанской нравственности, не погубите до конца....

«Ахъ, Степанычъ! хотя я, братъ, и человѣкъ грѣшный, но могу дать отвѣтъ и на страшномъ судѣ, что съ намѣреніемъ зла никому не сдѣлалъ, а это ты потому такъ говоришь, что тебя совѣсть мучитъ....»

— Помилуйте, отецъ Петръ! — говорилъ дьячекъ, запкаясь отъ стыда, — что за совѣсть? Кажется....

«Ну полно, братъ — кажется! Эхъ, Степанычъ, Степанычъ! мало тебя, братъ, сѣкъ отецъ, а взялъ бы тебя, да....»

— Вы ужъ, отецъ Петръ, изволите обижать меня! — возразилъ вдругъ оперившійся дьячекъ, бывъ радъ случаю, чтобы дать другой оборотъ разговору. — Кажется, я изъ ребятъ довно вышелъ....

«Знаю, братъ, что давно, а все еще не худо было бы, говоря твоимъ любимымъ языкомъ, какъ бы хорошенько тебя да *дубинорумъ по спинорумъ*....»

— Помилуйте, отецъ Петръ! Вы изволили запамятовать, что я уже студентъ Богословія...

«Нѣтъ, не забылъ, любезный! Да помню и то, что ты, кажется, ужъ черезъ-чуръ переучился....»

— Ну, это слишкомъ! Помилуйте, отецъ Петръ! Браните меня, какъ хотите; но что касается до моего ученія: то я прошу васъ не говорить о немъ: я этого *не стерплю*, *не снесу*, *не попущу!*...

«Да что же ты сдѣлаешь со мной? Прибьешь, что ли?»

— Нѣтъ, отецъ Петръ! Но человѣкъ обладаетъ средствомъ, которое можетъ остановить его непріятеля скорѣе, нежели всякая сила. Когда неистовый Катилина дерзнулъ придти въ римской сенатъ, то безсмертный Цицеронъ однимъ могущественнымъ словомъ поразилъ его: Quousque tandem abutere, Catilina.... (Доколѣ ты, Катилина....)

«Но послушай, братъ Степанычъ! я не Катилина, а протопопъ, а ты не Цицеронъ, а дьячекъ мой, такъ и скажу тебѣ запросто: коли не хочешь слушать моихъ рѣчей, то убирайся съ Богомъ домой, и дѣлай, что хочешь....»

— Пойду, отецъ Петръ, пойду, и выходя изъ вашего дома, отрясу прахъ съ сапоговъ моихъ....

«Ну, поступай, какъ умѣешь: въ здѣшнемъ краю все позволено!»

Дьячекъ, выходя изъ комнаты, хлопнулъ дверью. Протопопъ, смотря вслѣдъ ему, покачалъ головою и болѣе съ сожалѣніемъ, нежели съ гнѣвомъ, сказалъ: «Безпутный человѣкъ! самъ не знаетъ, что дѣлаетъ! Но что и мнѣ дѣлать въ самомъ дѣлѣ въ разсужденіи его? Чернить его передъ преосвященнымъ? это значитъ погубить его! Хвалить? — значитъ погубить ту паству, въ которой, къ несчастію, онъ сдѣлается пастыремъ! Ахъ, какъ гибнутъ люди отъ своей гордости и высокомыслія, презирая простой и углаженной путь вѣры и тѣснясь на скользкой и запутанной дорогѣ слѣпой мудрости!... И этотъ человѣкъ, еслибы пошелъ по указанію Евангелія, былъ бы, по крайней мѣрѣ, добрый и полезный, если не отличный сынъ Церкви; а теперь — жалость!... Но пусть же, если суждено гибнуть ему, такъ по крайней мѣрѣ гибнетъ не отъ моей руки.» Сказавъ сіе, протопопъ взялъ опять перо и написалъ донесеніе, въ которомъ старался всячески смягчить поступки дьячка, доказывая, что онъ имѣетъ сердце отъ природы доброе; что въ умѣ его нѣтъ рѣшительно убѣжденія противъ истинъ

Вѣры, и что, наконецъ, онъ давно раскаялся въ своемъ легкомысліи, и далъ слово во всемъ непремѣнно исправиться. Завертывая сію бумагу въ конвертъ, протопопъ произнесъ съ величайшимъ самоотверженіемъ: «Да будетъ же ему это платою за то зло, которое онъ мнѣ причинить рѣшился, и если отъ сего еще болѣе увеличится приготовляемое мнѣ несчастіе, то надобно помнить, что есть мѣсто, гдѣ всякой получитъ мзду по *дѣломъ своимъ!*»

XIV.

КОВАРСТВО.

Марія, придя къ начальницѣ, нашла ее весьма больною и принуждена была отложить просьбу свою до другаго времени; но состояніе больной, которой здоровье было чрезвычайно разстроено претерпѣнными ею въ жизни различными огорченіями, ни сколько не облегчалось, а между тѣмъ положеніе Ивашкина раздирало чувствительное сердце доброй дѣвушки. И потому, посѣтивъ однимъ утромъ начальницу, нетерпѣливая Марія рѣшилась сама просить ея мужа.

Въ сіе время, Антонъ Григорьевичъ, какъ новый Людвикъ XI, по крайней мѣрѣ такой же злодѣй, хотя и въ миніатюрномъ видѣ, бесѣдовалъ со своимъ *Оливье,* т. е. цирюльникомъ Шангинымъ о политическихъ дѣлахъ своего воеводства. «Не могъ ускользнуть, мошенникъ!— сказалъ онъ съ дьявольскою улыбкою. — Но скажи мнѣ, Алексѣй, какъ ты узналъ, что у него доносъ запеченъ въ хлѣбы?»

— Да ужъ узналъ, сударь! Усердіе чего не сдѣлаетъ!

«По правдѣ сказать: Алексѣй, ты сущій чортъ! Но разскажи скорѣе....»

— Да тутъ дѣло простое, сударь! Вѣдь вамъ извѣстно, что Саламатовъ остановился въ домѣ у Караулихи....

«Ну!...»

— Такъ прочее должно быть для васъ уже ясно.

«Стало быть, Караулиха тебѣ предана?»

— Да это, ваше высокоблагородіе, такая баба, что за нѣсколько грошей продастъ самого Христа, не хуже Іуды!

«Ты увѣренъ въ этомъ?»

— Да, кажется, не дамъ маха; на своемъ вѣку таки-видывалъ людей, нечего сказать!

Начальникъ замолчалъ, и по нѣкоторомъ размышленіи спросилъ значительнымъ голосомъ:

«Вѣдь говорили, что у ней дѣти умерли?»

— Да, умерли, но тутъ еще Богъ вѣсть....

«Что такое?»

— Да говорятъ, ваше высокоблагородіе, двояко: чуть ли она не сама угомонила ихъ!

«И будто это сомнѣніе имѣетъ какое-нибудь основаніе?»

— Да кажется! Она, вотъ изволите видѣть, говоритъ, что ея дѣти будто бы утонули въ день вашихъ именинъ, а недавно мнѣ старуха Пахомовна сказывала, что въ этотъ день они и изъ избы не выходили. Пахомовна, изволите видѣть, съ нею сосѣдка.

«Хорошо, если такъ!»

Начальникъ, заткнувъ руки за поясъ шлафрока и закусивъ губы, съ видомъ самой страшной думы началъ ходить по комнатѣ, и вдругъ потомъ, устремивъ дикой взоръ на фельдшера, отъ котораго почти невольно затрепеталъ сей послѣдній, сказалъ ему почти шопотомъ: «Алексѣй! эту женщину намъ надобно прибрать къ рукамъ. Обыщи немедленно ея избу, и если откроются слѣды убійства, то предложи ей на выборъ: или быть наказанной жестокимъ обра-

зомъ, или....» Но онъ не могъ договорить рѣчи, и опять началъ ходить по комнатѣ. Страшныя внутреннія волненія изображались на его лицѣ, блѣдномъ и ужасномъ. Губы его были сжаты, и глаза на-выкатѣ. Казалось, онъ сражался съ самимъ собою, и въ продолженіе сей борьбы опять взоры его встрѣтились съ роковымъ изображеніемъ, висѣвшимъ на стѣнѣ. Онъ вздрогнулъ, и страшно прошепталъ про себя: «Іуда! я помню твой обольстительный взоръ, твои сладкія рѣчи! Хорошо! Я теперь исполню твои наставленія....»

— Антонъ Григорьевичъ! — возгласилъ испугавшійся суевѣрный фельдшеръ — Антонъ Григорьевичъ! съ кѣмъ это вы изволите говорить?

«Ахъ, Алексѣй! — отвѣчалъ опомнившійся начальникъ — я почти забылъ, что ты здѣсь. У меня давнишняя привычка говорить съ самимъ собою.... Запри-ка двери, да садись ко мнѣ ближе. Я хочу поговорить съ тобою о важномъ дѣлѣ.»

Фельдшеръ сначала было-отговаривался отъ сей учтивости; но начальникъ сказалъ ему строго: «Садись! Теперь не время заниматься вздоромъ. Слушай!»

— Слушаю, ваше высокоблагородіе!

«Такъ ты непремѣнно долженъ сдѣлать самой строгой розыскъ о дѣтяхъ этой женщины, но не пуская въ огласку того, что́, быть можетъ, откроешь. Предложи ей: если она не хочетъ кнута, то исполнила бы, что́ ей будетъ приказано. Понимаешь ли?»

— Понимаю, ваше высокоблагородіе! — отвѣчалъ фельдшеръ, хотя еще не могъ вовсе ничего понять изъ всего имъ слышаннаго. — Но что́ же вы изволите ей приказать?

«Ты, Алексѣй! — сказалъ начальникъ, стараясь вдругъ принять на себя шутливый видъ, и улыбаясь самою принужденною улыбкою—кажется, въ самомъ дѣлѣ забралъ къ себѣ въ голову, что у меня не вѣсть что есть на умѣ, а между тѣмъ я хочу приказать тебѣ сущіе пустяки: скажи пожалуй-ста этой Караулихѣ, чтобы она попросила мичмана.... вѣдь онъ, ты говорилъ, покровительствуетъ ей?»

— Точно такъ, ваше высокоблагородіе!

«Такъ, чтобъ она попросила — продолжалъ начальникъ—похлопотать за нее у жены. Вишь, мнѣ хочется, чтобы около нея была благонадежная женщина, а вѣдь, а думаю — прибавилъ онъ со смѣхомъ, изображавшимъ вдругъ

всѣ адскія чувствованія: злобную насмѣшку, отчаяніе, дикую радость — я думаю, лучше Караулихи найдти трудно?... По крайней мѣрѣ, такъ должно полагать по давнишней твоей рекомендаціи....»

— Это правда, ваше высокоблагородіе! — отвѣчалъ фельдшеръ, начиная вполовину догадываться о намѣреніи начальника. — Но я не знаю — примолвилъ онъ съ видомъ величайшей простоты — къ чему бы могла быть годна эта женщина? Можно найдти гораздо лучше....

«Глупецъ! — вскричалъ начальникъ, скочивъ со стула — исполняй то, что тебѣ приказываютъ.»

— Слушаю, ваше высокоблагородіе!

«Болѣе ни слова! Вы всѣ привыкли противорѣчить мнѣ, между тѣмъ, какъ никто изъ васъ не думаетъ ни о чемъ! Вы живете въ счастіи, въ довольствѣ, въ изобиліи; вы всѣмъ пользуетесь, а я? Посмотрите на меня: я мученикъ за васъ! Съ меня потребуютъ отвѣта въ вашихъ мерзостяхъ. Я начальникъ вашъ: всякая ваша шалость, всякое злоупотребленіе на меня падетъ. Доносы за доносами, и ябѣдничеству конца не вижу! Я просиживаю ночи, от-

Изъ библіотеки
К. А. Головковскаго

писываюсь; но злодѣи уже начинаютъ меня перемогать. Я слышалъ уже, что въ Иркутскѣ назначенъ сюда ревизоръ, и кто бы, ты думалъ, этотъ ревизоръ? Старый любовникъ моей жены, котораго любила она безъ памяти, за котораго уже была просватана и у котораго я, такъ сказать, вырвалъ ее изъ рукъ, обольстивъ стараго дурака, ея отца? Теперь ты видишь: чего и кого долженъ я опасаться болѣе всего. Но, клянусь адомъ, я забочусь только о вашей безопасности! Ну, понялъ ли ты меня, глупецъ?»

— Кажется!...

Никакое перо, никакая кисть не изобразила бы тѣхъ ужасныхъ тѣней, какими было подернуто лице вѣроломнаго убійцы, который желалъ, чтобы его поняли, и чтобы между тѣмъ не сказать ничего слишкомъ яснаго. Услышавъ отвѣтъ фельшера, онъ захохоталъ такъ, какъ бы смѣхъ его былъ только эхомъ адскаго хохота. «Ха, ха, ха! ему кажется! — говорилъ онъ, передразнивая фельдшера — Ему только кажется, когда я кладу ему въ ротъ, что моей женѣ нужна хорошая женщина, которая бы при ней прислуживала и могла бы подавать ей лекарства.... Понимаешь ли ты? Подавать лекар-

ства! А кто можетъ это сдѣлать лучше, какъ не Караулиха, которая, въ случаѣ нужды, и сама можетъ составить ихъ не хуже всякаго аптекаря?»

— Это правда, ваше высокоблагородіе!

«Ну, такъ вотъ видишь ты, Алексѣй!—сказалъ Антонъ Григорьевичъ, вдругъ измѣнивъ такъ голосъ, какъ будто рѣчь пошла уже о дѣлѣ самомъ обыкновенномъ, — мнѣ бы хотѣлось такъ уладить, чтобы, когда жена поѣдетъ весною на воды: то бы и Караулиха съ нею туда же поѣхала.... Ну, да ты еще съ ними.... да еще....»

Сказавъ сіе, начальникъ вдругъ остановился, и, закусивъ палецъ, посмотрѣлъ значительно, обратясь къ окошку, и вдругъ вскричалъ въ какомъ-то дикомъ восторгѣ: «Славная мысль! Счастливая мысль! Справедливо сказано: дѣсять разъ примѣрь, а одинъ отрѣжь! Не много, такъ и дашь маха!»

— А смѣю ли спросить? Что еще вздумали вы, ваше высокоблагородіе?

«Ну это, можетъ быть, ты узнаешь послѣ, а теперь ступай исполни, что я тебѣ приказывалъ, да помни, что я забочусь не о себѣ, а о васъ, и что отъ точнаго исполненія моихъ при-

казаній зависитъ ваша честь и благосостояніе, и особенно твое: ты, чай, еще не забылъ, что во время оно твоя спина была подвержена маленькимъ непріятностямъ, что, благодаря только моей заботливости, твой списокъ сталъ опять чистъ, какъ совѣсть дѣвушки? А?»

— Какъ забыть, ваше высокоблагородіе!

«То-то же, помни! Да, я думаю, также извѣстно тебѣ, что моя жена не можетъ тебя терпѣть....»

Есть тотъ грѣхъ, ваше высокоблагородіе!

«Ну, къ этому мнѣ остается прибавить еще одно, что она всегда возитъ съ собою бумажникъ хорошихъ билетовъ, который она бережетъ на одинъ самый невѣроятный случай, и который, въ награду за хорошую службу, достанется.... Ты, я думаю, догадываешься ужъ кому?»

— Разумѣю, ваше высокоблагородіе! Много доволенъ вашею милостію! Будемъ стараться!

«Ну, хорошо, поди же, да вели позвать ко мнѣ твоего пріятеля мичмана, который такъ отрекомендовалъ тебя начальству; а это глупое донесеніе протопопа сейчасъ же вели отправить назадъ къ Саламатову: намъ и самимъ ничего

нельзя было лучше его придумать! Ну, кажется, я сказалъ все! Прощай!»

Едва фельдшеръ отворилъ дверь изъ кабинета, какъ Марія, давно ожидавшая его выхода, немедленно взошла туда.

«А, Машенька! сказалъ начальникъ съ видомъ сластолюбиваго удовольствія, заблиставшаго въ его глазахъ. — Что ты скажешь?»

— Я пришла васъ просить....

«О чемъ бы это? О чемъ? Я для тебя все готовъ сдѣлать....»

— Хорошо, если вы такъ милостивы.

«Въ чемъ же сомнѣваться тутъ, моя милая? Садись-ка вотъ сюда на канапе, подлѣ меня, да и разскажи, чего ты хочешь, а мы послушаемъ.... Дай только прежде затворить двери: я не люблю, чтобы мѣшали мнѣ, когда я съ кѣмъ-нибудь занимаюсь.... Ну, садись же!... Тфу какая церемонная! — примолвилъ начальникъ, садя Марію силою. — Вѣдь, кажется, ты при моихъ глазахъ выросла?»

— Извольте, сяду, если это угодно вамъ; но сдѣлайте милость: выслушайте мою просьбу!

«Говори, моя кралечка, говори!» — отвѣчалъ начальникъ, придвигиваясь къ ней и смотря на нее самыми преступными глазами.

— Просьба моя — сказала Марія, вставая съ канапе....

«Да что же ты опять встала?» — прервалъ сластолюбецъ, схвативъ ее за руку.»

— Ахъ, позвольте мнѣ встать! — говорила Марія, вырывая руку и покрывшись румянцемъ. — Я, право, не могу говорить....

«Ребенокъ! ты, словно, боишься меня, чтобы я тебя не укусилъ....»

— Нѣтъ; но позвольте....

«А не пущу!» — говорилъ дерзкой мошенникъ, еще болѣе приближаясь къ Маріи, съ самою низкою улыбкою.»

— Боже мой! пустите меня....

«Ну, поцѣлуй же меня, такъ пущу!»

— Господи! что это значитъ? Вы, котораго я привыкла почитать....

Отцемъ? — прервалъ сластолюбецъ. — Ну, на все есть время! Теперь ты выросла, стала хороша, пригожа, такъ, что я люблю тебя безъ памяти....

«Это вы говорите мнѣ?» — вскричала Марія съ ужасомъ, вскакивая съ канапе.

— Я! я! — повторилъ грѣшникъ, выйдя изъ себя, и схвативъ Марію въ свои объятія. — Обними же меня, или....

— Что же вы дѣлаете? Боже мой!... Пустите меня, или я закричу!

«Такъ кричи же: если хочешь уморить жену!»

— О Господи! — воскликнула Марія, закрывая лице руками, между тѣмъ, какъ безсовѣстный злодѣй силился отнять ихъ и напечатлѣть на ея губахъ святотатственный поцѣлуй.

Въ сіе мгновеніе послышался въ ближней комнатѣ шумъ шаговъ.

«Идетъ твой женихъ! — вскричалъ шопотомъ начальникъ, съ видомъ величайшаго ужаса, опустивъ Марію изъ рукъ. — Заклинаю тебя Богомъ, спаси меня! Онъ меня убьетъ, если застанетъ меня здѣсь въ-заперти съ тобою!

Марія, освободившись изъ его рукъ и не слыша, отъ сильнаго волненія, словъ его, бросилась къ дверямъ и хотѣла отворить ихъ, но онъ схватилъ ее.

«Не ходи, заклинаю тебя всѣмъ, что есть святаго: не ходи?»

— Пустите меня!

«Нельзя, клянусь Всемогущимъ, нельзя! Тебѣ еще неизвѣстно, что значитъ ревность! Онъ убьетъ меня, непремѣнно убьетъ!»

— Я не понимаю васъ!

«Я знаю, что не понимаешь; но я не имѣю времени теперь тебѣ объяснить причины моей просьбы. Спрячься, хоть въ эту кладовую; спрячься, умоляю тебя, если не хочешь принять крови моей за свою душу!»

Въ сіи минуты кто-то взялся за дверный замокъ. Начальникъ произнесъ только: «погибъ!» и съ видомъ ужаса и мольбы сдѣлалъ Маріи знакъ руками идти въ казенку, о которой уже мы говорили выше. Марія, не понимая сама, что́ дѣлаетъ, но повинуясь единственно влеченію своего чувствительнаго, добраго сердца, взошла туда, а начальникъ заперъ за нею дверь замкомъ, и мгновенно сбросивъ съ себя притворный страхъ и трехнувъ головою съ мошеннической миною, сказалъ про себя: «А, проклятая упрямица! попалась въ западню. Теперь будемъ ловить другаго тетерева!» Послѣ сего, также съ непостижимымъ искусствомъ, принявъ на себя еще новую физіономію, смиренную и печальную, онъ отворилъ дверь мичману.

«Пожалуйте, Викторъ Ивановичъ! — говорилъ хамелеонъ сему послѣднему. — Я призвалъ васъ — продолжалъ онъ, садясь на канапе и показывая также мѣсто мичману — чтобы раздѣлить съ вами мое горе....»

«Благодарю васъ за довѣренность — сухо отвѣчалъ мичманъ. — Едва ли я буду способенъ доставить вамъ утѣшеніе.»

— А напротивъ — возразилъ начальникъ, не перемѣняя роли — вы один только и можете это сдѣлать.

«Если такъ, то я очень радъ служить вамъ; но въ чемъ, смѣю спросить, заключается ваше несчастіе?»

— Выслушайте меня!... Недавно пріѣхалъ сюда одинъ молодой человѣкъ....

При семъ словѣ мичманъ взглянулъ на начальника съ видомъ изумленія и увеличилъ вниманіе.

«Этотъ человѣкъ — продолжалъ начальникъ — съ самаго перваго взгляда понравился мнѣ такъ, что я полюбилъ его какъ роднаго сына... Да, Викторъ Ивановичъ! какъ роднаго сына: ибо онъ возобновилъ въ моей памяти ту невозвратную потерю, какою угодно было Провидѣнію меня наказать и которой, я вспомнить не могу безъ слезъ....»

Говоря сіе, начальникъ дѣйствительно показалъ видъ величайшей горести и горько заплакалъ. Слезами его мичманъ былъ приведенъ въ совершенное недоумѣніе, не могши разгадать

было ли это одно притворство или истинное чувствованіе, и по довѣренности своей, свойственной всѣмъ добрымъ людямъ, склонялся болѣе къ послѣднему заключенію. Между тѣмъ комедія продолжалась.

«Ахъ, Викторъ Ивановичъ! — говорилъ начальникъ, утирая слезы — вы не знаете моей горести; но теперь разсказывать объ этомъ не время. Въ эту минуту у меня есть на сердцѣ ближайшая скорбь.... Такъ я уже сказалъ вамъ, что я полюбилъ этого молодаго человѣка, о которомъ началъ говорить, какъ роднаго сына.... Онъ и стóитъ того: онъ уменъ, благороденъ, прямодушенъ....»

— Но кто же это таковъ? — спросилъ нетерпѣливо мичманъ. — Мнѣ кажется, я никого не вижу въ Петропавловскѣ пріѣзжаго....

«Дослушайте меня, и вы все узнаете. Я принялъ его въ своемъ домѣ, старался оказать ему всякую учтивость, всякое одолженіе. Скажите же теперь: чѣмъ слѣдовало бы ему заплатить мнѣ, если не за одолженіе, по крайней мѣрѣ за гостепріимство?»

Безъ сомнѣнія, благодарностію — отвѣчалъ нѣсколько смутившійся мичманъ, начиная догадываться о комъ шло дѣло.

»Такъ судите же сами себя!» — сказалъ начальникъ, принявъ торжественный видъ, и подавая мичману его бумагу.»

— Слѣдовательно, вы знаете уже все! — съ твердостію отвѣчалъ мичманъ, вставъ на ноги! — Я не запираюсь отъ васъ: точно это писалъ я, но вы виноваты сами! Голосъ народа и собственная моя опасность меня вынудили.

«Голосъ народа, говорите вы! — воскликнулъ начальникъ. — Ха, ха, ха! Голосъ народа! т. е. толпа ябедниковъ, которые смотрятъ на всякаго начальника, какъ на своего врага, которые стараются черпить всѣ его поступки, и которые не были бы довольны ни даже ангеломъ, если бы онъ сошелъ управлять Камчаткою!»

— Но развѣ не правда, что вы приняли доносъ на меня, и послали уже производить слѣдствіе?

«Правда! — отвѣчалъ начальникъ съ важностію. — Но развѣ я могъ уничтожить его? Я знаю, что онъ есть не что иное, какъ клевета, но тѣмъ не менѣе я долженъ былъ повѣрить его, даже хотя и для того только, чтобы строже наказать ябедника.»

— Но позвольте же васъ спросить: кто вамъ далъ право перехватывать бумаги?

«Молодой человѣкъ! ты судишь обо мнѣ по тѣмъ ложнымъ толкамъ, какими стараются занять всякаго пріѣзжаго сюда мои враги — мои личные враги и враги всякаго порядка и устройства; но не по нимъ должно судить меня. Узнай же, что за зло, какое причиняютъ мнѣ люди, я всегда готовъ платить имъ добромъ. Я давно хотѣлъ тебя предупредить: тебя обманываютъ?»

— Кто и какъ?

«Одна моя искренняя привязанность къ тебѣ — да, не удивляйтесь этому! — одна моя, можетъ быть, безразсудная привязанность къ тебѣ, Викторъ Ивановичъ, заставляетъ меня сказать тебѣ такія вещи, о которыхъ другому говорить я никогда бы не рѣшился.»

— Сдѣлайте милость, пощадите мое нетерпѣніе!

«Вы хотите соединить вашу судьбу съ внучкой протопопа; но узнали ли вы прежде ее хорошенько? И когда было узнать ее вамъ?»

— Я люблю ее, люблю пламенно, и этого для меня довольно! — отвѣчалъ мичманъ съ жаромъ и съ примѣтнымъ неудовольствіемъ.

«Это доказательство, конечно, самое лучшее для юнаго сердца — сказалъ начальникъ съ ироническою улыбкою; — но увѣрены ли вы въ томъ, что и она такъ же васъ любитъ?»

— Если ангелы могутъ обманывать....

«Ангелы! — прервалъ начальникъ, горько улыбнувшись. — Не ищите ихъ на землѣ: они исполнены одними духами злобы!»

— Что же вы хотите сказать мнѣ?

«То, что заставляетъ сказать тебѣ, молодой, довѣрчивый человѣкъ, твоя честь, твое счастіе, благо цѣлой твоей жизни и, наконецъ, тотъ высокой законъ, который повелѣваетъ дѣлать добро врагамъ....»

— Боже мой! что все это значитъ?

«Узнай же истину, для тебя непріятную, но благословляй Бога, что ты узнаешь ее еще благовременно....»

Послѣдующія слова были произнесены шопотомъ.

— Какъ! — вскричалъ мичманъ — что за клевета на существо, которое не сдѣлало вамъ ни малѣйшаго зла?

Въ продолженіе сего разговора Марія хотя нѣсколько разъ готова была прервать рѣчь начальника, но страшась сдѣлать убійцею своего

Виктора, не знала сама на что ей рѣшиться. Колеблясь въ семъ недоумѣніи, она затрепетала, услышавъ слова, произнесенныя имъ. Холодный потъ выступилъ на лицѣ ея. Присѣвъ на стоящій въ кладовой сундукъ, она ослабѣла отъ горести и отчаянія, и съ величайшимъ внутреннимъ страданіемъ произнесла едва слышнымъ голосомъ: «Царь Небесный! онъ меня губитъ!» Этотъ легкой шопотъ, незамѣченный мичманомъ, не скрылся однако жъ отъ внимательнаго злодѣя, и опасаясь, дабы Марія какимъ-нибудь смѣлымъ поступкомъ не разрушила вдругъ его козни, онъ поспѣшилъ окончить разговоръ.

«Вы не вѣрите? Такъ знайте же, что эта дѣвушка величайшая лицемѣрка, что она, питая какую-то странную страсть.... (Признаюсь, мнѣ стыдно и говорить объ этомъ).... страсть ко мнѣ....»

— Къ вамъ? Вы издѣваетесь надо мной, какъ надъ ребенкомъ....

«Выслушай и поступай какъ хочешь! Страсть ко мнѣ, повторяю вамъ — и я долженъ былъ призывать на помощь все благоразуміе, чтобы укрощать ея порывы, искусно прикрываемые

видомъ притворной невинности и простосердечія....»

— Не говорите болѣе! Кляпусь Богомъ, вы будете раскаяваться....

«Выслушай, несчастный! Сегодня она принесла ко мнѣ этотъ доносъ, который успѣла украсть у Караулихи; и услышавъ, что ты идешь, скрылась вотъ сюда.... Смотри самъ, если можешь!»

Говоря сіе, онъ отперъ дверь въ кладовую.

«Не вѣрь ему! — воскликнула Марія, падая безъ чувствъ въ дверяхъ. — Не вѣрь ему, Викторъ!»

— Измѣнница! — вскричалъ мичманъ внѣ себя отъ бѣшенства, выхвативъ саблю.

Что ты дѣлаешь? — сказалъ начальникъ, схвативъ его за руку.

— Пустите меня!

«Она спасла тебѣ жизнь, а ты....»

— Жизнь! Но что мнѣ въ жизни теперь — воскликнулъ мичманъ съ величайшимъ отчаяніемъ, — когда однимъ разомъ она отняла у меня все?

«Но не смотря на то, вы обязаны ей, и сверхъ того я не позволю вамъ....»

— Хорошо! Я оставляю ей жизнь: она достойна этой муки.

«Викторъ! Викторъ!» — произнесла Марія умирающимъ голосомъ; но мичманъ, не слушая ее, бросилъ саблю и вышелъ поспѣшно изъ комнаты.

Слова снова замерли на устахъ несчастной страдалицы и глубокой обморокъ объялъ ея чувства. Начальникъ, призвавъ людей, велѣлъ подать ей помощь, и когда ее вынесли отъ него и когда онъ заперъ за нею дверь, то служители слышали, что въ комнатѣ его раздался дикой, дьявольской хохотъ.

XV.

ПРОЩАНІЕ.

Наступилъ мартъ. Дни становились длиннѣе. Небо не застилалось болѣе туманами, и солнце весело катилось по чистой лазури. Въ полдень начиналъ таять снѣгъ, и по скользкому *насту* (*), во времени ясныхъ и холодныхъ *утренниковъ*, Камчадалы и русскіе промышленники расходились изъ Петропавловска на промыселъ. Казалось, весна была уже близка; но негостепріимная камчатская природа всегда

(*) *Настомъ* называется тонкой ледъ, образовывающійся надъ снѣгомъ, во время таянія.

долго спорить съ этою прекрасною, перелестною гостьею изъ странъ южныхъ. До самаго іюня продолжается одна и та же мартовская погода, и уже въ началѣ только сего мѣсяца начинаютъ распускаться деревья.

Но есть мѣста въ Камчаткѣ, гдѣ и посреди повсемѣстной зимы изумленный взоръ встрѣчаетъ какъ бы острова, еще не покоренные ея владычеству. Сіи странныя мѣста находятся близъ горячихъ водъ, коими Камчатка, сія вулканическая страна, можно сказать, изобилуетъ. Земля около сихъ водъ, разогрѣваемая внутреннимъ огнемъ, сохраняя теплоту среди глубочайшей зимы, не терпитъ на себѣ печальнаго снѣжнаго покрова, и самая атмосфера сихъ мѣстъ, наполняемая теплыми парами, во время сильнѣйшихъ морозовъ сохраняетъ качество, если не лѣта, по крайней мѣрѣ умѣренной осени. Особенно замѣчательно сіе необыкновенное явленіе на водахъ, протекающихъ не въ дальнемъ разстояніи отъ *Большой* рѣки, близъ рѣчки Шемеча. Въ мартѣ мѣсяцѣ, когда окрестныя долины и горы, покрытыя глубокимъ снѣгомъ, представляютъ еще картину суровой зимы, на берегу сихъ водъ, составляющихъ большой ручей, впадающій въ Восточный океанъ, зеле-

нѣется трава и даже разцвѣтаютъ цвѣты: это, какъ будто родъ какой-то временной квартиры, на которой останавливается въ Камчаткѣ добрая весна, до окончанія своей борьбы съ угрюмою тамошнею природою.

Близъ сихъ водъ нѣкогда стоялъ небольшой, но опрятной домикъ, выстроенный для житья начальницы, всякую весну пріѣзжавшей сюда пользоваться водами, и особенно въ мартѣ мѣсяцѣ, когда прелестная картина зелени услаждаетъ взоръ, утомленный продолжительною зимою. Такимъ образомъ она посѣтила сіи воды въ семъ мѣсяцѣ, по полученіи небольшаго облегченія отъ болѣзни, упомянутой нами въ предъидущей главѣ.

Мужъ ея, прощаясь съ нею, оказалъ при семъ случаѣ знаки необыкновенной къ ней привязанности; даже на глазахъ его, говорятъ, видны были слѣды слезъ. Предоставляемъ психологамъ объяснить загадку: что значили сіи слезы? Слѣдствіе ли величайшаго притворства, или чудное дѣйствіе пробуждавшейся на мгновеніе совѣсти, не могшей, однако жъ, побѣдить закоренѣлой власти страстей? Можетъ быть, слезы сіи текли по тому же неизъяснимому побужденію, по которому, напримѣръ, Грозный

Іоаннъ Васильевичъ разсылалъ по монастырямъ синодики о поминовеніи убіенныхъ имъ людей. Многія явленія души человѣческой останутся на всегда тайною для самой ее!

Не принимаясь за тщетный трудъ объяснить сіе неизъяснимое явленіе, мы опишемъ только исторически разговоръ начальника съ его женою, бывшій дня за два до ея отъѣзда. По обыкновенію своему, онъ сидѣлъ за письменнымъ столомъ, когда она вошла къ нему въ кабинетъ. На столѣ его лежала огромная Библія, а на конторкѣ, единственной въ тогдашнее время во всей Камчаткѣ мебели краснаго дерева, завезенной Лаперузомъ, стояло распятіе. Все въ этомъ кабинетѣ дышало благочестіемъ, кромѣ вѣроломной души хозяина. При входѣ жены, женщины еще среднихъ лѣтъ, и хотя изнуренной болѣзнію, но сохранившей благородство и привлекательность въ чертахъ лица и въ пріемахъ, начальникъ положилъ перо и старался весело улыбнуться. Кстати замѣтимъ, что ни въ чемъ болѣе изъ тѣлодвиженій не обнаруживается душа, какъ въ улыбкѣ: есть улыбки истинно-ангельскія, улыбки, въ которыхъ вполнѣ высказываются души чистыя и свѣтлыя; но есть и улыбки дьявольскія, судорожное движеніе души,

исполненной злобы и коварства, но старающейся принять на себя видъ доброты и чистосердечія. Такова была улыбка и Антона Григорьевича, который, по странному владычеству добродѣтели надъ порокомъ, всегда сохранялъ къ женѣ своей невольное уваженіе.

«Ну что, моя милая — спросилъ онъ ее, стараясь придать своему голосу самый ласковый тонъ — какъ ты сладила съ этими чудаками, Машею и ея женихомъ?»

— Тутъ, другъ мой — отвѣчала начальница съ видомъ печальнымъ — есть для меня непонятная тайна. Ни тотъ, ни другой не открываютъ мнѣ причины ихъ раздора. Маша, сколько я ни старалась ее уговаривать во всемъ мнѣ открыться, только рыдаетъ и проситъ меня: «Ради Бога не спрашивайте меня; оставьте меня моей судьбѣ!»

«Странное дѣло! замѣтилъ начальникъ, качая головою и моргая глазами. — Ну, а что женихъ ея?»

— И онъ также не сказываетъ мнѣ ничего. Между тѣмъ ужасная горесть видна на лицахъ обоихъ, и я даже боюсь, особенно за Машу, чтобы она не слегла....

«Эхъ, матушка! не бойся: не сляжетъ! Это

только минутный какой-нибудь капризъ, и всего вѣрнѣе, что когда ты возьмешь ихъ съ собою, то и ссорѣ конецъ!»

— Ахъ, если бы это въ самомъ дѣлѣ было такъ! Но я даже не знаю: удасться ли мнѣ уговорить Виктора Ивановича ѣхать со мною? Мученіе, какое, примѣтно, всегда онъ чувствуетъ при встрѣчѣ съ Машенькою....

«Ничего! надобно только постараться, а то какъ не уговорить! Онъ же такъ, кажется, уважаетъ тебя.»

— Это правда! И признаюсь тебѣ, другъ мой, и мое сердце, сама не знаю почему, такъ лежитъ къ этому молодому человѣку....

«Ха, ха, ха! — засмѣялся начальникъ, стараясь обратить слова жены въ неблагопристойную шутку. — Дѣло самое естественное, что женщинѣ нравится молодой....»

— Другъ мой! — сказала начальница съ видомъ кроткаго негодованія — теперь не время шутить намъ. Мы теперь подобны путешественникамъ, которые, встрѣтясь случайно на перекресткѣ, идутъ въ разныя стороны и, можетъ быть, уже вѣчно не сойдутся....

«Съ чего такія печальныя мысли, матушка?»

— Съ чего бы онѣ ни взялись въ головѣ моей, но посвятимъ остальныя минуты дѣлу, а не шуткѣ. Ты перебилъ мою рѣчь: я хотѣла сказать, что въ этомъ молодомъ человѣкѣ я какъ будто вижу моего Павла....

«Эхъ, матушка! ты все не отстаешь отъ мечты....»

— Пусть будетъ эта самая вздорная мечта, но я нарочно пришла просить тебя: если не будетъ меня на свѣтѣ, то будь покровителемъ этого юноши!

«Я всегда готовъ ему покровительствовать; но....»

— Ахъ, другъ мой! я знаю все, я знаю болѣе, нежели ты думаешь: страшная бѣда готовится для этого бѣднаго молодаго человѣка; но ради Бога, другъ мой!...

«Чего ты хочешь отъ меня?»

— Я хочу, чтобъ ты не губилъ его. Къ несчастію нашему, Камчатка уже наполнена людьми, которые ненавидятъ насъ, какъ своихъ утѣснителей; для чего ты еще хочешь умножать число своихъ жертвъ и враговъ?

«Странная женщина! — вскричалъ начальникъ, пламенѣя отъ гнѣва, но стараясь удержать его стремленіе — ты говоришь, Богъ знаетъ что!

Я ищу правосудія, справедливости, казни виновныхъ, а она говоритъ объ утѣсненіи, о жертвахъ! Боже мой! справедливо сказано: *и враги человѣку домашнія его!*»

— Нѣтъ, другъ мой! — сказала жена его съ величайшею кротостію, залившись слезами — я не врагъ твой! я тебѣ говорю правду, которой, разставшись со мною, ты болѣе не услышишь. Вспомни, что и нашъ сынъ, быть можетъ, такъ же, какъ и этотъ юноша, гдѣ-нибудь теперь живетъ одинъ, безъ друга и безъ покровителя, можетъ быть, и онъ такъ же нуждается въ помощи, безъ которой погибнетъ.... Ахъ, я тебя просила за многихъ — ты не слушалъ меня; но теперь я со слезами умоляю тебя! Это, быть можетъ, уже послѣдняя моя просьба!

«Ты такъ говоришь — сказалъ начальникъ, показывая видъ, что онъ весьма тронутъ — что не только меня, но и камень могла бы разжалобить. Признаюсь тебѣ, я не люблю послаблять строгости правосудія; но такъ и быть: для тебя только, для тебя одной я приму всѣ мѣры, чтобы спасти этого шалуна. Ты употребила слишкомъ сильное средство, напомнивъ мнѣ о сынѣ.... Охъ!»

Этотъ вздохъ вырвался изъ груди лицемѣра,

можетъ быть, и безъ малѣйшаго притворства: ибо природа и въ самыхъ ожесточенныхъ сердцахъ вступаетъ иногда въ права свои. Но это бываютъ только мгновенныя, такъ сказать, возмущенія постоянной струи порока, которая послѣ того опять приходитъ скоро въ прежнее теченіе. Такъ случилось и здѣсь. Вздохъ, произнесенный начальникомъ, хотя былъ, вѣроятно, и самый непритворный, но между тѣмъ послужилъ прекраснымъ переходомъ къ величайшему притворству. Сохраняя печальную мину, начальникъ сказалъ: «да, душенька! мы, кажется, уже потеряли его навсегда!»

— Нѣтъ; я все-таки еще надѣюсь на Бога.

«Да, моя милая! надѣйся: это всего лучше! Но, кажется, здѣсь намъ уже не увидѣть его!— Сторона отдаленная, малолюдная: какой случай можетъ завести его сюда?»

— Ахъ, не говори объ этомъ! Мнѣ ужасно и подумать, что глаза мои не увидятъ его болѣе!

«Конечно, и мнѣ тоже страшно это помыслить; но какъ ни говори, а это такъ! По этому-то я хотѣлъ тебѣ давно сказать....»

— Что такое?

«Да вотъ что! Ты возишь вездѣ съ собой назначенные для него билеты; боюсь я: неравенъ

случай, такъ, пожалуй, мошенники оберутъ, да и слѣда не найдешь!»

— Но вѣдь ты знаешь, что я дала обѣщаніе покойному своему отцу сохранить эту сумму для его внука....

«Странно мнѣ, матушка, что ты до-сихъ-поръ не увѣрилась во мнѣ: уже ли я истрачу ихъ?»

— Нѣтъ; я не думаю этого; но онъ приказалъ мнѣ беречь ихъ, какъ зѣницу ока, и я дала слово....

«Но подумай сама: храни Боже, если что случится безъ меня (вѣдь, мы всѣ подъ Богомъ ходимъ!); такъ значитъ ли это, что ты выполнишь слово отца?»

— Ты говоришь правду; но дай же мнѣ обѣщаніе, что ты будешь хранить столь же тщательно, какъ я, покуда....

«Вотъ тебѣ порука!» (Начальникъ указалъ на распятіе.)

— Хорошо, другъ мой, возьми ихъ: вотъ они! и когда ты будешь отдавать ихъ моему милому Павлу, то скажи ему, что я всегда носила ихъ на груди своей, какъ самое священное сокровище, потому что съ ними было соединено его имя; скажи ему, что мать его ждала свиданія

съ нимъ, какъ единственнаго блага, и что если жалѣла о жизни, закрывая глаза на-вѣкъ, то потому только, что ждала, и не дождалась его...

Она не могла болѣе говорить, и горько зарыдала.

«Успокойся, другъ мой, успокойся! — говорилъ мужъ ея, казалось, съ непритворнымъ участіемъ. — Оставимъ этотъ разговоръ, поговоримъ лучше о другомъ.... Ну какъ ты, кого рѣшилась взять съ собою для прислуги?»

— Ту женщину, которую рекомендовалъ мнѣ Викторъ Ивановичъ....

«Не совѣтывалъ бы я тебѣ — говорилъ начальникъ, у котораго опять порочныя мысли взяли свое направленіе — не совѣтывалъ бы: эта женщина такъ мнѣ не нравится! У ней такая наружность....»

— Да, наружность ея, признаюсь, и мнѣ не нравится; но я рѣшилась побѣдить это ложное отвращеніе: я думаю только о томъ, что она, если не взять ее, должна помереть съ голоду...

«Это-то правда! Конечно, ты дѣлаешь дѣло христіанское: помогать другому всего лучше на свѣтѣ; но...»

— Нѣтъ; ужъ я рѣшилась....

«Ну я не препятствую тебѣ; слѣдуй влече-

нію твоего добраго сердца: оно тебя не обманетъ! Да я совѣтывалъ бы тебѣ еще взять Алексѣя: онъ почти необходимъ для тебя, по твоему состоянію...»

Начальница согласилась на это предложеніе, и наконецъ вышла изъ комнаты, а мужъ ея, положивши билеты въ конторку, съ плутовскою усмѣшкою сказалъ про себя: «Ну Алёшка, работай, какъ умѣешь! Билетцы теперь у меня, и ты напрасно будешь грызть на нихъ зубы!»

КОНЕЦЪ ВТОРОЙ ЧАСТИ.

Библіотека Н. Я. Голоховскаго

ОГЛАВЛЕНІЕ

ВТОРОЙ ЧАСТИ.

		Стр.
IX.	Начальникъ	1.
X.	Обѣдъ	24.
XI.	Урокъ въ Исторіи	33.
XII.	Камчадальское угощеніе	46.
XIII.	Великодушіе	64.
XIV.	Коварство	85.
XV.	Прощаніе	104.

NB. Сочиненія Калашни-
кова: „Камчадалка и
особенно Дочь купца
Жолобова" замѣчатель-
ны по картиннымъ
описаніямъ Сибири.

Лзб

06